Цена отдельного номера в Москве, в провинции и на ст. жел. дор. 5 копеек.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Российская Коммунистическая Партия (больш.).

ПРАВДА

Орг. Центральн. Ком. и Московск. Ком. Р. К. П. (больш.).

РЕДАКЦИЯ: Москва, Тверская, 48. ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Москва, Тверская, 38.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: В Москве и в провинции: на 4 мес. 3 р. 75 к., на 2 мес. 2 р. — к., на 3 мес. 2 р. 85 к., на 1 мес. 1 р. — к. За границу: 1 год—18 дол., 6 мес.—9 дол., 3 мес.—4,5 дол., 1 мес.—1,5 дол.

ЦЕНА НА ОБ'ЯВЛЕНИЯ: [illegible]

Телеф. конторы 17-41. почтовая экспедиция 5-93-77. отд. об'явлений 5-70-41. городского отдела 4-85-29. районных уполном. 4-85-29.

№ 196. Суббота, 30 августа 1924 г. ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА № 196.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

ГЕРМАНИЯ.

Большинством 2/3 голосов рейхстаг принял законопроект о реорганизации железных дорог согласно проекта Дауэса; часть националистов голосовала за законопроект.

АНГЛИЯ.

Левая оппозиция профсоюзов обратилась к Макдональду с письмом, в котором требует союза с СССР.

ПОЛЬША.

В Зэмерне рабочие захватили бумажную фабрику; полиция выбила рабочих.

В районе Волыни были новые выступления партизан.

Постановление ЦИК СССР по делу Б. В. Савинкова.

Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР, рассмотрев ходатайство Военной коллегии Верховного суда Союза ССР от 29 августа о смягчении меры наказания в отношении к осужденному к высшей мере наказания гражданину Б. В. САВИНКОВУ и признавая, что после полного отказа САВИНКОВА, констатированного судом, от какой бы то ни было борьбы с советской властью и после его заявления о готовности честно служить трудовому народу под руководством установленной Октябрьской революцией власти применение высшей меры наказания не вызывается интересами охранения революционного правопорядка, и полагая, что мотивы мести не могут руководить правосознанием пролетарских масс,—ПОСТАНОВЛЯЕТ:

Удовлетворить ходатайство военной коллегии Верховного суда Союза ССР и заменить осужденному Б. В. САВИНКОВУ высшую меру наказания лишением свободы сроком на ДЕСЯТЬ (10) ЛЕТ.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР **М. КАЛИНИН.**

Секретарь Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР **А. ЕНУКИДЗЕ.**

Москва, Кремль, 29 августа 1924 г.

(Приговор по делу Б. В. Савинкова см. стр. 2.)

Характерный документ о Владимире Ильиче.

Как след страшного для нас всех дня 30 августа 1918 г. между другими бумагами остался между прочим документ, который показывает, насколько Владимир Ильич ревностно заботился о людях.

Вот этот документ:

Покушение на Председателя Совета Народных Комиссаров.

Состояние здоровья В. И. УЛЬЯНОВА (ЛЕНИНА) 18 сентября 1918 г. 8 часов вечера.

Температура нормальная, *пульс хороший*. От кровоизлияния в левую плевру остались небольшие следы. Со стороны перелома осложнений нет. Повязка *переносится хорошо*.

Положение пуль под кожей и полное отсутствие воспалительных реакций позволяет отложить удаление их до (более благоприятного времени) снятия повязки. Владимиру Ильичу разрешено заниматься делами.

ВРАЧИ: *Проф. МИНЦ*, *Д. МАМОНТОВ*, *РОЗАНОВ*, *В. ВЕЙСБРОД*, *Мих. БАРАНОВ*.

На основании этого бюллетеня и моего хорошего самочувствия покорнейшая моя личная просьба не беспокоить врачей звонками и вопросами.

Эта забота о врачах была первым словом Владимира Ильича с того момента, как ему разрешено было заниматься делами.

А. А.

30 августа 1918 г.—30 августа 1924 г.

Бывают годовщины, все более и более теряющие свое живое содержание, чем дальше отходишь от факта, лежащего в основе их. Бывают годовщины, когда значение этих фактов тускнеет, меньшает, и сохраняется только форма.

День 30 августа, день покушения на Владимира Ильича Ленина, относится к [illegible]

... что Борис Савинков наивно повторяет теперь, что он не защищал никогда интересов имущих классов: **все, кто были против нас, были об'ективно на стороне капиталистов, на стороне буржуазии.** День 30 августа 1918 г. был попыткой завершить эту помощь убийством вождя мировой революции, убийством того, кто [illegible]

Уроки процесса Савинкова.

[illegible]

То, что было.

[illegible]

К. РАДЕК.

А. МАК МАНУС, член ЦК английской компартии.

Да здравствует мировая революция!

Германские националисты и проект экспертов.

[illegible]

ГАЛМА.

21 августа.

Рейхстаг за проект экспертов.

«ПРИГОТОВЛЕНИЯ» К РОСПУСКУ РЕЙХСТАГА.

БЕРЛИН, 28 августа. (Роста). 5 час. 30 мин. Националисты внесли совершенно неприемлемые для правительственного большинства поправки к вводной части законопроектов, связанных с планом Дауэса. Положение обострилось. Создается атмосфера кризиса.

Сильный наряд полиции ожидает у здания рейхстага роспуска рейхстага для того, чтобы арестовать ряд коммунистических депутатов.

НЕПРИМИРИМОСТЬ НАЦИОНАЛИСТОВ?

БЕРЛИН, 28 августа. (Роста). 6 часов. Состоявшееся в Берлине собрание руководителей организаций национальной партии входящих в Германию государств высказалось большинством в 42 голоса против 3 за отклонение лондонского соглашения. Внесенные националистами поправки к вводному закону выдвигали следующие основные требования: вводный закон вступает в силу, во-первых, лишь после того, как будут даны гарантии, составленные по принципам международного права, что военная эвакуация Рура последует не позже 10 января и, во-вторых, после того, как германское правительство официально отвергнет свою ответственность за войну, которую оно признало в версальском договоре. Резолюция националистов требует, помимо того, возобновления дипломатических переговоров для облегчения бремени, налагаемого на Германию планом Дауэса, и обследования платежеспособности Германии не позже, чем в течение 2 лет. Требования националистов считаются в политических кругах неприемлемыми для правительственных партий. Третье чтение законопроектов пока продолжается без инцидентов. Выступивший с большой речью Штреземан пытался разбить аргументацию правой оппозиции.

БЕРЛИН, 28 августа. (Роста). 7 час. 15 мин. Националисты ведут переговоры с министром Штреземаном.

С.-Д. ХОТЯТ НОВЫХ ВЫБОРОВ. ЗАКУЛИСНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ ПРОДОЛЖАЮТСЯ.

БЕРЛИН, 28 августа. (Роста). Сегодняшнее заседание германского рейхстага окончилось далеко за полдень. Как уже сообщалось, окончательное решение рейхстага отложено на завтра. Причина отсрочки заседания—желание сторонников буржуазного блока в правительственных партиях выиграть время для продолжения торга с националистами. Воздержание от голосования националистов по внесенному социал-демократами предложению о немедленном голосовании законопроектов, связанных с проектом Дауэса, возбуждает надежды сторонников буржуазного блока на возможную капитуляцию их позиции. В кулуарах рейхстага сегодня после обеда царят самые противоречивые настроения. Социал-демократы хотели добиться скорейшего разрешения вопроса о законопроектах, опасаясь новых внутреннеполитических уступок националистам по мере того, как продолжаются переговоры с ними. Социал-демократы, например, чрезвычайно обеспокоены привлечением депутатов-националистов прусского ландтага к участию в сегодняшних закулисных переговорах с Штреземаном. Социал-демократы предпочитают роспуск рейхстага и назначение новых выборов принятию законопроектов, связанных с проектом Дауэса ценою образования буржуазного блока и распадением прусской коалиции.

Избирательная кампания, если она состоится, будет вестись, главным образом, под лозунгами лондонского соглашения и законопроектов по осуществлению плана Дауэса, при чем перспективы для срединных партий и социал-демократов вообще считаются благоприятными, так как возродились надежды на упрочение экономической жизни в Германии. Наоборот, радикальным партиям предсказывают потерю мандатов.

В то время как тевтонцы и националисты, повидимому, очень опасаются новых выборов, коммунисты их нисколько не боятся. Конечно, коммунистическая пропаганда во время избирательной кампании была бы чрезвычайно затруднена вследствие лишения иммунитета многих преследуемых коммунистических депутатов и вследствие систематического запрещения коммунистической печати. Последний пункт завтрашнего порядка дня после разрешения вопроса о законопроектах по плану Дауэса—тевтонские и коммунистич. запросы об амнистии.

КАПИТУЛЯЦИЯ РЕЙХСТАГА.

БЕРЛИН, 29 августа. (Роста). Рейхстаг *принял законопроект о реорганизации железных дорог*, согласно проекту экспертов, большинством 314 голосов против 127 голосов. Таким образом, необходимое для принятия закона «квалифицированное большинство» в две трети голосов превышено даже на 20 голосов. Фракция националистов освободила своих членов от фракционной дисциплины при голосовании. Около 40 националистов голосовали за закон.

За и против ратификации англо-русского договора.

ИНТРИГИ АНГЛИЙСКИХ КАПИТАЛИСТОВ.

ЛОНДОН, 28 августа. (Роста). [illegible]

ОППОЗИЦИЯ АНГЛИЙСКИХ ПРОФСОЮЗОВ ЗА СОЮЗ СССР. ПИСЬМО МАКДОНАЛЬДУ.

ЛОНДОН, 28 августа. (Роста). [illegible]

ПРОДОЛЖЕНИЕ КАМПАНИИ ПРОТИВ ДОГОВОРА.

ЛОНДОН, 29 августа. (Роста). [illegible]

ТОВ. РАКОВСКИЙ О КАМПАНИИ ПРОТИВ ДОГОВОРА. ТАКИЕ ЖЕ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ АНГЛИИ, КАК И ДЛЯ СССР.

ЛОНДОН, 29 августа. (Роста). [illegible]

Америка, Япония и СССР.

ЯПОНСКИЙ ПОЛИТИК ЗА СБЛИЖЕНИЕ С СССР.

НЬЮ-ЙОРК, 28 августа. (Роста). Японский либерал Цуруми выступил в «Институте Политики» с речью, в которой заявил, что принятый Америкой закон против японской иммиграции толкает японский пролетариат и крестьянство к союзу с СССР. По словам Цуруми, японские массы относятся с недоверием к капиталистической демократии и ищут сближения с коммунистическим Советским Союзом и Азией. Цуруми далее заявил, что со времени американского закона об иммиграции в Японии серьезно заинтересовались проблемой эмиграции в Сибирь. **Цуруми далее намекал на возможность советско-азиатского союза против Соединенных Штатов.**

Комментируя это выступление, американская печать единогласно подчеркивала предсказание Цуруми, что в результате американской политики в Японии разовьется новое движение рабочих и крестьян. Очевидно, с целью сгладить это впечатление, Цуруми выступил с опровержением изложенной в печати версии его выступления, заявляя, что в своей речи он говорил об общей умеренности японского пролетариата и лишь отмечал, что некоторая его часть пропагандирует сближение с Советским Союзом, в связи с недозволением японской иммиграции в Америку.

АМЕРИКАНСКАЯ ГАЗЕТА ЗА СБЛИЖЕНИЕ С СССР ПРОТИВ ЯПОНИИ.

НЬЮ-ЙОРК, 28 августа. (Роста). Газета демократов «Уорльд», критикуя внешнюю политику республиканской партии, упрекает, между прочим, республиканское правительство, что, согласившись на Вашингтонской конференции по морскому разоружению не укреплять Филиппинских островов, оно не сделало отсюда должных политических выводов. Газета напоминает, что Вашингтонская конференция создала нейтральную зону на Тихом океане. Вашингтонская конференция сделала невозможной защиту Филиппин или создание там базы для действий американской дипломатии на Дальнем Востоке. В связи с этим, по словам газеты, Соединенным Штатам надлежало бы стремиться к дружбе с Японией и вести примирительную политику на Филиппинах, а также, «признать **значение России на Дальнем Востоке, в качестве противовеса Японии»**. Но республиканцы, наоборот, усилили антагонизм Японии, отдаляют от Америки Филиппины и **оскорбляют Россию при каждом случае, отказывая ей в ее праве на видную роль, в качестве дальневосточной державы».**

Борьба английского пролетариата.

МАНИФЕСТ ОППОЗИЦИИ АНГЛИЙСКИХ ПРОФСОЮЗОВ.

ЛОНДОН, 28 августа. (Роста). Ряд английских газет, включая и «Дейли Геральд», публикует отрывки из манифеста оппозиционного меньшинства английских профсоюзов, адресованные конгрессу тред-юнионов, открывающемуся 1 сентября в Гулле. Манифест характеризует английское правительство, «как слугу капиталистического государства и защитника интересов торговых и промышленных кругов». Манифест также подчеркивает, что «план Дауэса означает превращение германского рабочего класса в промышленную колонию английского, французского и американского капитализма. Осуществление мероприятий, *предусмотренных* планом Дауэса, на которое согласилось рабочее правительство, означает установление 10-часового рабочего дня для германских рабочих. Мероприятия эти, в конечном счете, будут распространены и на английских рабочих».

РАЗНОГЛАСИЯ В ИСПОЛКОМЕ АНГЛИЙСКИХ ГОРНОРАБОЧИХ.

ЛОНДОН, 28 августа. (Роста). Вчера секретарь нортумберлендского союза горнорабочих и член исполкома федерации горняков Отрекер заявил представителям печати следующее: «Так как заседание исполкома по поводу проекта Дауэса еще не состоялось, то Кук делал свои заявления корреспонденту «Дейли Ньюс» исключительно от своего имени». Отрекер также прибавил, что германский уголь не представляет опасности для Англии, ибо он будет продаваться по обычной рыночной цене. Эти заявления указывают на разногласия в среде горняков в вопросе о проекте Дауэса.

НОВАЯ ЗАБАСТОВКА ЛОНДОНСКИХ ТРАНСПОРТНИКОВ.

ЛОНДОН, 28 августа. (Роста). Начавшаяся несколько дней тому назад забастовка транспортных рабочих, обслуживающих Ковэнт-Гарденский фруктовый и овощной рынок в Лондоне, расширяется и приобретает серьезное значение. Профсоюз транспортников предложил портовым рабочим не вывозить из портов прибывающих туда иностранных грузов фруктов и овощей, а рабочим гужевого транспорта профсоюз предложил не перевозить фруктов и овощей на рынки, в железнодорожные склады или в магазины. Бастующие требуют установления минимальной заработной платы в размере 4 фунтов 5 шиллингов в неделю.

ЗАБАСТОВКА В БЕЛЬГИИ.

ПАРИЖ, 28 августа. (Роста). Забастовка горнорабочих округа Боринаж (Бельгия) продолжается с прежним упорством. Расширению забастовки по-прежнему препятствуют реформисты. Федерация французских рудокопов призывает своих членов к солидарности с бастующими.

Положение в Польше.

[illegible] ВЫСТУПЛЕНИЕ [illegible]

ВАРШАВА, 28 августа. (Роста). В [illegible] рабочие захватили бумажную фабрику. Причиной выступления рабочих является закрытие означенной фабрики, на которой занято свыше 1.000 рабочих. Полиция выбила рабочих из здания фабрики.

РОСТ ПОВСТАНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ.

ВАРШАВА, 28 августа. (Роста). Повстанческое движение в Польше не прекращается. В районе Волыни имело место [illegible] выступление [illegible] в результате [illegible]

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПИЛСУДСКОГО В АРМИЮ.

ВАРШАВА, 28 августа. (Роста). В связи с переговорами о возвращении Пилсудского в армию, опубликовано в печати открытое письмо, из которого можно заключить, что Пилсудский ставит условием своего возвращения расширение его полномочий в качестве генерального инспектора армии.

В разных странах.

РАЗЛОЖЕНИЕ ФАШИЗМА.

РИМ, 28 августа. (Роста). Несколько фашистских кандидатов парламента, во главе с известным писателем Сем Бенелли, недовольные усилением крайнего течения в фашизме, ведут переговоры об организации самостоятельной фракции.

РИМ, 28 августа. (Роста). Отделение «союза бывших фронтовиков» в районе Кремы полностью одобрило направленные против фашизма решения с'езда фронтовиков. Печать обращает на это особенное внимание, так как Крема находится в провинции Кремона, считающейся оплотом фашизма.

БОЛЕЗНЬ АНАТОЛЯ ФРАНСА.

ПАРИЖ, 28 августа. (Роста). Знаменитый французский писатель Анатоль Франс заболел, и уже в течение 3 дней не встает с постели. Здоровье Анатоля Франса внушает серьезные опасения.

В президиуме ЦИК СССР.

(Заседание 29 августа).

Очередное заседание президиума ЦИК Союза ССР состоялось под председательством тов. М. И. Калинина.

НАЗНАЧЕНИЕ ПОЛПРЕДА В МЕКСИКУ.

Полномочным представителем Союза ССР в Мексике назначен тов. С. С. Пестковский.

О ГОСУДАРСТВЕННОМ ФЛАГЕ СССР.

Утвержден проект постановления ЦИК и СНК Союза ССР «о флагах и вымпелах Союза Советских Социалистических Республик». Согласно постановления, государственный флаг Союза ССР (ст. 71 Основного Закона Союза ССР) поднимается: 1) над зданием, где происходит С'езд Советов Союза ССР или сессия ЦИК Союза ССР—в течение с'езда или сессии; 2) над зданиями ЦИК'а и Совнаркома Союза ССР; над зданиями центральных и местных учреждений, наркоматов и иных органов Союза ССР в дни пролетарских праздников; 3) над зданиями полномочных представительств, торговых представительств и консульств Союза ССР; 4) в качестве стеньгового флага на судах, на которых находятся председатель ЦИК, председатель совнаркома Союза ССР, и иные лица, официально представляющие ЦИК и Совнарком Союза ССР, а равно полномочные представители Союза ССР, по их распоряжению, согласно особой инструкции, издаваемой подлежащими учреждениями; 5) в качестве кормового флага на всех торговых судах, приписанных к портам Союза ССР, а равно плавающих на внутренних водных путях Союза ССР.

О ВОЕННОЙ ВЕТЕРИНАРИИ.

Утвержден проект постановления ЦИК и СНК Союза ССР, внесенный Союзным Совнаркомом, о «сосредоточении военной ветеринарии в Народном Комиссариате по военным и морским делам Союза ССР». Согласно постановления, соответствующая ст. 9-я положения о Народном Комиссариате по военным и морским делам дополняется п. «н», который гласит: «Военно-ветеринарное управление рабоче-крестьянской Красной армии имеет своим назначением обслуживание и руководство ветеринарной частью Красной армии и флота и ОГПУ». В примечании к этому пункту указывается, что постановления наркомземов союзных республик по борьбе с эпизоотиями обязательны для Красной армии и флота и ОГПУ. Все мероприятия, требующие согласованного выполнения органами военной и гражданской ветеринарии, производятся союзным наркомвоенмором по соглашению с наркомземами союзных республик. При разработке мероприятий по организации военной ветеринарии наркомвоенмор обязан соблюдать права наркомземов в области ветеринарии, предусмотренные в Положениях о наркомземах и ветеринарных уставах, утвержденных ЦИК'ами союзных республик.

Означенное постановление подлежит утверждению очередной сессии ЦИК'а Союза ССР.

ИЗМЕНЕНИЕ НЕКОТОРЫХ СТАТЕЙ ПОЛОЖЕНИЯ О ВСНХ СССР.

Утвержден проект постановления ЦИК и СНК Союза ССР «об изменении ст. 3-й п. «б» и ст. 4-й Положения о ВСНХ Союза ССР». В измененном виде ст. 4-я этого Положения принята в следующей редакции: «ВСНХ Союза ССР по административно-финансовому управлению ведает: делами по учету личного состава, общей перепиской по делам ВСНХ Союза ССР, внутренним бюджетом, информационной частью, составлением периодических отчетов, денежным довольствием, хозяйственной частью и охраной учреждений ВСНХ Союза ССР».

Означенное постановление подлежит утверждению очередной сессии ЦИК'а Союза ССР.

О САМООБЛОЖЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ.

Утвержден проект постановления ЦИК и СНК Союза ССР «о самообложении населения для удовлетворения местных нужд». Самообложение населения для удовлетворения всякого рода общественных нужд (содержание учреждений учебно-просветительных, лечебных, социального обеспечения, а также удовлетворения нужд местного благоустройства и т. п.) допускается исключительно на началах добровольного соглашения граждан, об'единившихся для этой цели в разрешенные установленным порядком организации или добровольно принявших на себя определенные обязательства. Участие местных финансовых и административных органов, в том числе и волостных (районных) и сельских советов, в проведении самообложения и в производстве взыскания взносов, причитающихся с отдельных граждан в порядке самообложения,—воспрещается.

ПОПОЛНЕНИЕ КОМИССИИ ПО НАБЛЮДЕНИЮ ЗА ВОЛХОВСТРОЕМ.

Удовлетворено ходатайство члена президиума ЦИК Союза ССР тов. Рудзутака о пополнении комиссии президиума ЦИК Союза ССР по наблюдению за Волховстроем представителем от НКПС Союза ССР.

УТВЕРЖДЕНИЕ КОМИТЕТА ПО ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВУ ТРУДЯЩИХСЯ ЕВРЕЕВ.

Президиум Совета Национальностей ЦИК Союза ССР вошел с ходатайством в президиум ЦИК Союза ССР об утверждении образуемого при президиуме Совета Национальностей комитета по землеустройству трудящихся евреев. Президиум Союзного ЦИК'а утвердил этот комитет в следующем составе: т.т. П. Г. Смидович (председатель), А. П. Смирнов (зам. председателя), члены: М. Литвинов, Л. Красин, А. Шейнман, Клименко, Игнатовский, Тер-Габриелян, представитель наркомзема Крыма, Ю. Ларин, Анцелович, Мережин, Диманштейн и Гольде.

О ДЕЛЕ Б. САВИНКОВА.

Последним вопросом обсуждалось ходатайство военной коллегии Верховного Суда Союза ССР от 29 августа по смягчению меры наказания в отношении к осужденному к высшей мере наказания гр. Б. В. Савинкову.

Участие иностранного капитала в строительстве электростанций.

Совнарком Союза ССР постановил разрешить шведской фирме «Асеа» приобрести акции акционерного общества «Электросельстрой» на общую сумму 250.000 рублей при непременном условии оплаты означенных акций наличными деньгами.

Устав акц. о-ва «Электросельстрой» утвержден СТО СССР 14 июня с. г. Инициатива организации общества принадлежит Наркомзему.

Основной задачей о-ва является строительство электрических станций, сетей и различных электрических сельскохозяйственных установок с обращением особого внимания на использование сил природы.

Развертывание строительства будет происходить путем выполнения заказов местных крестьянских товариществ, советских хозяйств и других клиентов на основе предоставления преимущественно крестьянскому населению рассрочки платежа за произведенное оборудование на несколько урожаев, а также электрификации некоторых районов и сооружения в них оборудования собственными средствами, предварительно обследовав рациональность и коммерческую выгодность такого предприятия.

Аналогичной задачей общества является развитие технических производств по переработке сельскохозяйственных продуктов и разработке естественных богатств с широким применением электрической энергии.

Основной капитал общества равняется 2 миллионам рублей. Учредителями являются большинство наших государственных предприятий, по характеру своей работы связанных с деревней.

МОСКВА.

Всесоюзный шахматный турнир.

Вчера доигрывались партии, неоконченные в первых 5 турах: Боголюбов выиграл у Верлинского, А. Рабинович у Григорьева и Ненароков у Розенталя. Вничью окончили партию Ненароков—Дуз-Хотимирский и Богатырчук—Верлинский.

Положение турнира после 5 туров: Боголюбов и Романовский по 5, Созин—4½, Левенфиш—4, Богатырчук—3½, Григорьев и Ненароков—по 3, Верлинский, Вильнер, Ильин-Женевский и Селезнев—по 2½, И. Рабинович—2, Дуз-Хотимирский и И. Рабинович—по 1½, Фрейман—1, Смородский и Сергеев—по ½, Розенталь—0.

Сегодня играется 6 тур.

8-ПРОЦЕНТНЫЙ ЖИЛИЩНО-СТРОИТЕЛЬНЫЙ ЗАЕМ.

Мосфинотдел об'явил о выпуске с 1 октября Московским Советом 8-процентного жилищно-строительного займа на общую сумму 10 миллионов руб. золотом, сроком на 15 лет, в облигациях 50- и 100-рублевого достоинства. Выпускаемая цена 95 за 100. Реализация займа производится путем добровольной подписки во всех кассах Наркомфина, Мосфинотдела, райфинотделах, уфинотделах и Городском банке с его филиалами. Предварительная подписка производится в этих же кассах с 1 сентября.

ОБ ОБМЕНЕ КВАРТИРАМИ И КОМНАТАМИ.

По постановлению президиума Моссовета, разрешен обмен комнатами и квартирами, как находящимися в одном доме, так и в разных домах. Домоуправления могут запрещать обмен только в самых исключительных случаях. Если обменом не нарушается жилищная норма и в доме сдана 10-процентная норма, то обмен может быть совершен беспрепятственно, а там, где норма не сдана, обмен может производиться с разрешения МУНИ. Могут быть также обменены комнаты из 10-проц. нормы, но с разрешения жилищных органов. Это постановление дает возможность рабочим и служащим подыскать необходимые им помещения вблизи предприятия или учреждения, где они работают.

НОВЫЕ МОНЕТЫ.

На-днях в Москве появились в обращении новые серебряные рубли чеканки 1924 г. и медные монеты 3-копеечного достоинства. На одной стороне монеты рублевого достоинства имеются серп и молот из колосьев, перевитых лентами. Под вензелем край восходящего солнца, а по бокам венка инициалы СССР. Вензель венчает пятиконечная звездочка, внизу под чертой надпись «1 рубль», а по окружности «Пролетарии всех стран, соединяйтесь». На другой стороне монеты рисунок, изображающий крестьянина с серпом в левой руке, стоящего у бороны, и рабочего, обнимающего его правой рукой, а другой рукой указующего на восходящее солнце над фабричным зданием и колосящейся нивой. На лицевой стороне 3-копеечной монеты—2 перекрещивающихся ржаных колоса и надпись: «3 копейки 1924 г.». На оборотной стороне изображен венок из колосьев, перевитых лентой.

РАБОЧИЙ ДЕНЬ В УЧРЕЖДЕНИЯХ НАЧИНАЕТСЯ В 10 ЧАС. УТРА.

Народный комиссариат труда РСФСР доводит до сведения всех госучреждений, что за истечением срока действия постановления СНК от 16 мая 1924 г. начало занятий во всех государственных учреждениях с 1 сентября с. г. устанавливается с 10 часов утра.

КООПЕРАТИВНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ЖЕНЩИН-РАБОТНИЦ.

28 августа в центральном кооперативном клубе состоялась общегородская кооперативная конференция женщин-практикантов. После доклада о заготовительной работе МСПО конференция постановила вменить в обязанность всем уполномоченным женщинам предпринять кампанию на своих предприятиях по раз'яснению работницам и рабочим важности укрепления кооперации, без чего невозможна победа над частной торговлей. Женщины-работницы,—заявляет конференция,—больше всего связаны с кооперацией и им лучше всего известны все недостатки. Они должны стремиться к тому, чтобы лавочные комиссии наполовину состояли из работниц.

В целях большей загрузки кооперативных лавок товарами, конференция постановила оказать всяческую помощь в деле распространения кооперативного займа.

4-Й ДЕНЬ «ВОЗДУШНЫХ ОКТЯБРИН».

МОДВФ организует 31-го августа 4-й день «воздушных октябрин». Все, имеющие билеты на полеты, собираются ровно в 13 часов в МОДВФ (Неглинный проезд д. 7).

ЖИЛИЩНО-СТРОИТЕЛЬНЫЕ КООПЕРАТИВЫ.

По целому ряду предприятий в Москве и губернии инициативные группы рабочих ведут подготовительную и организационную работы, намечая об'екты достройки и восстановления полуразрушенных домов. Некоторые группы предполагают использовать для работ по строительству новых домов и по ремонту старых текущий строительный сезон. К числу этих групп принадлежат рабочие Замоскворецкого трамвайного парка, центрального управления государственных автомобильных заводов, подольский уисполком и московский участок Белорусско-Балтийской ж. д., Коломенский рабочий кооператив приступает к капитальному ремонту и достройке 4-х каменных домов. Рабочий кооператив «Красный Текстильщик» в селе Балашихе приступает к постройке, кроме ранее начатых стройкой 4-х домов еще 8 двухквартирных домов.

ЖАЛОБЫ НА АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ОРГАНЫ.

Наркомвнуделом разработан проект правил о порядке направления жалоб на незаконные действия административных органов и должностных лиц. Жалобы должны подаваться в вышестоящие административные учреждения, при чем в приеме жалоб выдаются специальные квитанции. В течение 3 дней жалобы должны быть направлены в высшее учреждение, и должны быть рассмотрены в семидневный срок.

РАССМОТРЕНИЕ ЖАЛОБ ПО СЕЛ.-ХОЗ. НАЛОГУ.

Чтобы устранить дефекты по рассмотрению жалоб по с.-х. налогу, в настоящее время местам предложено вести самую точную регистрацию этим жалобам. В случаях значительного поступления жалоб заведующим уездными финотделами вменено в обязанность назначать внеочередные заседания налоговых комиссий. Губернские комиссии должны вести особо строгий контроль за работой уездных комиссий. Губернским и уездным ревизорам вменено в обязанность при производстве ревизий уделять самое серьезное внимание своевременному передвижению жалоб из волисполкомов в уездные налоговые комиссии.

НАЛОГОВЫЕ ОБЯЗАННОСТИ ДОМОУПРАВЛЕНИЙ.

Налоговое управление Наркомфина РСФСР разработало инструкцию об обязанностях домоуправлений по проведению государственных и местных налогов и сборов. Согласно этой инструкции, на домоуправления должна быть возложена обязанность оказывать содействие финорганам в деле выявления об'ектов обложения, обнаружения плательщиков государственных и местных налогов и сборов и борьбы с недоимочностью.

УПОРЯДОЧЕНИЕ СНАБЖЕНИЯ СПЕЦОДЕЖДОЙ.

Наркомтруд выработал и представил на согласование в НК РКИ и ВЦСПС циркуляр, предлагающий хозорганам обратить самое серьезное внимание на качество приобретаемой спецодежды. Прием спецодежды должен производиться хозорганами через особые комиссии. За выдачу рабочим непригодной спецодежды хозорганы будут привлекаться инспекцией труда к уголовной ответственности.

ВЫРАБОТКА ПРЕССОВАННОГО ЧАЯ.

В виду крайне плохого качества получаемых из-за границы кирпичных чаев, Центросоюз решил воздержаться от дальнейшей их закупки и приступает к организации собственного производства по прессовке чаев. Для этой цели Центросоюз берет в эксплоатацию специально оборудованные заводы в Китае.

МАССОВАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ КНИГА.

Государственное издательство приступило к изданию массовой крестьянской книги,—как учебников, так и общей литературы. Для того, чтобы проверить качество этой книги и способствовать ее продвижению в крестьянские массы, предполагается устраивать на местах специальные библиографические вечера, учительские конференции, на которых будут обсуждаться отзывы о выпускаемой Госиздатом книге.

РАДИО-КОНЦЕРТЫ.

В четверг, 28 августа, группой радио-музыки был дан концерт с радио-станции им. Коминтерна для Ленинграда. В некоторых частях Москвы концерт был плохо слышен из-за «вмешательства» Сокольнической радио-станции. 8 сентября группа радио-музыки устраивает большой радио-концерт с докладами о радио в Большом академическом театре. Часть концерта будет приниматься из Парижа.

ПРИГОВОР по делу Б. В. Савинкова.

Именем Союза Советских Социалистических Республик Верховный Суд СССР по Военной Коллегии, в составе председательствующего Ульриха В. В., членов Камерона П. А. и Кушнирюка Г. Г., при секретаре Маршаке, в открытом судебном заседании 27—28 и в ночь на 29 авг. 1924 г., в Москве заслушал и рассмотрел дело по обвинению Савинкова, Бориса Викторовича, 45 лет,—сына чиновника, с незаконченным высшим образованием, *при советской власти не судившегося*, бывшего члена боевой организации партии *с.-р., а впоследствии руководителя* и организатора контрреволюционных, шпионских и бандитских организаций,—в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58 ч. 1, 59, 64, 66 ч. 1, 70 и 76 ч. 1 уголовного кодекса РСФСР, нашел судебным следствием установленным,

что Борис Савинков:

1. С момента февральского переворота до Октябрьской революции, принадлежа к партии с.-р. и *разделяя программу* монархиста генерала Корнилова, будучи комиссаром при командующем юго-западным фронтом, военным министром в кабинете Керенского, членом совета союза казачьих войск, активно и упорно противодействовал переходу земли, фабрик и всей полноты власти в руки рабочих и крестьян, призывая подавлять их борьбу самыми жестокими мерами и приказывая расстреливать солдат, не желавших вести войну за интересы империалистической буржуазии.

2. После перехода власти в руки трудящихся пытался в Петрограде поднять казачьи полки для свержения рабоче-крестьянской власти и после неудач бежал в ставку Керенского, где совместно с генералом Красновым активно боролся против восставших рабочих и революционных матросов, тем самым защищая интересы помещичье-капиталистической контрреволюции.

3. В конце 1917 и в начале 1918 г.г. принял активное участие в донской контрреволюции, став членом донского *гражданского совета*, совместно с генералами монархистами Алексеевым, Калединым и Корниловым, которых убеждал в необходимости вести вооруженную борьбу против власти советов, помогал формированию так называемой добровольческой армии, которая до конца 1920 года при *поддержке англо-французских* капиталистов разоряла Украину, Донскую область, Северный и Южный Кавказ, помогая правительствам Антанты увозить хлеб, нефть и прочее сырье.

4. В начале 1918 года, явившись в Москву, создал контрреволюционную организацию «Союз защиты родины и свободы», куда привлек главным образом участников тайной монархической организации, гвардейских и гренадерских офицеров и своими главными помощниками сделал монархистов генерала Рычкова и полковника Перхурова, после чего обратился к ген. Алексееву—главе южной монархической контрреволюции—с донесением об образовании «СЗР и Св.» и просьбой дать руководящие указания. Организация, созданная Савинковым, имела своей целью свержение советской власти путем вооруженных восстаний, террористических актов против членов рабоче-*крестьянского правительства*, пользуясь материальной поддержкой и получая руководящие указания от французского посла Нуланса и чехо-словацкого политического деятеля Массарика.

5. Весной 1918 года, получив от Массарика *при посредничестве некоего* Клецандо 200.000 рублей на ведение террористической работы, организовал слежку за Лениным и другими членами советского правительства в целях совершения террористических актов, каковые, однако, совершить ему, Савинкову, не удалось, *по причинам от него не зависящим*.

6. Получив разновременно весною 1918 года от французского посла Нуланса около двух с половиной миллионов рублей, в том числе одновременно два миллиона специально для организации ряда вооруженных выступлений на Верхней Волге, по категорическому предложению того же Нуланса, в целях поддержки готовящегося, по словам последнего, англо-французского десанта в Белом море, после неоднократных переговоров с французским военным атташе ген. Лавери и французским консулом Гренаром, организовал, опираясь на офицерские отряды, «СЗР и Св.», *при поддержке меньшевиков и местного купечества* в начале июля 1918 года вооруженное выступление в Ярославле, Муроме, Рыбинске и пытался поднять восстание в Костроме, оттянув тем самым значительные части Красной армии, оборонявшей Казань и Самару от чехо-словаков и эс-эров.

7. После ликвидации мятежей на Верхней Волге он, Савинков, бежал в Казань, в то время занятую чехо-словаками, и принял участие в отряде Каппеля, оперировавшем в тылу Красных войск.

8. В конце 1918 года Савинков принял предложение Колчака быть его представителем в Париже и в течение 1919 года, посещая неоднократно Ллойд-Джорджа, Черчилля и других министров Англии, получал для армий Колчака и Деникина большие партии обмундирования и снаряжения, а также по поручению Колчака для поддержки к.-р. движения, находясь во главе бюро печати «Унион», распространял заведомо ложную информацию о Советской России и вел печатную агитацию о продолжении дальнейшей вооруженной борьбы капиталистических государств с рабоче-крестьянским государством.

9. Во время русско-польской войны 1920 года Савинков, состоя председателем белогвардейского русского политического комитета в Варшаве, по предложению Пилсудского, за счет Польши и при полном содействии французской военной миссии в Варшаве организовал так называемую «русскую народную армию» под командой генералов Перемыкина и братьев Булак-Балаховичей, а осенью того же года после заключения русско-польского перемирия с ведома Пилсудского лично принял участие в походе Булак-Балаховича на Мозырь.

10. В начале 1921 года через так называемое информационное бюро РПК, во главе которого стоял его брат Виктор Савинков, Борис Савинков организовал военно-разведывательную работу на территории Советской России, передавая часть получаемых сведений второму разведывательному отделу польского генерального штаба и французской военной миссии в Варшаве, получая за это денежные вознаграждения.

11. С июня 1921 года по начало 1923 года Савинков, став во главе восстановленного им «Народного союза защиты родины и свободы», в целях поднятия вооруженных восстаний на территории Советской России неоднократно посылал в западные пограничные губернии вооруженные отряды под командой офицеров Павловского, Васильева, Павлова и других, которые производили налеты на исполкомы, кооперативы, склады, спускали под откос поезда, убивали советских работников, а также собирали сведения военного характера для передачи польской и французской разведке в Варшаве. Кроме того, отдельным лицам, как, напр., полковнику Свежевскому, давались задания террористического характера, каковые, однако, выполнены не были.

12. В 1923 году, когда после разгрома *большинства организаций* «НСЗР и Св.» денежная поддержка, получаемая Савинковым от Польши и Франции, сильно сократилась, он пытался получить средства от Муссолини, и

13. В августе 1924 года, желая лично *проверить состояние* антисоветских и контрреволюционных организаций на территории Союза ССР, перешел по фальшивому документу на имя Степанова В. И. русско-польскую границу, но вскоре был арестован.

Таким образом устанавливается виновность Савинкова:

1) В организации в контрреволюционных целях вооруженных восстаний на советской территории в период 1918—1922 г.г., т.-е. в преступлении, предусмотренном ст. 58, ч. 1 уголовного кодекса РСФСР.

2) В сношении с представителями Польши, Франции и Англии с целью организации согласованных вооруженных выступлений на территории Советской Федерации в 1918, 1919, 1920 г.г., т.-е. в преступлениях, предусмотренных ст. 59 уголовного кодекса.

3) В организации в контрреволюционных целях в 1918 и 1921 г.г. террористических актов против членов рабоче-крестьянского правительства, каковые акты, однако, совершены не были, т.-е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 14 и 64 уголовного кодекса.

4) В руководстве военным шпионажем в пользу Польши и Франции в течение времени с 1921 по 1923 г., т.-е. в преступлениях, предусмотренных ст. 66, ч. 1 уголовного кодекса.

5) В ведении пропаганды в письменной *и устной форме, направленной* к поддержке выступлений иностранных капиталистических государств, в целях свержения рабоче-крестьянского правительства в 1919 г., т.-е. в преступлениях, предусмотренных ст. 70 уголовного кодекса, и

6) в организации банд для нападений на советские учреждения, кооперативы, поезда и т. д. в 1921 и 1922 годах, т.-е. в преступлениях, предусмотренных ст. 76, ч. 1 уголовного кодекса.

На *основании изложенного* Верховный Суд приговорил: Савинкова, Бориса Викторовича, 45 *лет*, по ст. 58, ч. 1 уголовного кодекса—к высшей мере наказания, по ст. 59 и рук. ст. 58, ч. 1—к тому же наказанию, по ст. 64 и рук. 58 ст., ч. 1—к тому же наказанию, по ст. 66, ч. 1—к тому же наказанию, по ст. 76, ч. 1—к тому же наказанию и по ст. 70—к лишению свободы на пять лет, а по совокупности—расстрелять с конфискацией всего имущества.

Принимая, однако, во внимание, что Савинков признал на суде всю свою политическую деятельность с момента Октябрьского переворота ошибкой и заблуждением, приведшим его к ряду преступных и изменнических действий против трудовых масс СССР, принимая далее во внимание проявленное Савинковым полное отречение и от целей и от методов контрреволюционного антисоветского движения, его разоблачения интервенционистов и вдохновителей террористических актов против деятелей советской власти и признание им полного краха всех попыток свержения советской власти, принимая, далее, во внимание заявление Савинкова о его готовности загладить свои преступления перед трудящимися массами искренней и честной работой на службе трудовым массам СССР, Верховный Суд постановил ходатайствовать перед президиумом Центрального Исполнительного Комитета СССР о смягчении настоящего приговора.

Председатель В. УЛЬРИХ.

Члены: КАМЕРОН, КУШНИРЮК.

Москва, 1924 года, 29 августа, 1 ч 15 мин.

Стенографический отчет о деле Бориса Савинкова см. 3, 4, 5 и 6 страницы.

Партия эсеров и покушение на В. И. Ленина.

Через два дня после выстрелов злополучной Фании Каплан центральный комитет партии социалистов-революционеров публично, в печати, отрекся от всякого участия партии в деле организации покушения на В. И. Ленина.

А Фания Каплан заявила в своем показании:

— «Я считаю себя социалисткой, но к какой социалистической партии принадлежу,—не считаю нужным сказать»... «Ближе всего примыкаю к Чернову».

Наша печать тогда же об'явила покушение 30 августа делом рук партии эсеров, вопреки отречению эсеровского ц. к. Вопрос о формальных доказательствах правоты или лжи с той или другой стороны был поставлен на разрешение времени.

Через четыре года суд над партией эсеров обнаружил нашу правоту и эсеровскую ложь. Весь свет узнал, что высший орган партии эсеров, ее центральный комитет, позорно и трусливо **солгал перед рабочими и крестьянскими массами осенью 1918 года, не осмелясь признаться в замыслах на жизнь их любимейшего и величайшего вождя.**

Что же установил процесс эсеров, происходивший в Москве летом 1922 года? Ряд незыблемых фактов, формально доказывающих, что покушение на Ленина было организовано боевой организацией партии эсеров, под руководством центрального комитета эсеров, и проведено в жизнь рукою члена партии эсеров.

* * *

Вспомним некоторые факты, обнаруженные в ходе процесса.

Начнем с формального вопроса—о степени участия в покушении на Ленина официально представлявшего всю эсеровскую партию органа—ее ц. к. Вопрос о терроре против вождей советской власти и коммунистической партии обсуждался ц. к. эсеров в феврале 1918 г. Точного решения ц. к. по этому вопросу не удалось установить на процессе. Но установлено, что ц. к. **отверг поправку члена ц. к. Стручкова о принципиальной недопустимости террора, после чего Стручков вышел из состава ц. к.**

Бывший член ц. к. эсеров Буревой по этому поводу показал на следствии:

«Чернов внес в ц. к. резолюцию, которая была так расплывчато средактирована, что Стручков усмотрел в этой резолюции возможность истолкования ее партийными организациями в смысле признания террора».

Другой б. член ц. к. эсеров Ракитников заявил на суде, что «Чернов террора против деятелей советской власти не отрицал», считая его недопустимым лишь «в настоящий момент», т.-е. в феврале (но не в августе!) 1918 года. Оба указанные члены ц. к. подтвердили, что вопрос о терроре вызвал в ц. к. «большие прения». Кончился он, как уже сказано, уходом Стручкова, противника террора, из состава ц. к.

Перейдем от ц. к., как целого, к его отдельным членам. «Душой основного ядра ц. к. были **Гоц** и Зензинов и находившийся вне ц. к. Авксентьев»,—показывал Буревой. Это «основное ядро» по ряду вопросов «противостояло Чернову», **или было правее.** За этим «ядром» было большинство в ц. к.

И вот, **Гоц**, один из двух членов ц. к., указанных Буревым, несших наибольшую ответственность за ц. к. и партию, на суде был **уличен в личном руководстве** делом организации августовского покушения на Ленина.

Летом 1918 года б. эсер Семенов, стоявший во главе боевой организации п. с.-р., приехав в Москву, отправился за директивами к Гоцу, жившему на даче под Москвой, по Казанской ж. д. В своих показаниях Семенов заявил, что **Гоц вполне одобрил его террористические планы.** Гоц сказал, что «ситуация изменилась, идет открытая борьба с большевизмом, существуют фронты и поэтому **террористические акты нужны и целесообразны».**

Кого убивать первым?

«Гоц настаивал на Ленине»,—показал Семенов. Гоц дал Семенову **санкцию от имени ц. к. партии,** и боевая организация приступила к осуществлению директивы своего ц. к.

Другой **член ц. к., Донской**, находясь в Саратове, имел разговоры с Семеновым и одобрил его планы. Вернувшись в Москву в середине августа, Донской одобрил выбор Семенова, указавшего на Фанию Каплан, как исполнителя убийства.

Третий член ц. к. с.-р. Рихтер, по показанию б. члена боевой организации п. с.-р., Ефимова, виделся в Москве с ним и Коноплевой «секретно» и они «совещались с ним по поводу организации покушения».

Наконец, **уполномоченный ц. к. Рабинович,** по показанию Ефимова, сказал последнему, что «ц. к. партии дал свою санкцию на совершение террористических актов против Ленина и Троцкого».

Как же выполняла «боевая организация» директивы ц. к.? Вот что показал об этом Семенов:

«Ленина предполагалось убить из револьвера на митинге. Стали следить, когда и на каких митингах выступает Ленин. Было установлено, что Ленин присутствует на митингах в районах каждую пятницу. Чтобы точнее установить, когда и на каком митинге будет Ленин, Москва была распределена территориально на четыре части. В каждую часть назначили по исполнителю. Было решено, чтобы на каждом более или менее крупном митинге обязательно дежурил кто-нибудь из боевиков. Районный исполнитель должен был ждать неподалеко от митинга в условном месте. Если **только Ленин приедет на митинг, дежурный боевик должен немедленно сообщить об этом районному исполнителю.** Районный исполнитель является на митинг и выполняет акт. Исполнителями были назначены: Каплан, Коноплева, Козлов и Усов».

В первый раз **встретился с Лениным** рабочий Усов, но не выстрелил. Во второй раз, у Михельсона, Каплан «выполнила акт»... Известившим ее «дежурным боевиком» был **старый эсер Новиков.**

Так работал «механизм» партии эсеров в памятные для рабочих и крестьян августовские дни 1918 года. Но была ли крепка в этом механизме спайка между вдохновителями и исполнителями, между ц. к. и рядовыми боевиками? Увы, здесь не было ни политического, ни даже товарищеского доверия со стороны эсеровских «верхов» к рядовым членам партии.

Ц. к. **обманул** их так же позорно и трусливо, как он солгал перед всем светом, отрекшись от участия партии в покушении.

Перед покушением боевики потребовали категорического заявления ц. к. партии о том, что он **не отречется** от предстоящих актов, как он сделал это уже однажды, после убийства Володарского. И вот,—показывает Семенов,—**«Гоц от имени партии дал честное слово, что ц. к. не будет делать заявлений о непричастности партии к актам, а, наоборот, признает их открыто,** немедленно, или через некоторое время. Гоц подчеркнул, что он **дает честное слово не только от себя, но и от имени партии».**

Семенов сообщил это «честное слово» боевикам, и на основе данного им партийной общественности приступили к подготовке покушения.

Когда, несмотря на «честное слово» Гоца, ц. к. об'явил о непричастности партии к покушению на Ленина, **«это сообщение поразило боевиков, как громом»** (показания Семенова). «Весь боевой отряд собрался на даче в Томилино. Обсуждался вопрос, как реагировать на это новое предательство ц. к.»... «Собрание решило пойти к члену ц. к. Донскому **и потребовать от него, чтобы ц. к. взял свое заявление обратно** и признал покушение на Ленина своим. К Донскому ходили Семенов и Новиков. **Донской категорически отказался** исполнить требование боевиков. Он заявил, что если ц. к. признает покушение на Ленина своим, то это поставит партию под удар и вся партия подвергнется разгрому».

...«После этого, приблизительно в конце сентября, состоялось собрание боевого отряда, продолжавшееся около 3-х дней. **Собрание раскололось на две группы: первая группа—большинство—требовала прекращения деятельности и роспуска отряда. Свое требование она мотивировала двойственной, предательской политикой ц. к., который два раза отрекся от террористических актов, раньше им санкционированных».**

Вторая группа решила отказаться от требования официальной санкции партии, продолжать террор самостоятельно и просить лишь «моральной поддержки» у ц. к. партии. Донской, узнав об этом решении, посоветовал им «воспользоваться каким-нибудь другим названием ничего не говорящим о причастности к партии, **в роде «народных мстителей» или «черных масок». Это предложение было принято боевиками, как насмешка и издевательство»...**

Удивительно ли, что рядовые боевики, *в большинстве своем честные революционеры*, так скоро отказались служить безгласными пешками в руках обманщиков и авантюристов, боровшихся вместе с буржуазией против русских рабочих и крестьян!

Гоцы, Авксентьевы и Черновы знали, что они делают. Они особо дорожили боевиками-рабочими, мечтая о смерти Ленина от руки русского **рабочего**; какой подарок, как и деньги дала бы международная буржуазия русским эсерам за такое «славное» дело! И в самом деле среди «боевиков» мы видим рабочих Ефимова, Усова, Козлова, Сергеева и др. И них Усов был одним из «исполнителей» над... Лениным.

Но классовое чутье, в конце концов, после долгих ошибок и заблуждений, привело этих **рабочих в наш лагерь,** и **мы видели их на процессе эсеров в роли обвинителей на скамье подсудимых.** Со скамьи подсудимых, *отдавшие* на пролетарский суд свое постыдное прошлое, они **обвиняли** партию эсеров и ее ц. к.

Они обвиняли партию эсеров не только своими показаниями. Они обвиняли ее уже одним **фактом** оставления ее рядов, ибо они,—*рабочие-боевики*,—были **лучшими, честнейшими** элементами в этой партии продавшихся буржуазии авантюристов.

* * *

Таков материал, данный нам в 1922 году процессом эсеров по вопросу о покушении на Ленина, шестую годовщину которого мы имеем сегодня. По необыкновенной случайности савинковское дело упало почти как раз на годовщину исторического покушения. Наша партия в связи с этим еще раз высказывает свое отношение к эсеровскому террору.

Эсеровский террор — это тактика **мелкобуржуазного авантюризма.**

Авантюризм—это тактика **без масс.** Лучший приговор этой тактике дал Савинков на своем суде, растерянно признавшись: **«Разве я мог знать (!), что массы будут с вами, с большевиками?»** Это—смертный приговор тактике авантюризма, данный крупнейшим из авантюристов в истории русской революции и русских партий.

Когда-то, будучи направлен против гнусного самодержавного режима, этот авантюризм заслуживал имя: «революционный авантюризм». Сейчас, когда партия эсеров или эсер Савинков продолжают тем же методом бороться с диктатурой пролетариата, из этого авантюризма улетучились всякие остатки революционности.

Сейчас это—**реакционный** авантюризм прислужника буржуазии. Какими бы трескучими фразами, каким бы «героическим» флером ни прикрывался этот авантюризм,—**классовый** смысл его фальшив одни, ибо из рук пролетариата власть, в **конечном счете, переходит только к** буржуазии.

В. АСТРОВ.

Дело Бориса Савинкова.

После двухдневного разбора закончилось дело Бориса Савинкова.
Савинков безоговорочно признает советскую власть.
Показания Савинкова обнаружили, что контрреволюционная работа Савинкова и белых организаций направлялась буржуазными правительствами.
От имени президента Чехо-Словацкой республики Савинкову было передано 200.000 руб. на террористическую работу.
Восстание в Ярославле было начато по предложению французского посла Нуланса.
Лево-эсеровское восстание было организовано при участии французских агентов.
Черчилль заявил о деникинской армии: „Вот МОЯ армия“.
Переговоры Ллойд-Джорджа с Савинковым накануне генуэзской конференции.
Попытка Савинкова организовать покушение на Чичерина и Раковского в Берлине.
Предложение Пилсудского Савинкову формировать русскую народную армию.
Об'единение белогвардейцев и петлюровцев с ведома Пилсудского для бандитских набегов после подписания перемирия с Советской Россией.
Предложение Савинкову устроить свидание с Эррио и Макдональдом.
В виду раскаяния Бориса Савинкова, Верховный Суд постановил ходатайствовать о смягчении наказания Борису Савинкову.
ЦИК СССР удовлетворил ходатайство Верховного Суда, заменив высшую меру наказания десятью годами тюремного заключения.

Из залы суда.

В течение двух дней Борис Савинков искал слов, которые могли бы на суде трудящихся смягчить ужас совершенных им преступлений. В течение двух дней с утра до позднего вечера велась эта яркая по форме, отточенная, временами художественная, нучительная речь. Савинков—не только человек, кичившийся законченностью своей воли, четкостью и принципиальностью своих решений. Савинков, кроме всего остального,—писатель Ропшин, может быть, один из наиболее одаренных писателей русской буржуазии периода ее упадка. И вот этот прекрасный стилист, стальной человек, прославленный и своим бесстрашием, и своим словом, пытался в какой-нибудь, хотя бы самой слабенькой форме найти мотив, дающий ему право, после всего содеянного, смотреть в лицо жизни. Он искал слова, за которое мог бы уцепиться, хотя бы как утопающий за соломинку.

И не нашел его.

Печатаемая ниже стенограмма показаний Савинкова интересна прежде всего с этой точки зрения: у мелкобуржуазной интеллигентской мысли, еще недавно бряцавшей отточенной фразой, еще недавно щеголявшей павлиньим хвостом красноречия, нет больше слов. Она жалка в своем ничтожестве.

* * *

Как это ни странно, но в ходе судебного процесса у Савинкова, в сущности говоря, не было противника. И не только потому, что дело его слушалось без обвинителя, что суд не вызвал ни одного свидетеля обвинения. Еще важнее, что сам Савинков не вел уликовой борьбы, почти не отрицал фактов. В этом отношении последний процесс представляет собой полную противоположность процесса центрального комитета социалистов-революционеров, который отнял летом 22 года почти два месяца у Верховного суда. Оба эти процесса—эсеровский и савинковский—по содержанию представляют собой одно и то же явление распада белогвардейщины на левом ее фланге. Но, будучи сходными по содержанию, оба процесса резко отличаются друг от друга по форме потому, что центральный комитет партии социалистов-революционеров в 22 году еще стремился «сохранить лицо» и пытался добиться этого путем фактической лжи, а Савинкову в 24 году уже не пришлось думать о лице, — он вынужден был с первого момента ареста капитулировать перед фактами. Факты,—вот кто незримо присутствовал в зале суда, занимая место за столом обвинения. «Непримиримая натура», наводившая еще недавно трепет на Керенского, ввергавшая в бешеную, бессильную злобу черновскую кампанию, восхищавшая еще вчера своим демонизмом представительниц дамской половины эмиграции Кускову и Гиппиус,—эта самая натура беспокойно и бессильно склонила свою голову перед фактом. Это признание фактов освободило Савинкова от унизительной роли Гоца и Тимофеева, от их беспомощной лжи, бездарного притворства, жалкой увертливости. В области фактов Савинков, насколько это возможно в положении человека, совершенно потерявшего себя, раздвоившегося, почти не узнающего своих поступков, оставался почти правдивым. У него хватило простого вкуса — не прятаться на суде в эсеровские кусты. Он наметил себе гораздо более узкую, легче разрешимую задачу: придумать какое-нибудь об'яснение своим поступкам.

И вот эту узкую задачу Борис Савинков при всех своих общепризнанных и раздутых талантах не в состоянии был ни разрешить, ни поставить. И только после 2-дневного своего единоборства с фактами сам Савинков в заключительном слове почувствовал всю глубину своего морального поражения.

* * *

«Как могло это случиться, что я, Борис Савинков, друг Ивана Каляева, друг Егора Сазонова, пошел против рабочих и крестьян»?

На этот вопрос, вырвавшийся у Савинкова в заключительном слове, он с напряженной мучительностью старался найти ответ в течение всего процесса. Временами, когда этот человек, искушенный большой прожитой жизнью, пытался детскими оговорками заполнять пасть этого вопроса, казалось, что он заботится даже не о том, чтобы обмануть других, а о том, чтобы, по крайней мере, обмануть и успокоить самого себя. Но и это не удавалось.

Как случилось, что Савинков с первых дней Октябрьского переворота шел рука-об-руку с монархическим офицерством, с черной сотней, что он продавал остатки своей притягательной силы бывшего террориста с публичного торга в любой консульской передней, то французам, то чехам, то англичанам, то полякам, то, наконец, бандитам совершенно неприкрашенного вида? Как могло случиться, что он стал поставщиком пушечного мяса для любого заказчика? Действительный ответ прост, и Савинков знает о существовании этого простого ответа. Знает и потому так тщательно обходит его. Но обходы не помогают. Предоставленный самому себе, свободе своей художественной фантазии, без всякого нажима со стороны прокурора, Савинков под нажимом неумолимых фактов загоняется несколько раз на острие этого ответа и, боясь правды, отскакивает от него. Так, уже в начале своих показаний он без всякого «наводящего» вопроса наталкивается на эту убийственную для него истину. «Прошу верить,—говорит он,—что никаких интересов имущих классов я не защищал».

И в последнем своем слове он в тех же словах, как вор, который чувствует, что на нем горит шапка, снова клянется, что «не интересы имущих классов руководили им». Недаром и не случайно он наталкивается на эти убийственные для него слова, потому что в них—простой, ясный, понятный без всяких вычурных фраз и «психологических глубин», ответ на всю савинковщину, ключ ко всей его деятельности, разгадка всего его демонизма. Слуга буржуазии, исполнитель воли империалистов, приказчик европейской контрреволюции, сторожевой пес собственности,—вот ответ на вопрос, «как случилось?»—ответ, понятный не только любому рабочему, но и крестьянину, на темноте которого савинковщина строила свою «любовь к родине» и свою спекулятивную игру на мужике.

Но соратник белого генералитета, агент парижской биржи, наемник английского империализма, шпион польского штаба, поставщик бандитской шпаны—Борис Савинков не хочет этой правды. Может ли представитель мелкобуржуазной контрреволюции, какова бы ни была его личная смелость, дерзнуть сознаться в этой правде? Может ли член кружка Мережковского отказать себе в последнем удовольствии покуражиться, поломаться, вести дьявольскую игру в прятки с самим собой? И вот начинается эта игра. Основной мотив таков: все виноваты в преступлениях Савинкова, все, кроме него самого. Правда, это он делает пакости, совершает преступления, толкает на злодеяния тысячи и десятки тысяч. Но все это, видите ли, только внешние факты, грубая действительность, которым утонченная мысль интеллигента-эстета не придает серьезного значения. С точки зрения этой утонченности важны совсем не эти об'ективные поступки, решающие судьбу десятков и сотен тысяч, а важны чувства и настроения самого Савинкова, его переживания, его волнения и его «вера и безверие», его «разочарования и шатания». И об этих мистически-важных вещах говорил Савинков в течение двух дней. Суд не мешал ему,—и это хорошо. Потому что более неумолимой, неопровержимой и убийственной обвинительной речи против соглашательского словоблудства, интеллигентского ханжества, чем об'яснения Савинкова, трудно себе представить.

И в этом—вторая характерная черта того человеческого документа, который войдет в историю под названием «дело Савинкова».

* * *

Отказавшись от прямого и честного ответа и пустившись на окольный путь психологических изысканий, Савинков находит целый ряд виновников своего падения. Из них часть—это просто плод литературной фантазии беллетриста; другая часть—это куски действительной кроваво-грязной деятельности белогвардейщины. Мы приведем некоторые образцы оправдательных об'яснений подсудимого. Читатель найдет и целый ряд подобных им в речах Савинкова.

* * *

«Роковой своей ошибкой» (ниже мы увидим, что Савинков чрезвычайно деликатно обращается со своей особой и, говоря о ней, употребляет самые нежные, изысканные выражения), роковым своим «грехом» он признает свое отрицательное отношение к большевизму в октябре 1917 г.

Савинков изображает дело так, будто именно тогда, в октябре, он потерял свое революционное целомудрие, и будто все остальные его грехи определены этим падением. Чем же вызван этот роковой, решающий момент? Оказывается, тем, что, с одной стороны, большевики проявили неосторожную жестокость, а с другой — он, Савинков, проявил, правда, излишнюю, но благородную чувствительность. В октябре, видите ли, большевики расстреляли мужа сестры Савинкова, «единственного» офицера, который в 1905 г. отказался стрелять в солдат. Какое трогательное внимание к своим чувствам и какое пренебрежительное отношение к фактам! Занятый своей особой, Савинков забывает, что и слушатель, и читатель конечно знает о нем, Савинкове, и до расстрела добродетельного офицера, о роли Савинкова в течение всего лета 1917 года, в июньские, июльские корниловские дни. Зачем же Савинкову понадобилось начать эру своего грехопадения с октябрьского переворота и связать ее с большевистской жестокостью? Только затем, чтобы, во-первых, найти вымышленного виновника, на которого можно было бы взвалить часть ответственности за разбойную деятельность Савинкова. А во-вторых—затем, чтобы, воспользовавшись формулой: «кто сказал «а», тот должен сказать «б», заставить забыть суд, что при оценке деятельности Савинкова, речь идет даже не о букве «б», а о последней букве белогвардейского алфавита, так как дальше его, до сих пор еще никто не пошел.

В числе букв контрреволюционного алфавита Савинкова имеется, как известно, совместная работа с белым генералитетом, со всеми белогвардейщинами, начиная с Корнилова и кончая Врангелем. Кто же повинен в этой «ошибке»? Оказывается, и на этот раз не Савинков. Повинна обстановка боевой организации, при царизме оторвавшая Савинкова от жизни, повинна эмигрантщина, державшая его в младенческом политическом развитии, несмотря на то, что он претендовал на роль вожака и лидера; повинны, наконец, белые генералы, соблазнившие Савинкова своими уступками.

И Савинков повествует о своем пребывании на Дону, в конце 1917 года. И в этой повести ухитряется отыскать для себя роль скорбного, разочарованного и опечаленного наблюдателя. В ставке Алексеева все его угнетает и печалит:- мерзость запустения, интриги, сплетни, «о родине никто не думает». Атаман Богаевский открыто говорит ему: «Время демократии прошло, мы рассчитываем на буржуазию и казаков». Какой вывод должен сделать из этих слов Савинков, для которого, по его словам, «демократия, учредительное собрание,—вопрос всей жизни»? Как должен отнестись к этому открытому провозглашению борьбы во имя буржуазии тот, кто никогда «не руководствовался интересами имущих классов»? Какой институткой ни изображает себя Савинков, все же слова Богаевского —я не говорю уже о делах, о которых Савинков предпочитает умалчивать, —не могли не быть ему понятны. И что же? Нет, не понял! Некогда было Савинкову заняться такой мелочью, как оценка происходящего. «Я уезжал с Дона с глубоко стесненным сердцем, я уже тогда на минуту был отравлен мыслью о бесплодности наших попыток. Я жалею теперь, что не имел тогда времени подумать и сделать все выводы». Вот в какие красивые одежды рядится Савинков! Он так любил родину, так был занят неустанным трудом во имя спасения трудового народа, что ему даже некогда было подумать, как, с кем и какими средствами спасать его. С такой самоотверженностью спасал, что даже не заметил, что губит.

Любимым словесным коньком Савинкова является его любовь к крестьянству. Это она, видите ли, заставила его заблуждаться, жертвовать всем и всеми. Во имя мужика он, Савинков, готов был шествовать по колено в мужицкой крови. Но как же примирить эту беспредельную преданность интересам народовластия с деятельностью, которая от начала до конца проводилась по заданиям помещиков, генералов и банкиров? В легкой, поистине хлестаковской, фантазии Савинкова, это примирение достигается очень простыми, немудреными средствами. Классическим в этом отношении является диалог, происшедший между председателем суда и подсудимым.

Председатель: В программе Союза защиты родины и свободы говорится не об учредительном собрании, а о создании твердой власти?

Савинков: Да!

Председатель: Вы стояли за диктатуру?

Савинков: Да!

Председатель. За диктатуру кого?

Савинков: Это оставалось невыясненным.

И здесь в самую нужную минуту у Савинкова не хватило только одного: времени. Все было ясно в программе. С достаточной подробностью был разработан план восстания в Ярославле, Рыбинске, Костроме, Муроме. Чрезвычайно добросовестно велась слежка за тов. Лениным, тов. Троцким, и подготовлялись террористические акты. Добросовестно поддерживалась связь с французской военной миссией, с эсеровской боевой организацией, с «персонально входившими» в Национальный центр меньшевиками. Всю эту большую организационную и политическую работу проделывает Савинков. Савинков—здесь, Савинков—там. Даже для писания статей в «Русских Ведомостях» находится время у неутомимого Савинкова. А вот свободной минутки, одной свободной минутки, чтобы ответить на простой вопрос, чья готовится диктатура—мужика или помещика, у него не нашлось!

* * *

Мы надеемся вернуться еще к другой категории виновников, которые играли по отношению к Савинкову видную роль.

Таковы типы вымышленных виновников, которых подставил вместо себя на суде Савинков. Но есть, как мы говорили выше, другая категория лиц и групп, которые действительно являлись соучастниками всех преступлений Савинкова и освещены им на процессе с небывалой до сих пор ясностью. Это — те иностранные руки, которые «держали в тисках» эсеровского героя и направляли его по своему желанию, бросая с одного фронта на другой, из подполья в дипломатическую работу, из Мозыря в Лондон и т. д. Не год и не два Савинков исполнял приказы своих иностранных содержателей. Но только недавно, совсем недавно, он заметил, что находится в неволе. История этой неволи дает немало поучительного материала для характеристики системы работы буржуазных правительств.

Этот материал, обильно представленный в показаниях Савинкова, придает всему процессу особо важное значение. Он заслуживает особого рассмотрения.

* * *

Но, может быть, самым характерным для Савинкова является чрезвычайно бережное отношение к своей собственной персоне. Савинков много говорил о своем героизме, о том, что он не боится смерти. Может быть! Но несомненно одно: на суде он не решился, не осмелился сказать себе о самом себе, то, что есть.

В двухдневной речи Савинкова вы не найдете ни разу слова «преступление». Самое большее, что Савинков позволял себе, это говорить о своих «ошибках» и о своих «заблуждениях», при чем он не допускал и мысли, что эти ошибки сознательные. «Я подчеркиваю,—говорил он,—моя невольная вина перед русским народом; вольной вины за мной нет». Где же был разум интеллигента Савинкова, не успевшего подумать, чья диктатура? Где была воля этого механизированного человека, посылавшего с холодной расчетливостью ослепленных казаков и растерянных крестьян на смерть и убийство? Неужели этот разум и воля были не у Савинкова, а у тех, кого он гнал впереди себя? У тех, кого он изобразил, как было, в последней, уже покаянной своей книжке «Конь Вороной»? Неужели думал, решал, организовывал и осуществлял не Савинков, а изображенный им солдатик Федя, который, получив приказ начальства, повел взятого в плен коммуниста Назаренко на казнь.

«Назаренко глубоко вздохнул. Он был без шапки, в короткой, белой, расстегнутой на шее рубашке. Егоров толкнул его в бок.

— Лоб-то, лоб перекрести, сукин сын.

Я видел, как быстро-быстро задвигались пальцы и зашевелились синие губы. Я скорее почувствовал, чем услышал...

— Господин... господин полковник...

Но Егоров угрюмо сказал:

— Даже помереть не умеешь, на что креститься? Крестись на восток.

Федя накинул веревку. Подогнулись худые колени и голова опустилась вниз. Федя спрыгнул, дернул за ноги»...

(«Конь Вороной», стр. 15).

Но пророчества Савинкова не сбылись: маленькая ошибка в расчете. Коммунист Назаренко, не сумевший «перекреститься на восток», не погиб. Веревка господина полковника не выдержала, веревка сорвалась. Сорвался и Федя, дернувший за ноги повешенного. Сорвался, распластался перед всеми трудящимися. И тогда стало всем ясно, что не Федя сидел на обнаженном суку виселицы, что не Федя накинул веревку, что не он за ноги дернул. Дернул, оборвался и распластался «господин... господин полковник».

И собирательное имя этого господина полковника войдет в историю, как имя: Бориса Савинкова.

Ш.

Обвинительное заключение

по делу по обвинению гр. Савинкова Бориса Викторовича (он же Степанов Виктор Иванович) в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58 1 ч., 59, 64, 66 1 ч., 70 и 76 1 ч. уголовн. кодекса.

С первых шагов своего появления в России после свержения царизма Борис Викторович **Савинков** проявил себя, как решительный и последовательный враг рабочего класса, беднейшего крестьянства и солдатских масс во всех проявлениях их борьбы за углубление и расширение революционных завоеваний. Многочисленные факты, относящиеся ко времени послефевральского и дооктябрьского периода, указывают на деятельность **Савинкова**, которая в общем и целом вела к тому, чтобы помочь российской буржуазии осуществить ее империалистические стремления. Деятельность эта выражалась в руководстве агитацией за верность союзникам и за войну до победного конца, в непосредственном проведении в правительстве и армии мер борьбы с пролетарскими организациями, в сношениях с представителями союзного командования, в организации белогвардейских офицерских сил с целью активной борьбы против завоеваний революции и за укрепление власти в руках империалистической буржуазии. В бытность военным министром и военным комиссаром Б. В. Савинков использовывал в борьбе с нарастающей пролетарской революцией свое имя старого революционера-террориста для провокационного вхождения в органы пролетарских классовых организаций, в целый ряд солдатских комитетов и крестьянских союзов, с целью задержки развития революционного настроения среди их участников, что приводило к их разложению и усиливало позицию буржуазии в борьбе против трудящихся.

В июльские дни 1917 года **Б. В. Савинков** был сторонником самых решительных мер подавления классовых выступлений питерских рабочих и самой беспощадной расправы с ними. По его собственному признанию, **Б. В. Савинков** был за программу Корнилова и в качестве военного губернатора Петрограда оказывал ему моральную поддержку, выступив посредником между Керенским и Корниловым и затем между Алексеевым и **Корниловым**, чем способствовал разгрому корниловского заговора.

После перехода власти в руки рабочих и крестьян **Б. В. Савинков** продолжает свою контрреволюционную деятельность, являясь вдохновителем и организатором контрреволюционеров, борющихся на стороне буржуазии с пролетарской революцией. Тесно связанный с контр-революционными генералами Корниловым, Красновым и Алексеевым, **Б. В. Савинков** принимал активное участие в организации наступления генерала Краснова на Петроград, для чего лично пробрался в его штаб в Гатчине, где принимал в наиболее решительных мерах борьбы с питерскими рабочими, войсковыми частями и революционными матросами, побуждая к борьбе Керенского. Для привлечения других войсковых частей на помощь Краснову, **Б. В. Савинков** отправился в распоряжение армии генерала **Черемисова** и принял меры к использованию польского добровольческого корпуса генерала Довбор-Мусницкого.

После поражения **Краснова**, в декабре 1917 года **Б. В. Савинков** уезжает на Юго-Восток, где в личном сотрудничестве с генералами Калединым, Корниловым и Алексеевым принимает участие в Донском гражданском совете, деятельность которого он усиливает и расширяет, пользуясь своим влиянием среди казаков, как член союза казачьих войск в Петрограде и как бывший революционер. В качестве члена Донск. гражд. совета. **Б. В. Савинков** лично отвез в Петроград и передал **Чайковскому** приглашение вступить в члены этого совета. К этому же времени отмечается участие **Савинкова** в работе по созданию генералами Алексеевым и Корниловым добровольческой армии. В феврале—марте 1918 года **Б. В. Савинков** прибыл нелегально в Москву, где немедленно вошел в связь с наиболее активно настроенными контр-революционными элементами. Все это видно из показаний **Савинкова**, данных 21 августа 24 г. А из брошюры его «Борьба с большевиками», изданной в Варшаве в 1923 г. видно, что он разыскал в Москве тайную монархическую организацию гвардейских и гренадерских офицеров в количестве около 800 человек (стр. 24). Ознакомившись с положением и наметив план дальнейшей контр-революционной заговорщицкой работы, **Б. В. Савинков** создал новую контр-революционную организацию—тайное о-во для борьбы против большевиков под названием **«Союз Защ. Род. и Свободы»**. Говоря широковещательные слова о демократизме и называя себя защитником крестьянских интересов, **Б. В. Савинков** в руководящий состав включил заведомо ему известных монархистов генерал-лейтенанта Рычкова и полковника Перхурова. Исполняя директивы Дон. гражд. совета и действуя согласно его реакционно-монархической программе, **Б. В. Савинков** поставил ближайшей целью свержение советской власти путем военного переворота и полное уничтожение всех завоеваний Октябрьской революции, воссоздание армии «на основах настоящей воинской дисциплины», т.-е. с помощью контр-революционных генералов без какого бы то ни было участия комиссаров, и наконец, продолжение войны с Германией, опираясь на помощь союзников. Эти задачи союза формулированы в программной прокламации С. З. Р. и С., распространенной его членами в Москве. В ряды членов С. З. Р. и С. были включены преимущественно офицеры и юнкера, как находившиеся в Москве, так и прибывающие с Дона. В этот период Б. В. Савинков, действуя как эмиссар Дон. гражд. сов. и Добровольческой армии, установил связь со штабом Добрармии, послав, как это видно из его брошюры «Борьба с большевиками» (стр. 25), офицера к генералу Алексееву с донесением о том, что в Москве образовался С. З. Р. и С. и с просьбой указаний. Одновременно Савинков находился в непосредственном контакте с представителями союзного дипломатического корпуса в лице Нуланса и Массарика, которые вели тайную контрреволюционную работу на территории РСФСР, и получал от них денежные субсидии через Массарика, на которые фактически велась и расширялась вся организационная работа С. З. Р. и С. Это видно из брошюры **Савинкова** «Борьба с большевиками»—(стр 26), из статьи Дикгоф-Деренталя, помещенной в «Отечественных Ведомостях» от 24 ноября 1918 г., а также из показаний Савинкова от 21 августа 1924 года и показаний Кошелева (л. д. 34 и 36).

По признанию Савинкова, тогда были сформированы подпольные части по принципу кадра всех родов оружия с подразделением на активные боевые единицы ополчения. Когда союз вырос настолько, что представлял собой значительную организованную силу, то, по признанию **Савинкова**, он решил его подчинить политическому центру, каковой и нашел в лице «Национального Центра». До этого **Б. В. Савинков** отказался от контакта с «левым центром», состоявшим из социалистических и лево-кадетских элементов. Считая себя «демократом и защитником крестьянских интересов», **Б. В. Савинков** выбрал в качестве политического руководителя организацию, в которой преобладающую роль играли монархические элементы.

Организованный **Савинковым** Союз Защиты Родины и Свободы имел свою контрразведку в Москве и раз'ездных агентов, главным образом на Украине. Союз намечал широкую террористическую деятельность и в первую очередь покушение на **Ленина и Троцкого**, а также готовился к вооруженному выступлению, которое и состоялось по распоряжению национального центра в Рыбинске, Ярославле и Муроме. План этого вооруженного выступления был разработан Перхуровым под руководством Б. В. Савинкова. До вооруженного выступления с ведома и по заданиям Савинкова члены союза участвовали во всякого рода бандитизме, грабежах, захватах зданий, налетах на склады, при чем Б. В. Савинков лично принимал участие в организации банд из офицеров, которые производили налеты и грабежи под именем и лозунгами анархистов. (См. показания **Кошелева** л. д. 34).

План вооруженного выступления Савинков предполагал начать с убийства т.т. Ленина и Троцкого в Москве, при чем подготовка этого убийства производилась самим Савинковым лично. Он организовал систематическую слежку за обоими вождями и непосредственно сам вел агентурную разведку в отношении товарища **Ленина**, что видно из брошюры «Борьба с большевиками» (стр. 32 и показания **Кошелева** л. д. 35).

Восстания в Калуге и во Владимире не произошли, а в Рыбинске, Муроме и Ярославле были подавлены. На все эти контрреволюционные дела от представителей союзных представительств **Савинков** получил значительную сумму и сам лично руководил организацией восстания сначала в Ярославле, а потом в Рыбинске. Опору и поддержку, по признанию самого **Савинкова**, он находил среди торговцев и купцов города Рыбинска. После разгрома рыбинского, ярославского и муромского восстаний **Савинков** направил сохранившиеся белогвардейские банды на разрозненную партизанскую борьбу, взрывы мостов и налеты на советские центры, проводя в то же время подтягивание своего штаба и своих частей к расположению чехо-словацких войск для дальнейших действий с ними против рабочих и крестьян, отстаивающих свои революционные завоевания от покушений помещичье-дворянской и промышленно-торговой контрреволюции.

Вышеизложенное подтверждается: 1) брошюрой Б. С. «Борьба с большевиками», 2) показаниями Кошелева и 3) материалами, опубликованными в «Красной книге» ВЧК т. I о С. З. Р. и С.

Как видно из показаний Савинкова от 21 августа 1924 г., все эти неудачные восстания на Верхней Волге были произведены после переговоров с французским послом Нулансом, который обещал, что часть десанта поможет свергнуть коммунистическую власть. После разгрома савинковских отрядов, последний пробрался в Казань, где поступил в отряд Каппеля. В рядах этого отряда он вел партизанскую борьбу с Красной армией, отличаясь в качестве организатора и руководителя банд, действовавших в тылу, взрывавших мосты, железнодорожные линии и портивших телеграфную связь.

На территории, занятой чехо-словаками, Савинков поддерживал постоянную связь с представителями чехо-словацкого командования и с членами самарского правительства. После разгрома и распада С. З. Р. и С. **Б. В. Савинков** боролся против Сов. России в рядах колчаковской армии. Спустя некоторое время он был послан Колчаком в Париж в качестве члена колчаковской делегации. По его показаниям от 21 августа 1924 г., он стоял во главе колчаковского бюро печати «Унион», околачивая пороги у иностранцев и обрабатывая общественное мнение, распространяя ложную информацию, присылаемую Колчаком.

После разгрома Колчака и Юденича Савинков, именуя себя военным министром, что видно из показаний Сергея Павловского, участвует в создании из остатков северо-западной армии новых формирований для Булак-Балаховича и Перемыкина, которые участвовали, как составные части польской армии, в советско-польской войне. Эти части под руководством Савинкова и Балаховича отличались по отношению к пленным и к населению занятых ими районов Белоруссии исключительной жестокостью. Демократ и революционер **Савинков**, как он сам признается, находился среди таких банд, которые устраивали самые зверские еврейские погромы и невероятные насилия в местах, которые они занимали по окончании русско-польской войны. То, что Булак-Балаховичу и Перемыкину удалось успешно сформировать русские белые части, надо приписать исключительно Б. В. Савинкову, который пользовался доверием польского генерального штаба и французской военной миссии. (См. пок. Гнилорыбова).

После разгрома Колчака, Юденича и Деникина Савинков, поняв, что силами внутренней контрреволюции советскую власть не свергнуть, начинает пропагандировать в белогвардейской печати и в личных переговорах с белогвардейскими политическими деятелями план борьбы путем интервенции. С присущей ему энергией он добивается личных свиданий с видными политическими деятелями Антанты—Мильераном, Черчилем, а также с Пилсудским, начальником польского государства и главкомом армии, которая в то время вела войну с Советской Федерацией. В этот же период Савинков осуществляет, что видно из показаний Гнилорыбова, Опперпута и самого Савинкова, ряд практических соглашений с Врангелем и Петлюрой: безоговорочно признает первого в качестве верховного главнокомандующего и декларирует право второго на самостоятельную национально-политическую деятельность.

В отношении политической программы Савинков, не давая точных и ясных формулировок, выставляет в качестве лозунгов борьбы с советской властью—лозунг [illegible] при помощи третьей революции силами об'единенных и согласованных действий всех антибольшевистских сил безотносительно к партийным подразделениям.

Таким образом Савинков добился поддержки со стороны Франции и Польши и получил источник материальных доходов, а также подготовил почву для образования новой контрреволюционной организации с такой программой и с такими лозунгами, что в нее могли вступать для борьбы с большевиками наиболее активные белогвардейские элементы, начиная от монархистов и кончая меньшевиками. (См. прок. и брош. Н. С. З. Р. и С.).

Пользуясь всемерной поддержкой Пилсудского, на средства, получаемые, главным образом, от ген. штаба, как видно из показаний Опперпута, Гнилорыбова, Сергея Павловского и Росселевича, а также из приговора по делу Росселевича, **Савинков** создал в Варшаве центр своей организационной работы — русский эвакуационный комитет при русском политическом комитете. Эта организация имела своей задачей об'единение на территории Польши всех антисоветских элементов как из среды русской эмиграции, так и из остатков разгромленных белых армий Булак-Балаховича и Перемыкина, и руководила продолжением активной вооруженной борьбы с Советской Россией, а также шпионско-разведывательной работой на территории Советской России при помощи «информационного бюро», во-главе которого стоял брат Савинкова, Виктор, действовавший по указанию, с согласия Бориса Викторовича **Савинкова**, в контакте со II отделом польского генерального штаба. Братья **Савинковы**, как видно из того же приговора по делу **Росселевича**, создали новую заговорщическую к.-р. организацию, назвав ее Нар Союз. З. Р. и Св. В июле 1921 года, в Варшаве под председательством Б. Савинкова, и при участии представителя II отдела польского ген. штаба Сологуба-Де-Войно, французской военной миссии майора Пакелье, и представителя Петлюры генерала Тютюнника состоялся с'езд союза, на котором была одобрена деятельность в области контрреволюции и шпионажа, как Р. Э. К., так и союза со времени его основания в январе 1921 года, а также была утверждена программа и тактика Н. С. З. Р. и Св., указывавшая на необходимость в целях дезорганизации советской власти уничтожения особыми партизанскими террористическими отрядами штабов, ревкомов, чрезвычайных комиссий, ссыпных пунктов, исполкомов, порчи жел.-дор. мостов и телеграфных линий, убийства отдельных совработников, коммунистов и т. д.

В конце 1921 года, когда выяснилась невозможность поднять общее восстание в Западной области, вследствие полного нежелания местного населения выступать против советской власти, а также вследствие ряда провалов на советской территории, по указанию Бориса Савинкова, организация главное внимание обратила на усиление партизанско-бандитской работы и разведывательно-шпионской деятельности при полной материальной поддержке II отдела польск. штаба и французской военной миссии в Варшаве и по директивам последних.

Вся деятельность организации Савинкова—русского эвакуационного комитета и Н. С. З. Р. и Св., была разбита на отделы, имевшие разные наименования и функции. Наиболее важными отделами являлись: организационный, ведавший работой в России и имевший ряд пунктов на территории Польши для вербовки членов организации и переотправки их как агентов в Россию, и оперативный отдел, ведавший партизанско-бандитской деятельностью отрядов народного союза на территории Советской России и несший разведывательную службу в пользу польского генерального штаба и французской миссии.

В ведении организацион. отдела находились и выполняли работу по его заданиям гельсингфорсский и рижский пункты организации Б. Савинкова.

Ни один работник народного союза не отправлялся через границу в Россию без того, чтобы одновременно не состоять сотрудником разведывательного отдела генштаба Польши или французской военной миссии. При вступлении в организацию и при отправке в Россию савинковские агенты давали присягу, в которой обещались вести непримиримую борьбу с советской властью и действовать «где можно открыто с ружьями в руках, где нельзя—тайно, хитростью и лукавством. Отправляющиеся в Россию получали соответственные задания от народного союза, затем направлялись в разведывательный отдел польгенштаба, где, будучи зачислены в состав его агентов, получали шпионское задание о собирании сведений о Красной армии, деньги на дорогу, фальшивые документы на проживание в России и пропуск через границу. Кроме того, командируемые снабжались особыми мандатами на полотне за подписью Бориса или Виктора Савинковых, где удостоверялись назначение и цель их командировки. Возвратившийся из России агент прежде всего должен был являться в разведывательный отдел польгенштаба, где делая письменный доклад о произведенной шпионской работе, а также передавал документы [illegible] пункта народного союза.

Конспиративный отдел организации Бориса Савинкова ведал изготовлением советских поддельных удостоверений и фабрикацией фальшивых документов. Командированные таким порядком агенты народного союза были неоднократно задерживаемы на территории Сов. России, при чем при них были обнаружены вышеуказанные мандаты и документы, приложенные к делу. Изложенное подтверждено также большим количеством показаний членов савинковской организации (между прочим Росселевича, Винокурова и др.).

Оперативный отдел ведал бандитской деятельностью на советской территории. Свидетельские показания, сознания участников банд и документальные данные устанавливают, что участники партизанских отрядов набирались из числа интернированных в лагерях, лично известных начальнику отряда. По соглашению с польгенштабом, снабженные полученными от него документами и пропусками партизаны переотправлялись в район Глубокое и Лужки, где польские пограничные посты производили пропуск их через рубеж с непременным условием открыть действия не ближе 50—70 верст от границы, чтобы создать иллюзию отрядов местного происхождения. Таких банд-отрядов было переотправлено весьма большое количество. Одной из наиболее выдающихся по жестокости, творимым ею, являлась банда полковника Павловского, состоявшего одновременно и начальником оперативного отдела организации Б. Савинкова. Банда эта в начале июля 1922 года пыталась занять город Холм, но, встретив достаточное сопротивление, отступила к Ст. Руссе, убив упродкомиссара. По дороге бандой был разгромлен волисполком и совершен ряд убийств, затем был захвачен гор. Демьянск и ограблено там советское казначейство. После ограбления Демьянска бандиты двинулись в Порховский уезд. В пути ими был захвачен продработник, член РКП Силин, у которого вырезали на груди звезду, избили, искололи штыками и повесили. Среди других зверств, произведенных над коммунистами, был случай, когда одного после избиения привязали за ноги к подводе и волокли до тех пор, пока он не умер. В общем в этот приход этой савинковской банды в Россию ею было совершено 18 вооруженных нападений и ограблений и убито свыше 60 человек. Кроме этого, оперативный отдел составлял обзоры и доклады о состоянии Красной армии, которые продавал французскому и польскому генеральным штабам.

Информационное бюро под личным руководством Бориса Савинкова вело систематическую обработку получаемых шпионских сведений о Советской России, а также изготовляло собственный информационный материал, дающий ложное освещение положения в России и существа внешней и внутренней политики Советской Федерации и экономического строительства в ней. Ложность этих сведений Борису Савинкову заведомо была известна и им сознательно предписывалась с той целью, чтобы распусканием ложных сведений о подготовке Красной армии к генеральному наступлению на Запад добиться новой союзнической интервенции. Установлена, на основании показаний Опперпута и Гнилорыбова, прямая провокационная роль Бориса Савинкова в распускании ложных сообщений о составе,

продвижениях и оперативных намерениях Красной армии. Кроме того, был целый ряд случаев составления подложных приказов по Красной армии, обзоров, докладов и фотографий. Все это делалось для того, чтобы добиться открытия военных операций и ослабить советскую границу и причинить затруднения СССР. За период 21 по 23 год органами ВЧК—ГПУ ликвидированы были следующие отделения Народного союза защиты родины и свободы, занимавшиеся вредительско-шпионской деятельностью, направленной исключительно к свержению советской власти: Западный областной комитет и его организации, численностью свыше 300 человек, Юго-восточный областной комитет (в зародыше); отдельные организации в Самаре, Саратове, Харькове, Туле, Киеве, Одессе; в Москве были ликвидированы 23 отдельных савинковских резидентуры; на территории Ленинградского военного округа ликвидированы различные ячейки народного союза численностью 220 человек.

Всего по республике за второе полугодие 22 и 23 г.г. ликвидировано ячеек народного союза с количеством членов свыше 500 человек. Все арестованные признали себя членами савинковской организации и указали как на свою роль и задачи в области ведения контрреволюционной работы в России, организации бандитских выступлений, ведения шпионской работы во всех ее видах, так и на вышеизложенные методы и пути осуществления этой деятельности.

Руководители ячеек и групп Народного Союза Защиты Родины и Св. на территории Сов. России и ответственные резиденты шпионажа в центрах ее признались в получении директив и указаний непосредственно от Бориса Савинкова лично или через его брата—Виктора, чего не отрицает и сам Борис Савинков в своих показаниях.

Об этом же свидетельствуют многочисленные приговоры суда РСФСР и СССР по делам савинковских организаций, банд и отдельных шпионов.

Помимо указанных отделов, было также террористическое отделение во главе с полковником Гнилорыбовым; задачей его было совершение и подготовка терр. актов против вождей рабочего класса, а также экономический террор, взрывы и поджоги складов, сооружений и проч. В июле 1921 г. в Москву был послан полковник Свежевский для убийства тов. Ленина. Перед от'ездом его вызвал лично Б. Савинков и дал ему ряд наставлений и руководящих указаний. Борис Савинков предложил Свежевскому найти надежного офицера-курьера, с которым сообщить в Варшаву свой адрес и результаты подготовительной работы. Борис Савинков обещал выслать деньги и предложил, в случае невозможности выполнить терр. акт, добыть какими угодно способами сведения о Красной армии, о состоянии вооружения, настроения, расположения частей и штабов (см. показания Свежевского и Гнилорыбова л.л. 112, 113, 114 и 202).

В 1921 году членом организации Н. С. З. Р. и С. Карповичем было получено при посредстве савинковской организации из II отдела польского генерального штаба большое количество цианистого калия, предназначенного террористическим отделениям для массового отравления частей Красной Армии Западного фронта (см. показания Шевруна).

Н. С. З. Р. и С. 1) получал деньги от продажи остатков военного и санитарного имущества, числящегося за Р. Э. К. со времени польской кампании; 2) за продажу документальных данных, добытых разведкой, получал от французской миссии полтора миллиона польских марок в месяц; 3) от II отдела польского генерального штаба—500—600 тысяч польмарок в месяц; 4) от польского министерства—пятнадцать миллионов польмарок в месяц. Кроме того, были нерегулярные поступления—полторы тысячи долларов из личных средств Пилсудского, тринадцать тысяч долларов от Бахметьева, десять тысяч франков от Маклакова, 35 тысяч франков от Бенеша, несколько раз по сотне фунтов от Чайковского. Ежемесячно посылал Нобель 15 тысяч франков, 2 тысячи франков—бывш. русский посол Гирс и по 20 тысяч чешских крон от Бенеша (показания Гнилорыба л. д. 199). Все эти субсидии показывают, что широкий демократизм Бориса Савинкова позволял ему получать деньги и от монархистов и от министров враждебных Советской Федерации стран и тем самым фактически играть роль наемника монархистов и враждебных иностранных правительств.

Руководя делами организации в период 1921—22 г., Борис Савинков направлял ее деятельность:

1) на территории России на ограбление кооперативных организаций, разгром сельсоветов и городов, массовые убийства и грабежи, подготовку террористических актов, что видно из его слов показания от 21 августа: «приказы отдавал, в детали не входил»;

2) на вербовку членов союза в польских лагерях для дальнейшей борьбы с советской властью;

3) на постоянное и неизменное обслуживание разведок и генеральных штабов Польши и Франции.

Лишившись возможности для дальнейшего ведения контрреволюционной деятельности и потеряв доверие и кредит со стороны иностранных контр-разведок, Борис Савинков в конце 1921 года и начале 1922 года переносит основное руководство в Прагу, оставив в Варшаве нелегальную ячейку народного союза, его информационное бюро в качестве разведывательного бюро II отдела польского генерального штаба, сохранив опорные пункты для работы в Советской России и небольшой кадр работников (показания Гнилорыбова).

В этот период Борис Савинков усиленно добивается связи с государственными деятелями Антанты, стремясь получить деньги. Он добивается свидания с Черчилем и Муссолини. С первым беседует о дальнейшей изоляции Советской России и поддержке активной борьбы с мировым большевизмом, а со вторым обсуждает формы международного фашизма, как единственное средство борьбы с коммунистической революцией. Кроме того, Савинков продолжает связь с французским генеральным штабом, исполняя роль информатора и советника по российско-советским делам; Савинков продолжает считать своей агентурой и членами своей организации оставшихся на службе в разведывательных пунктах № 1 Вильно, в Столбцах и Глубокое, на Украине—Ковель, а также в Финляндии и Латвии. В Париже Савинков вошел в связь с контрреволюционной шпионской организацией Центра действия в лице ее руководителей Чайковского и Вакара, передал в распоряжение ЦД свои линии связи на украинской и финской границах, чем до июля 1923 г. ЦД успешно пользовался. (Показ. Павловского и Винокурова).

Являясь убежденным сторонником индивидуального террора, Борис Савинков поставил его в систему своей политической борьбы против советской власти. Необходимость террора он обосновывал в своем органе «За Свободу», выходящем в Варшаве, и в личных директивах членам своей организации. Денежные средства на ведение политической борьбы он черпал почти исключительно у иностранных держав и у крупных русских капиталистов, а также у бывших царских послов.

До последнего времени, т.-е. до середины августа с. г., Борис Савинков руководил работой группы членов своей организации в Варшаве и в Вильно и продолжал получать шпионские материалы, добытые в России от членов своей организации, находящихся на разведывательной службе польского штаба. Летом 1923 года Савинков командировал в Советскую Россию члена Н. С. З. Р. и Св. известного бандита Сергея Павловского, поручив ему ведение партизанско-бандитской работы, а также экономического и индивидуального террора. (См. показания Павловского).

Допрошенный в качестве обвиняемого Борис Савинков в большинстве пред'явленных ему инкриминирующих фактов признал себя виновным.

На основании изложенного, согласно постановления ЦИК СССР от 22 августа 1924 г., подлежит суду Военной Коллегии Верховного Суда СССР. гр-н Савинков, Борис Викторов, он же Степанов, Виктор Иванович, 45 лет, происходящий из семьи чиновника, при советской власти не судившийся, по обвинению в том—1) что он, начиная с октября 1917 г. вел непрерывную вооруженную борьбу против советской власти, участвуя в качестве руководителя вооруженных отрядов и создавая контр-революционные организации, имевшие целью свержение советской власти путем вооруженной борьбы, а также путем провокаторской, шпионской, бандитской и террористической деятельности;

2) что, являясь одним из активных зачинщиков и организаторов гражданской войны, поднятой капиталистами и помещиками против рабочих и крестьян России, Б. Савинков лично направлял белогвардейские силы по линии наибольшей активности и организованной сплоченности под лозунгами полного подчинения своих классовых и групповых интересов задачам борьбы с коммунистической революцией всеми возможными способами и при непременной тесной связи с враждебными Советскому Союзу империалистическими государствами;

3) что непосредственным результатом активной контрреволюционной деятельности Б. В. Савинкова было более быстрое формирование добровольческой армии, а также создание связанных с ней подпольных заговорщических организаций в Москве, Ленинграде и других центрах России;

4) что, организовав союз защиты родины и свободы совместно с монархистами Перхуровым и генерал-лейтенантом Рычковым и получив деньги и директивы от французского посла Нуланса и от чехо-словаков, Борис Савинков [поднял] восстания в Рыбинске, Ярославле и Муроме, чем непосредственно способствовал чехо-словацкому мятежу, созданию новых вооруженных сил армии учредительного собрания и организации контрреволюционных правительств в Самаре и Уфе.

5) что, после разгрома организованного им повстанческого движения внутри РСФСР, он, Савинков, поставил себе целью создание новой контрреволюционной организации из наиболее активных белогвардейских элементов с целью проведения контрреволюционной заговорщической деятельности для подготовки успехов иностранной интервенции и свержения рабоче-крестьянского правительства, для чего он принял ряд энергичных мер для формирования бандитских отрядов путем комплектования их белогвардейским, кулацким и уголовным элементом и посылки этих отрядов при помощи и по указанию польского генерального штаба для поднятия и развития бандитского движения;

6) что вся контрреволюционная деятельность Бориса Викторовича Савинкова органически связана с империализмом Антанты и была работой ее прямого агента, который вел организованную шпионскую работу агентурного и вредительского характера в пользу командования враждебной Советскому Союзу армии;

7) что руководимая Борисом Савинковым бандитская деятельность на территории Советской Республики велась в соответствии с военными интересами и заданиями враждебных Советскому Союзу государств;

8) что сам Б. В. Савинков лично был осведомителем военных и политических деятелей Антанты по вопросам политики и обороны Советской России, используя это свое положение для нанесения наибольшего ущерба государственным и международным интересам СССР и принимая самые энергичные меры воздействия, чтобы сорвать или хотя бы затруднить возобновление сношений с СССР;

9) что в продолжение всей борьбы Б. В. Савинков устно и письменно пропагандировал и агитировал в направлении помощи международной буржуазии, которая в борьбе с советской властью пыталась ее свергнуть путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и, кроме того, пропагандировал, организовывал и применял метод индивидуального и массового террора как в отношении государственных деятелей и вождей рабочего класса, так и путем применения массового отравления красноармейских частей;

10) что вся деятельность Б. В. Савинкова направляется на пользу помещичье-капиталистической реакции и иностранного империализма, борющихся за то, чтобы обратить Союзную Федерацию в колонию англо-франко-американских биржевиков, и выявила его, как изменника и предателя интересов не только трудящихся, но и интересов России, как таковой, т.-е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58 I часть, 59, 64 и 66—I ч., 76—I ч. и 70 уголовного кодекса.

23 августа, 1924 года.

Копию настоящего обвинительного заключения получил 23 августа в 23 ч. 30 м. Б. Савинков.

Письменное показание Бориса Савинкова

ДАННОЕ 21 АВГУСТА 1924 г.

Раньше чем отвечать на предложенные мне вопросы, я должен сказать следующее:

Я, Борис Савинков, бывший член боевой организации ПСР, друг и товарищ Егора Сазонова и Ивана Каляева, участник убийства Плеве и вел. кн. Сергея Александровича, участник многих других терр. актов, человек, всю жизнь работавший только для народа и во имя его, обвиняюсь ныне рабоче-крестьянской властью в том, что шел против русских рабочих и крестьян с оружием в руках. Как могло это случиться?

Я уже сказал, что всю жизнь работал только для народа и во имя его. Я имею право прибавить, что никогда и ни при каких обстоятельствах не защищал интересов буржуазии и не преследовал личных целей. Я любил Россию, был глубоко предан русскому трудовому народу и, конечно, мог ошибаться, но действовал всегда по совести и крайнему разумению. Был революционером и демократом, таким и остался.

Пошел я против коммунистов по многим причинам. Во-первых, по своим убеждениям я был пусть плохой, но эс-эр, а следовательно, был обязан защищать учредительное собрание; во-вторых, я думал, что преждевременно заключенный мир гибелен для России; в-третьих, мне казалось, что если не бороться с коммунистами нам, демократам, то власть захватят монархисты; в-четвертых, кто мог бы в 1917 году сказать, что русские рабочие и крестьяне в массе пойдут за РКП?.. Я разделял распространенное заблуждение, что октябрьский переворот не более как захват власти горстью смелых людей, захват возможный только благодаря слабости и неразумию Керенского. Будущее мне показало, что я был неправ во всем. Учредительное собрание выявило свою ничтожность; мир с Германией заключила бы любая дальновидная власть; коммунисты совершенно разбили монархистов и сделали невозможной реставрацию в каком бы то ни было виде; наконец,—это самое главное,—РКП была поддержана рабочими и крестьянами России, т.-е. русским народом. Все причины, побудившие меня поднять оружие, отпали. Остались только идейные разногласия: Интернационал или родина, диктатура пролетариата или свобода? Но из-за разногласий не подымают меч и не становятся врагами... К сожалению, истину я увидел только в процессе борьбы, но не раньше. Моя борьба с коммунистами научила меня многому—каждый день приносил разочарования, каждый день разрушал во мне веру в правильность моего пути и каждый день укреплял меня в мысли, что если за коммунистами большинство русских рабочих и крестьян, то я, русский, должен подчиниться их воле, какая бы она ни была. Но я—революционер. А это значит, что я не только признаю все средства борьбы вплоть до террористических актов, но и борюсь до конца, до той последней минуты, когда либо погибаю, либо совершенно убеждаюсь в своей ошибке. Мог ли я убедиться в ней шесть, пять, четыре, даже три года назад, когда чаша весов еще колебалась, когда еще позволительно было думать, что русский народ в своем большинстве против коммунистической партии и Интернационала?

Я не преступник, я—военнопленный. Я вел войну и я побежден. Я имею мужество открыто это сказать, я имею мужество открыто сказать, что моя упорная, длительная, не на живот, а на смерть всеми доступными мне средствами, борьба не дала результатов. Раз это так, значит русский народ был не с нами, а с РКП. И говорю еще раз: плох или хорош русский народ, заблуждается он или нет, я, русский, подчиняюсь ему. Судите меня, как хотите.

Что было? На Дону—интриги, мелкое тщеславие, «алексеевцы» и «корниловцы», надежда на буржуазию, тупое непонимание положения, подозрительность к каждому демократу и тайное «Боже, царя храни». Я говорю о «верхах», конечно. Я уехал с Дона уже отравленный мыслью, что «рыба гниет с головы». Потом Ярославль. Геройское, но бесполезное дело. И... французы. Тогда я впервые почувствовал, как относятся иностранцы к нам... Потом Казань, эс-эры, громкие слова, безволие, легкомыслие, бездарность и малодушие. Опять «рыба гниет с головы». Потом Париж, представительство Колчака. Конечно, та же картина. Те же интриги, то же легкомыслие, та же тупость, те же звонкие фразы и... ложные сведения из Сибири. Я был в отчаянии. Мне все еще казалось, что коммунисты—захватчики власти, и что русский народ не с ними, и неудачи наши я приписывал только неспособности «белых», точнее белых «верхов». Меня ждало еще более горькое разочарование. Я говорю о Варшаве. С одной стороны, Балахович, с другой,—Глазенап и Перемыкин—их «превосходительства» и золотые погоны. А тут же и польский штаб. Сразу оговорюсь насчет этого штаба. Заподозрить меня в шпионстве смешно. Могу ли я быть шпионом? Но я стоял во главе большого дела и должен был иметь базу. А база неразрывно связана с штабом. Никаких деталей я не знал и в них физически входить не мог, занятый с утра до вечера всевозможнейшими делами. Я поступал так, как поступали все белые, опиравшиеся на иностранцев. А без опоры на иностранцев мы воевать не могли.

Итак, Балахович, Перемыкин и штаб, генеральские ссоры, интриги Врангеля, воровство, «моя хата с краю», чинопочитание и прочее и проч., и уже не в «верхах» только. В этой каше тонуло несколько честных и искренно убежденных людей. Все это было мне глубоко противно. Чтобы по крайней мере не обмануть всех, кто верили мне, я записался к Балаховичу солдатом и ушел в поход. Моя совесть нашла успокоение: я делил участь простых людей.

Потом переход границы. Когда перешли границу обратно в Польшу, я подвел итоги белому движению. Тяжелые это были итоги. Но и тогда я не усомнился в том, что коммунисты только захватчики власти. Я только сказал себе, что надо было идти другой дорогой. Отсюда «зеленые» и «союз», попытка чисто-крестьянского движения. Говорю, «попытка», ибо настоящим движением этого было назвать нельзя. Руководить из Варшавы «зелеными» я не мог. Я мог только писать приказы. Я и писал их. Исполнялись ли они? Нет. В большинстве случаев вместо дисциплины была разнузданность, вместо идейной борьбы—бандитизм, вместо планомерных действий—разрозненные и потому ненужные выступления. Выходило так, что пытается синица море зажечь. Но и тут я не понял, что народ не с нами, а с РКП; но и тут я, революционер, не бросил борьбы. Почему не бросил? Да потому, что все еще верил, что коммунисты чужие русским крестьянам и рабочим люди и что русский народ, если не может, то наверное хочет освободиться от них. Я не знал, что в 1924 году будет один миллион комсомольцев...

Трагедия «белая», трагедия «зеленая». Разочарование «белое», разочарование «зеленое». Что оставалось делать? Использовать третью, последнюю, возможность борьбы—вернуться к подпольной работе, я и вернулся. Кое как дело шло, пока я находился в Варшаве. Именно «кое-как» и все время на убыль. На убыль настолько, что к 1923 году передо мной во весь рост встал страшный вопрос. Вот пять лет я борюсь. Я всегда и неизменно побит. Почему? Потому ли только, что эмиграция разлагается, эсеры бездейственны, а генералы не научились и не могут научиться ничему? Потому ли только, что среди нас мало убежденных и стойких людей, зато много болтунов, бандитов и полубандитов? Потому ли только, что у нас нет денег и базы? Потому ли только, что мы не об'единены? Потому ли только, что наша программа не совершенна? Или еще и прежде всего потому, что с коммунистами русские рабочие и крестьяне, т.-е. русский народ?

Я впервые ответил себе: «да, я ошибся; коммунисты—не захватчики власти, они—власть, признанная русским народом. Русский народ поддержал их в гражданской войне, поддержал их в борьбе против нас. Что делать? Надо подчиниться народу». Тогда я сел писать «Коня вороного», тогда я отошел от всех дел и забился в щель и тогда я был на волос от того, чтобы заявить публично что я прекращаю всякую борьбу. Я знаю, что этому трудно поверить, но это было именно так.

Судебное разбирательство.

Утреннее заседание 27 августа.

Председатель тов. Ульрих об'являет заседание военной коллегии Верховного суда Союза ССР открытым. Слушается дело Савинкова Бориса Викторовича, именующего себя Виктором Ивановичем Степановым, по обвинению в том, что с 1917 г. по август месяц 1924 г. он руководил контрреволюционными выступлениями, организацией контрреволюционных банд и бандитскими выступлениями на территории Советской Республики.

Состав суда: Председатель тов. Ульрих и члены суда—т.т. Камерон и Кушнирюк.

Опрос обвиняемого.

Председатель.—Ваша фамилия Савинков?

Савинков.—Да, Савинков, Борис Викторович.

Председатель.—Вы прибыли в Россию под фамилией Степанова Виктора Ивановича?

Савинков.—Да.

Председатель.—Возраст?

Савинков.—45 лет.

Председатель.—Социальное положение?

Савинков.—Я сын судьи в Варшаве.

Председатель.—Образовательный ценз?

Савинков.—Я был исключен из петроградского университета за политические преступления.

Председатель. — В дореволюционное время сколько лет состояли в партии с.-р.?

Савинков.—14 лет.

Председатель.—В данное время считаете ли себя членом какой-нибудь политической организации или партии?

Савинков.—Да, я принадлежал к союзу защиты родины и свободы.

Председатель.—А в данную минуту?

Савинков.—В данную минуту я не принадлежу ни к какой партии.

Далее на вопросы председателя Б. В. Савинков заявляет, что копию обвинительного заключения он получил, имеет ее при себе, отвода против состава суда и ходатайства о вызове свидетелей или приобщения документов не имеет.

После оглашения обвинительного заключения продолжается опрос подсудимого.

Председатель.—Признаете ли себя виновным в том, что, начиная с октября 1917 г. до ареста в августе 1924 г., вы вели непрерывную вооруженную борьбу против совласти, участвуя в качестве руководителя вооруженных отрядов и создавая контрреволюционные организации, имевшие целью свержение советской власти путем вооруженной борьбы, а также путем провокаторской, шпионской, бандитской и террористической деятельности?

Савинков.—Да, я признаю себя виновным в том, что вел против советской власти вооруженную борьбу.

Председатель.—Признаете себя виновным за весь период?

Савинков.—До весны 23 года.

Председатель.—Признаете себя виновным, что в конце 17 года совместно с генералами Калединым, Корниловым и Алексеевым участвовали в организации добровольческой армии, ставившей себе задачи продолжение войны с Германией и свержения советской власти?

Савинков.—Да, признаю себя виновным.

Председатель.—Признаете ли, что в конце 18 года и в начале 19-го, состоя за границей представителем Колчака и других, вели переговоры с иностранными государствами по оказанию помощи белым армиям?

Савинков.—Да, это тоже правда.

Председатель.—Признаете ли себя виновным в том, что весной 1918 г. вы организовали союз защиты родины и свободы совместно с монархистами Перхуровым и генерал-лейтенантом Рычковым и, получив деньги и директивы от французского посла Нуланса и чехо-словаков, подняли восстания в Рыбинске, Ярославле и Муроме, чем непосредственно способствовали чехо-словацкому мятежу, созданию новых вооруженных сил армии учредительного собрания и организации контрреволюционных правительств в Самаре и Уфе?

Савинков.—Да, я, конечно, этим занимался, но никогда не было, чтобы я посылал когда-нибудь заведомо бандитские организации в Россию. То, что происходило, было помимо моей воли. Я об этом, с вашего разрешения, буду говорить потом.

Председатель.—Во время вашей деятельности в качестве председателя всероссийского комитета союза защиты родины и свободы в период с 21 по 23 год вы работали в полном контакте и при материальной поддержке представителей польского генерального штаба и французской военной миссии в Варшаве?

Савинков.—Да, это правда.

Председатель.—Признаете ли вы себя виновным, что в тот же период времени вы также пользовались материальной поддержкой от представителей других иностранных государств, в частности Чехо-Словакии и Англии?

Савинков.—В этот период времени ни Англия, ни Чехо-Словакия мне не помогали. Англия вообще никогда не помогала, а чехи помогали в 1918 году и потом оказывали помощь на поддержание существования различных членов организации, которые оставались за границей.

Председатель.—Вы не отрицаете, что в 1923 году вы обращались за материальной помощью к Муссолини?

Савинков.—Да, это правда.

Председатель.—Получили материальную помощь?

Савинков.—Нет не получил.

Председатель.—И затем последний вопрос: за этот же период времени вы устно и письменно пропагандировали и агитировали в Западной Европе о необходимости продолжения вооруженной борьбы с Советской Россией путем интервенции, блокады и т. п.?

Савинков.—В общем, конечно, это правда, но разрешите сделать маленькое примечание: относительно интервенции я говорил в 18—19 гг., позже я этого совершенно не защищал, придя к полному убеждению, что интервенция может принести только вред русскому народу.

В октябрьские дни.

После 10-минутного перерыва заседание возобновляется с опроса подсудимого о его деятельности в период Октябрьской революции.

Председатель.—Где вы были в момент Октябрьского переворота?

Савинков.—Как только я узнал, что переворот начался и вы осаждаете Зимний дворец, я сделал попытку освободить Зимний дворец через союз казачьих войск. Но найти какие-нибудь войсковые части, которые двинулись бы на помощь Зимнему дворцу, мне не удалось. На следующий день я проехал через ваше оцепление в Красновский отряд. Моя роль в отряде Краснова была чрезвычайно мала. Если хотите, у меня больше дела было при Керенском, так как его я нашел в состоянии полнейшей растерянности, но после сдачи Гатчины и неудачной попытки организовать борьбу с вами, я поехал в Петроград. Цели у меня определенной не было. В дальнейшем я вам скажу по каким мотивам, я был совершенно убежден, что мой долг — бороться с вами до конца. Я приехал в Петроград, чтобы узнать, что вообще делается, предполагается ли какая-либо борьба. Здесь я узнал, что Каледин и Корнилов уже на Дону и пытаются там создать добровольческую армию для борьбы с вами.

На Дону.

В Петрограде я ничего не делал, оставался недолго и поехал на Дон. Здесь я явился к Каледину. Должен вам сказать, что то, что я нашел на Дону, меня тогда чрезвычайно поразило. Я очень сожалел потом, что не имел времени и возможности вдуматься глубже в те первые впечатления, которые я получил от добровольческой армии. Эти впечатления были таковы, что через 6 недель я уже уезжал с глубоким недоверием к тому, что на Дону делалось. Меня поразило, что в такой решительный момент, когда, по моему мнению, нужно было всеми силами бороться с вами, здесь, по крайней мере, в окружении генералов Корнилова, Каледина и Алексеева люди занимались, главным образом, интригами, выслуживанием, сплетнями, но не делом. Создавалось такое впечатление, что о родине не думает никто, а каждый занят своими маленькими делишками. Я сразу же по приезде беседовал с покойным Митрофаном Богаевским. Я пытался доказать ему,—и об этом очень много и упорно говорил и это было целью моей поездки на Дон, говорил с Калединым, Красновым, Алексеевым и всеми членами донского гражданского совета, что совершенно невозможно бороться против вас, не опираясь на крестьянство, что настоящая Россия в огромной степени—это крестьянство и что надо бороться с вами, защищая интересы крестьянства, для крестьянства и во имя крестьянства, иначе борьба должна окончиться неудачей. Богаевский мне на это ответил (и меня это поразило): «Нет, время демократии прошло. Мы рассчитываем на буржуазию и казаков».

Я ехал туда в уверенности, что там люди воодушевлены теми же чувствами, как и я, т.-е. прежде всего чувством глубокой любви к моему народу и к моей стране. Но, когда я приехал туда, я увидел, что люди, собравшиеся там, лично на меня, например, смотрели как на врага, потому что я всю свою молодость провел в борьбе с царем. Меня сейчас же окружили контрразведкой, за каждым моим шагом начали следить. Я был опутан паутиной всевозможного обмана и всевозможной лжи. Дело дошло до того, что они начали устраивать на меня покушения. Ко мне на квартиру пришел артиллерийский офицер для того, чтобы меня убить, но, когда мы остались с ним с глазу на глаз, он побоялся поднять оружие. В разговоре со мной он сознался, что был послан меня убить и просил только об одном, чтобы я не давал хода этому делу. Я рассказываю этот маленький эпизод для того, чтобы показать вам ту атмосферу, которая была надо мной. Если к этому прибавить: пьяные патрули на улицах, пьяные «боже царя храни», разделение добровольцев на «алексеевцев и корниловцев» и, еще раз повторяю, всевозможные интриги и ни малейшей мысли о родине, то вы поверите мне, если я вам скажу, что оттуда я уезжал с глубоко стесненным сердцем. Я уже тогда был отравлен мыслью о том, что из этого ровно ничего не будет. Еще раз говорю, что много-много раз потом я глубоко сожалел, что не имел возможности сосредоточиться на этих впечатлениях.

Я уезжал оттуда после многих бесед как в донском правительстве, так и в донском гражданском совете. Формально, на бумаге я достиг некоторого результата. И Каледин, и Алексеев, и особенно Корнилов на словах соглашались со мной, что необходимо опереться на крестьянство и реорганизовать донской гражданский совет на началах демократии. Но все это были слова, а фактически что они сделали? Они сейчас же предложили мне не более, не менее, как вернуться в занятую уже вами Москву, в занятый уже вами Петроград. Для меня было ясно, что, давая такое поручение, они очень рассчитывали на то, что вы меня вскоре поймаете и тут же расстреляете.

Почему же я тогда пошел к Каледину и Корнилову? Что же мне было делать: один бороться я не могу. В эсеров я не верил, потому что видел их полную растерянность, полное безволие, отсутствие мужества... А кто боролся? Да один Корнилов! И я пошел к нему.

Когда я уезжал, в мою память врезалась незабываемая картина, которая надолго осталась передо мной и сейчас стоит передо мной. Это мое последнее впечатление о Доне. Я с Алексеевым и его молодым ад'ютантом офицером вышли вечером после какого-то совещания. Вдруг из темноты появилась какая-то фигура со штыком и замахнулась на Алексеева. Я помню, как молодой офицер бросился на него, как кошка, схватил за горло и повалил. На вопрос Алексеева, кто вы такой, он ответил: я доброволец офицерского полка, в патруле. Вот этот офицерского полка доброволец в патруле в пьяном виде замахивается винтовкой на своего главнокомандующего. Вот с чем я там встретился.

Состав Донского совета.

Председатель.—Состав совета был недемократический?

Савинков.—Совершенно недемократический.

Председатель. — Председателем был Алексеев и Корнилов тоже был?

Савинков.—Да.

Председатель.—Струве входил?

Савинков.—Да.

Председатель.—В качестве кого?

Савинков.—Я не могу дать ответа на этот вопрос, потому что и для меня было неожиданностью, что я увидел там Струве. Я тоже себя спросил: а почему тут сидит Струве? Помню еще, что входил один из редакторов «Русских Ведомостей», Белоусов.

Председатель.—А Федоров, бывший министр промышленности?

Савинков.—Федоров, кажется, был.

Председатель.—Но все не казаки?

Савинков.—Нет, не казаки... Но мог ли я один бороться? Я не чувствовал в себе такой силы, значит надо было куда-то итти, заключать какой-то союз. Вы скажете, что это было наивно с моей стороны. Я сам глубоко сожалел об этом, но кто сказал «а», тот должен сказать и «б». Я сам сожалел, что так наивно верил в то, что эти господа-генералы действительно любят Россию и будут искренно за нее бороться. Оттуда я уехал и начал работать самостоятельно в связи с ними. Оторваться от них я боялся, я не отдавал себе полного отчета в том, что там происходит. Прошу не забывать, что сейчас ретроспективно об этом говорить не трудно, но тогда, когда свистела буря и валился бурелом, я разделял заблуждение многих.

Председатель.—Когда вы уехали с Дона?

Савинков.—Я уехал с Дона в середине января 1918 года.

Председатель.—Какое получили задание и от кого?

Савинков.—От донского гражданского совета я получил задание переговорить с некоторыми лицами, ну... с Плехановым, о том, что, может быть, они войдут в донской гражданский совет.

Председатель.—С Плехановым?

Савинков.—Да, с Плехановым.

Председатель.—А еще с кем?

Савинков.—Если не ошибаюсь, с Чайковским.

Председатель. — А из монархистов с кем?

Савинков.—Из монархистов ни с кем, я получил задание соответственно моей бумажной победе.

Председатель.—Эту миссию вам удалось выполнить?

Савинков.—Нет, нет. Мне эту миссию совершенно не удалось выполнить. Плеханов тогда умирал. Чайковского я не видел. К тому же мне тогда стало яснее, что от того, что там будет Плеханов или Чайковский,—ничто не изменится.

Председатель.—А кто же придумал привлечь именно Плеханова?

Савинков.—Я, конечно.

Председатель.—И возражений против этой кандидатуры не было?

Савинков.—Конечно, были длинные разговоры, но я уже вам сказал, что некоторая бумажная победа у меня была.

„Союз защиты родины и свободы“.

Я поддерживал кой-какие сношения с Доном и начал создавать ту организацию, которая потом называлась Союзом защиты родины и свободы, и начал организацию муромского восстания.

Председатель.—Когда вы приехали в Москву, вы наткнулись на какую-то готовую организацию?

Савинков.—Нет, это не совсем верно. Какие-то гвардейские и гренадерские части были об'единены, но с ними я никакого дела не имел, потому что знал, что они были подчинены некоему правому центру, определенно монархическому. Я полагал, что борьба с большевиками совершенно необходима и что в этой борьбе надо попытаться об'единить все антибольшевистские силы, за исключением явных монархистов. Я думал, что нам, демократам, надо бороться в союзе с добровольцами, потому что если мы будем бороться порознь, то нас разобьют очень легко, а также для того, чтобы не доставить добровольцам первого места, когда вы будете побеждены. Вы не забывайте, что я говорю о 1917 г., когда это заблуждение было у многих. Может быть, и среди вас были тогда такие люди, которые не знали,—победите вы или нет. Россия тогда разделилась на две части: одни были за вас, другие против вас, одни верили в вашу победу, другие не верили. В этот период я был из тех, которые в вашу победу не верили. Я полагал, что в противовес правому центру, о котором я упомянул, надо бы учредить единый национальный центр, куда вошли бы и левые и умеренно правые, все стоящие на платформе учредительного собрания. Отсюда и началась организация национального центра. В левый центр входили и эсеры, энесы, левые кадеты, которые также входили и в национальный центр, а правый центр был монархическим. Они прямо говорили, что они против учредительного собрания. Я входил в национальный центр, который стоял на платформе об'единения всех борющихся антибольшевистских сил, кроме монархистов. Программа образовавшегося союза «защиты родины и свободы» была довольно элементарна и сводилась, главным образом, к вопросу об учредительном собрании. Мы стояли на той точке зрения, что наше дело—расчистить путь народу, а не навязывать ему своей власти. Мы стояли за то, чтобы власть эта была осуществлена, если хотите, своего рода диктатурой.

Председатель.—Диктатурой кого?

Савинков.—Это не было указано (смех).

Председатель.—Вы имели в виду какую диктатуру: военную или гражданскую, гражданского совета с генералами?

Савинков.—Наша программа была очень элементарна, потому что это не была политическая партия, это была боевая организация, которая ставила определенную, чисто военную цель: свержение вашей власти и созыв учредительного собрания. Для того, чтобы это учредительное собрание в момент такой смуты можно было бы собрать, после вашего падения нужно было создать твердую власть. Мы не предрешали форм этой власти, какая она будет,—военная или гражданская, но условились твердо, что это не должно быть повторением керенщины. Основным пунктом нашей программы было учредительное собрание.

Через учредительное собрание к монархии.

Если вы хотите спросить о противоречии: почему я, демократ, шел с теми, кто потом оказался монархистами, то я должен сказать, что приехал из-за границы и о России ничего не знал. И вот, когда человек мне говорил,—я за учредительное собрание, — я не мог проникнуть к нему в душу. Потом я научился.

Председатель.—Какие элементы входили в вашу организацию?

Савинков.—Всевозможные, самые разнообразные. Были интеллигенты, просто студенты, были и офицеры, было много офицеров.

Председатель.—Какова была организация вашего союза?

Савинков.—Я, старый революционер, очень медленно и очень упорно стал создавать тайную организацию. Снизу каждый член организации знал только одного человека, т.-е. отделенный знал взводного и т. д.; сверху каждый член организации знал четырех, т.-е. начальник дивизии знал четырех полковых командиров и т. д. Это придавало организации довольно крепкий характер. Во главе стоял штаб, ну-с, вот, во главе штаба стоял я.

Председатель.—В то время вы входили в национальный центр?

Савинков.—Входил. Но на эти центры я всегда смотрел с некоторым пренебрежением.

Председатель.—По убеждению Перхуров и Рычков были монархисты?

Савинков.—Они были за учредительное собрание.

Председатель.—Через учредительное собрание к монархии?

Савинков.—Мое мнение заключалось в том, что учредительное собрание никогда не приведет к монархии. Я боялся другого, что монархисты просто захватят власть, когда вы падете. Но Перхуров говорил, что он убежден, что русский народ пошлет в учредительное собрание людей, которые захотят монархии. В этот период для меня самое важное было то, честный ли человек, с которым я имею дело или нет, готов ли он итти за учредительное собрание до конца, или хочет заниматься разговорами. Люди, которые у меня собрались, были честными и были готовы итти до конца.

Председатель. — Сколько членов насчитывала ваша организация?

Савинков.—Трудно ответить на этот вопрос, потому что никогда настоящего учета не было. Я думаю, если взять Москву и близлежащие города, то около пяти тысяч.

Покушение на Ленина.

Председатель. Какой тактики придерживалась ваша организация и какие ближайшие цели вы преследовали весною 1918 года?

Савинков. — Наша организация была боевой организацией. Она ставила себе задачей те восстания, которые потом произошли в Ярославле, Рыбинске и Муроме. Я всегда стоял на той точке зрения, что если я веду войну, то я веду ее всеми средствами и всеми способами. Наша организация имела в виду всевозможные способы борьбы, вплоть до террора. Мы имели в виду прежде всего вооруженное восстание, но не отказывались и от террористических актов.

В 1918 г. предполагались покушения на Ленина и Троцкого. Но делалось очень мало. Пытались организовать наблюдения по старому способу. Но из этого толку вышло мало, не потому, что мы не хотели, а потому, что мы не смогли.

Я беседовал с Лениным через третье лицо. Это лицо мне рассказывало о том, как живет Ленин, где живет Ленин, но дальше этого дело не пошло.

К делу Доры Каплан наш союз не имел никакого отношения. Я знал, что эсеры что-то делают, но что именно делают, этого я не знал.

Председатель.—В вашей брошюре «Борьба с большевиками» написано «План этот удался, но только отчасти. Покушение на Троцкого не удалось. Покушение на Ленина удалось только наполовину. Каплан только ранила его, но не убила». Как понять эту фразу?

Савинков.—Это—неудачная фраза. Вы знаете не хуже меня, что в покушении Доры Каплан на Ленина мы не принимали никакого участия. В этой брошюре, которая была предназначена для широкого распространения, я описал правду, но не с такой точностью, с какой говорю вам.

Покушению на Ленина и Троцкого я в ходе нашей работы придавал очень небольшое значение. Для меня было гораздо важнее вопрос о вооруженном восстании. Когда я встречался с эсерами, то говорил с ними именно об этом. О покушении эсеры мне не говорили, но мы говорили им о том, что будем их готовить. Вот характер наших разговоров. Мы с эсерами были, так сказать, платоническими союзниками, но не фактическими.

Председатель.—Вы не верили, что эсеры могут устроить вооруженное восстание. А тому, что они могут организовать террористические акты, этому вы тоже не верили?

Савинков.—Мы верили. Одно дело — боевая партия эсеров, другое дело—партия эсеров. Мы предлагали эсерам действовать согласованно, но из этого ничего не вышло. Переговоры велись Борисом Моисеенко, как главой эсеровской организации. С эсерами же вообще я встречался и говорил с ними на разные темы, в частности по вопросу о левом центре, в который они меня звали.

Как готовилось восстание в Ярославле и Рыбинске.

Председатель. — Расскажите подробно относительно плана восстания в Ярославле, в Рыбинске и Муроме.

Савинков.—Вы задаете вопросы, на которые мне очень печально отвечать. Дело было так. Когда создалась организация, я первоначально думал о выступлении в Москве силами этой организации. Может быть, на этом плане я бы окончательно остановился, если бы французы в лице консула Гренар и военного атташе генерала Лаверня, который действовал от имени французского посла Нуланса, не заявили бы мне о том, что союзники полагают, что есть возможность продолжения войны с Германией на русском фронте. Вы знаете, что я стоял тогда на точке зрения необходимости продолжения войны. Мне было заявлено, что для этой цели будет высажен англо-французский десант со значительными силами в Архангельске. Этот десант было предложено поддержать вооруженным выступлением изнутри. План был такой: занять верхнюю Волгу, англо-французский десант поддержит восставших. Таким образом, Верхняя Волга должна была быть базой для движения на Москву. Мы должны были занять Ярославль, Рыбинск, Кострому и Муром. Вологду французы, как они заявляли, оставляли за собой.

Но я должен сказать, что французы нас обманули. Десант в Архангельске не был высажен и мы остались висеть в воздухе в Ярославле. Восстание утратило смысл. Мы оказались в положении людей, обманутых иностранцами.

Французы знали подробно о всех ресурсах, которыми мы располагали. Переговоры с французами вел Деренталь. Я лично раза два, а может быть, и четыре, видел Гренара и Лаверня, военного французского представителя. Деньги французы давали мне в мое распоряжение. Вообще денежные средства были сравнительно незначительны и составлялись из поступлений из трех источников. Были пожертвования, но сравнительно незначительные. Я получил также 200.000 р. керенских через некоего чеха Клецанда. Наконец, французы дали около 2½ млн. керенских рублей. Получка денег от французов производилась таким образом. Французский чиновник обыкновенно приносил деньги туда, куда я указывал, и вручал лично мне. Сначала от французов были мелкие поступления: по 40—100.000 и т. д. Когда же речь зашла о восстании, то на это дело они сразу дали большую сумму, если не ошибаюсь, 2 миллиона.

С самого начала наша организация была в тесном контакте с французами. Они очень внимательно следили за ее ростом, поддерживали ее.

Франция и покушение на Ленина.

Председатель.—Знали ли французы, что вы не исключаете индивидуального террора?

Савинков.—Конечно, знали.

Председатель.—Знали ли они, что предполагалось совершить покушение на Ленина?

Савинков.—Не могу сказать с полной уверенностью, но думаю, что они должны были знать. Сейчас не вспоминаю разговоров, но думаю, что такой разговор должен был иметь место. Французы не только могли, но и должны были предполагать. По всему ходу наших сношений, они должны были знать.

Французы мне посоветовали выбрать такой план: захватить Ярославль, Рыбинск и Кострому. Но я колебался. Мне

казалось, что у нас нет достаточных сил, и одно время я считал разумнее перевести всю свою организацию к чехам и даже отдал распоряжение об эвакуации части членов организации в Казань, которая была еще в ваших руках, на тот предмет, чтобы при приближении чехов поднять там восстание. Но мне была прислана телеграмма Нулансом из Вологды через Гренара. В этой телеграмме категорически подтверждалось, что десант высадится между 5 и 10 или 3 и 8 июля, точно не помню, и категорически выражалась просьба начать восстание на Верхней Волге именно в эти дни. Вот эта телеграмма и заставила меня 6 июля выступить в Ярославле или Рыбинске. Но часть членов организации была уже эвакуирована в Казань.

Таким образом, французы принимали ближайшее участие в этом деле и нас совершенно обманули. Мне очень трудно допустить, чтобы Нуланс не знал, будет ли высажен десант в Архангельске или нет. Я думаю, что здесь со стороны французов было скорее сознательное введение меня в заблуждение, чем что-либо иное. Я думаю, что Нулансу и французскому правительству по разным соображениям нужно было иметь право сказать, что против советской власти идет вооруженная борьба и сослаться в этом отношении на какой-нибудь выдающийся факт.

Франция и эсеры.

Французы давали также деньги эсерам и «Национальному центру». Они денежно поддерживали все эти группы, которые боролись против вас. И не только поддерживали, но всячески, я бы сказал, подстрекали к этой борьбе.

Эти сведения мне сообщил Гокье, о котором я говорил вам выше. Это было мне также подтверждено впоследствии в Париже. Я не могу точно сказать цифры, в какой мере французы снабжали все эти организации деньгами, но я могу с уверенностью сказать, что это было именно так. Со слов Гокье я знаю, что эсеры не только получали средства от французов, но просили никому не давать денег кроме них. В частности, они просили, чтобы французы не оказывали никакой помощи мне.

Председатель.—А левые эсеры принимали какое-либо участие в переговорах с французами?

Савинков.—С левыми эсерами я не был в контакте, но мне известно из французских источников, от того же Гокье и Гренара, что они тоже получали помощь от французов.

Я вспоминаю разговор, который я имел, кажется, с Гренаром. Гренар мне говорил о том, что убийство Мирбаха было сделано при известном участии французов через левых эсеров. Из этого я заключаю, что если французы имели дело с эсерами, то дела денежного характера.

Председатель.—Убийство Мирбаха и т. п. восстание левых эсеров было с вами согласовано?

Савинков.—Нет. Это явилось для нас полной неожиданностью.

Председатель.—Но ведь время совпадает.

Савинков.—Да. В данном случае я выскажу только свои соображения. Я предполагаю, что французы знали о том, что левые эсеры будут выступать, о чем мы, повторяю, не знали, потому что мы имели контакт с правыми эсерами, но не с левыми. Поэтому французы, зная, что левые эсеры будут выступать в Москве, наши силы перебросили сознательно на Верхнюю Волгу, стараясь приурочить время нашего выступления к восстанию левых эсеров. Это мое предположение. Я в этом не уверен, но сейчас, когда вы мне задали вопрос, это пришло мне в голову.

Еще раз повторю, чтобы подчеркнуть мои сношения с иностранцами в этот период, что французы обманули нас и мы до известной степени являлись игрушкой в их руках.

Массарик и террор.

Председатель.—Откуда вы получали денежные пособия в это время и в каком размере?

Савинков.—Я помню, что когда я был в полном отчаянии, не зная, откуда взять средств, ко мне без всякой моей просьбы явились чехи и передали довольно большую сумму в 200.000 керенских руб. Эти деньги, собственно говоря, тогда спасли нашу организацию. Они дали ей возможность стать на ноги, развиваться и дойти до такого состояния, что она своей численностью заинтересовала французов. Не я пошел к французам, не я искал их, а они пришли ко мне, они меня разыскали. Я не знаю, каким образом они это сделали, но они меня разыскали, и тогда началось обсуждение вопроса о том, что я намерен дальше делать, каковы силы моей организации, есть ли у меня средства. И тут опять без всякой моей просьбы они мне оказали денежную помощь, сначала незначительную—20 или 40.000, точно не помню, но потом мало-по-малу денежные суммы, получаемые мною от французов, возрастали.

Председатель.—Кто вам передал деньги от чехов?

Савинков.—Клецандо.

Председатель.—От чьего имени?

Савинков.—От имени Массарика, он был тогда председателем национального чешского комитета.

Председатель.—Вы знали, на каких условиях они вам давали деньги?

Савинков.—Они заявляли, что они хотели бы, чтобы эти деньги были употреблены на террористическую борьбу. Они знали,—я не скрывал этого,—что я в борьбе своей признавал террор. Они знали это и, передавая деньги, подчеркивали, чтобы деньги эти были употреблены главным образом на террористическую борьбу.

Председатель.—Предпринимали ли анархисты совместные действия с вами?

Савинков.—Нет. Ко мне являлись офицеры, которые называли себя анархистами. Они заявляли, что они выдают себя анархистами только потому, чтобы иметь возможность свободно жить в Москве. Но так как я знал, что анархисты занимались в это время всевозможными грабежами, то я относился к ним подозрительно и спрашивал, помню, у них, не занимаются ли они тем же.

Ход восстания в Ярославле.

Председатель.—Какие конкретные шаги для организации восстания в Ярославле, Рыбинске и Муроме вы предпринимали?

Савинков.—Я назначил доктора Григорьева начальником муромского отряда, полковника Перхурова—начальником ярославского отряда и полковника Бреде—в Рыбинск. Так как в Рыбинске имелись артиллерийские склады, а Ярославль был без артиллерии, то ясно было, что для того, чтобы удержать Ярославль до прихода десанта, нужно было не только взять Рыбинск, но и укрепиться там.

В Ярославле, Рыбинске и Костроме у нас были свои организации, довольно многочисленные, приблизительно в 300—400 человек.

Однако, я считал, что этого недостаточно, и поэтому силы московской организации, довольно значительные, я распределял таким образом. Часть из них я эвакуировал в Казань, часть из них направил в Ярославль, а часть—в Рыбинск. Так как я полагал, что Рыбинск—центральный пункт, то я лично считал возможным быть именно в Рыбинске, где мы выступили первые, если не ошибаюсь, 5-го июля. Но наша попытка, как известно, была неудачна, потому что мы сразу натолкнулись на ваш отряд, и после кратковременного боя мы были разбиты. Для меня, конечно, было ясно, что с поражением в Рыбинске падает весь план, и я послал офицера в Ярославль для того, чтобы предупредить Перхурова, что, по моему мнению, в этих условиях бессмысленно выступать в Ярославле. С другой стороны, Кострома, которая должна была тоже выступить, совершенно не выступила. Офицер не доехал, потому что в Ярославле с 6-го числа Перхуров поднял восстание.

Ответственность за Ярославль я, конечно, беру на себя целиком. Я организовал это дело, я был вдохновителем этого дела, я был его душой. Но эта ответственность глубоко моральна. Есть другая ответственность, политическая. Я хочу, чтобы вы знали, что эту ответственность политическую я разделяю с другими людьми, и хочу я этого вот почему. Потому что не из вашей среды, а среды вам противоположной, из среды эмигрантской я часто и много раз слышал упреки по моему адресу и тяжкие обвинения в том, что я поднял это восстание без чьей-либо санкции, на свой риск и страх, и этим своим восстанием повредил общему белому делу, в частности эсеровскому. Я должен сказать, что это было не так, и что раньше, чем решиться на такое очень ответственное дело, я попросил этот национальный комитет собраться и доложил ему все то, что докладываю сейчас вам, не исключая и моих сношений с иностранцами. Я просил национальный комитет высказать свое мнение, взять ответственность или не брать. Национальный комитет выдвинул из своих рядов так наз. военную комиссию, которую я допустил на заседание нашего штаба и члены которой присутствовали при всех моих распоряжениях и были совершенно в курсе всех планов. Эти лица доложили национальному центру о том, что они знали, и национальный центр взял на себя ответственность за Ярославль и сказал: да, при этих условиях начинайте восстание. Я отмечаю это еще по другим соображениям. Я уехал в Ярославль поднимать восстание не по личной своей воле, но с санкции национального центра; когда же дело кончилось неудачей, национальный центр заявил, что он этой санкции не давал, и таким образом та глубокая, моральная и тяжкая ответственность, которая лежит на мне, была возложена на меня целиком, и я явился политическим козлом отпущения, и вот тут я протестую. Да я подговорил, я организовал, но политическая санкция была не моя, а коллегии лиц, которая в то время, быть может, претендовала на руководство судьбами России в будущем, и эта коллегия лиц после неудачи умыла руки и ответственность с себя сняла.

Что касается организаций, которые входили в национальный центр, туда входили разные лица. Все было построено на персональных началах. Отдельные меньшевики входили и эсеры входили, были левые кадеты, входили правые кадеты. Разные были люди. И этот центр возник по моей инициативе. Я чувствовал необходимость в такой говорильне не для себя, не для организации, а для так называемого общественного мнения, и из нашей же организации некоторые люди, с.-д. отдельные, участвовали, так сказать, в учредительном создании центра, а потом туда вошли, а некоторые были кооптированы.

Когда встретился с Перхуровым в Казани, он мне говорил, что надули союзники, что все время мы ждали десанта, что, собственно говоря, население нас не поддержало, за исключением некоторой части рабочих, руководимых местными меньшевиками.

О муромском восстании я знал то, что мне доложил Григорьев, убитый во время восстания против Колчака. Григорьев взял Муром, у него было очень мало сил, что-то человек 40 или 50, продержался там один день и ушел по направлению к Казани.

С Алексеевым на Дону я поддерживал связь, но должен сказать, что никаких указаний и сведений я не получал, а некоторые офицеры оставались там, а те, которые возвращались, докладывали мне, что там относятся к моей работе с большой ненавистью, что они считают меня врагом и, в общем, не радуются успехам организации.

Отступление к Казани.

После подавления восстания в Ярославле и Муроме я направился в Казань, потому что это был сборный пункт. Часть московской организации была эвакуирована в Казань, и, вообще, было условие, что, в случае неудачи восстания, все те, которые останутся живы, должны стягиваться в Казань. Я тоже направился в Казань, это было очень длинное, затруднительное путешествие. Я встретился с Кошелевым и благополучно добрался в Казань. Был арестован раз вами, но меня не узнали. У меня был фальшивый документ, который я сам себе составил. Я поговорил с председателем вашего совета, и он даже не подумал меня задерживать. Он выдал мне уже настоящий документ (смех), он даже предлагал мне деньги. Я написал очень невинный документ. Я написал, что работал в Наркомпросе, что послан в Вятскую или Уфимскую губернию для организации колоний пролетарских детей (смех). Арестовали меня случайно. Я явился сам на следующий день и просил указать, где совет. Явился в совет, спросил председателя (фамилию его я узнал у красноармейца) и сказал, что я очень рад, что у него в городе такой порядок, потому что, как только появилось неизвестное лицо, его сейчас же арестовали, что я его поздравляю с этим порядком, и когда вернусь в Петроград или Москву, то доложу об этом. Он был очень доволен этим и стал читать мой документ. А в этом документе я написал, что Наркомпрос просит оказывать мне всякое содействие. Когда он дошел до этого места, он спросил меня, что именно мне надо. Я, подумав, сказал: «Видите, вы меня арестовали, и вышло недоразумение, я с петроградским документом; если вы выдадите мне ваш документ, то в ближайшее время я не рискую». Он приказал выдать хороший документ и потом спросил, не хочу ли я денег. Я ответил: нет. Затем я спросил, каким образом пробираться через ваш фронт. Потом, по его приказанию, мне помогли купить лошадь, и я уехал.

В Казани в то время были эсеры, комитет членов учредительного собрания. Первое, что я сделал, когда приехал, я разыскал членов своей организации, я распустил свою организацию и заявил эсерам, что организация распущена, ибо я веду войну только с большевиками и никому не хочу препятствовать восстанавливать Россию, если они думают, что они могут это сделать. Эсеры, не знаю почему, отнеслись к этому очень подозрительно. Эсеры окружили меня шпионами, и я ходил по улицам Казани, как при царе. За мною все время ходили филеры. Я пробыл в Казани недолго, там делалось то, что при Керенском, были разговоры об обороне, были высокопарные речи, а в это время ваши орудия были по предместьям Казани. Не забывайте, что в то время я был глубоко убежденным и упорным вашим врагом и искренно верил, что действую в интересах русского трудового крестьянства. И мне было до такой степени противно то, что я увидал в Казани, что ушел добровольцем, взял винтовку, сел на лошадь и с маленьким отрядом прошел в ваш тыл, под Свияжском. Там я с вами дрался, было несколько боев, мы испортили вам жел.-дорожный путь. У нас с собою было два орудия, мы взорвали его снаряды, а потом благополучно явились в Казань.

Я думал, что борьба будет продолжаться. Меня уверили, что будут драться до последней возможности, это было в 6 час. вечера, а в 8 часов совершенно неожиданно я узнал, что отдан приказ эвакуировать город, потому что несколько снарядов упало уже в самый город, в центр, около штаба. Мы эвакуировались. Ушел и я.

Когда я прибыл в Казань, то нашел значительное количество членов организации, в том числе и генерала Рычкова, который уже занимал должность начальника гарнизона, по назначению эсеров.

Председатель.—Был такой случай, что из пулемета обстреливали митинг и при этом было много убитых?

Савинков.—Дело было так. У нас было 100 сабель, мы стояли в деревне. Деревня расположена была на горке, затем лощинка и дальше рельсы жел. дороги, а затем опять горка. Мы стоим, смотрим и видим, что подходит поезд. Подошел поезд, выгрузил красноармейцев, они, должно быть, знали, что мы тут, потому что они стали с бронепоезда (был бронепоезд, помимо поезда) крыть огнем. Мы не отвечали. Потом выгрузили красноармейцев, и мы видим: они собрались на холме против нас и начали митинговать. Это было в период дезорганизации. Не знаю, о чем у них шла речь. Когда мы увидели эту картину, тогда мы перешли в наступление, и наш пулемет начал обстреливать красноармейцев.

Председатель.—У вас этот момент изложен несколько иначе:

«... из вагона стала выгружаться пехота, человек 500, если не больше, но, вместо того, чтобы выстроиться в цепи и попробовать нас атаковать, люди собрались на одном из холмов. Мы все еще не стреляли. Мы не могли поверить своим глазам: начинался большевистский митинг. Мы видели ораторов, махавших руками, и до нас доносилось заглушенное, одобрительное «ура». Очевидно, что оратор доказывал, что не следует итти в бой. И только когда митинг был уже в полном разгаре, мы открыли пулеметный огонь по холму. Через несколько минут весь холм был покрыт человеческими телами, а блиндированный паровоз задним ходом уходил обратно, откуда пришел. Уходя, он обстреливал нас. Ему отвечали наши орудия, пока не загорелся один из вагонов и поезд весь в пламени и в дыму не скрылся за поворотом. Тогда наш капитан скомандовал: «К седлам», и мы выехали на холм, где только что происходил митинг. У меня не было шинели. Я взял одну. Она была в крови».

Народная армия и чехи.

Савинков. — Это не совсем так. Было уже осеннее время, очень было холодно, а я ехал в одной рубашке, у других были шинели, у меня не было. Я помню, взял шинель, увидел, что она в крови, и я ее оставил.

Что касается народной армии, которая формировалась в Самаре, и части которой я видел в Казани, то впечатление у меня, разумеется, было беглое. Но она на меня произвела впечатление неустойчивости. Я слышал, что постоянно дезертируют, я знал, что эсеры хотят принять какие-то меры.

Председатель.—Какие меры?

Савинков.—Кажется, хотели расправляться тут же.

Председатель.—С крестьянами, организованными в народную армию?

Савинков.—Я слышал в Казани от военных, слыхал от эсеров и от разных лиц, что армия разбегается, дезертирует, не хочет воевать; говорили, что эсеры приняли меры в отношении крестьян, не знаю, какие, но такие, которые возбуждали крестьян против них. Я глубоко возмущался. Когда я был на боевых участках, я думал, что на этих боевых участках дерутся части народной армии, организованные. Но я убедился, что частей народной армии было очень мало, а дрались добровольцы и члены нашей организации.

Пред.—И чехи?

Савинков.—И чехи, там дрался первый чешский полк Швеца. Собственно оборона Казани в значительной части лежала на этом чешском полку. Если бы не этот первый чешский полк, вы бы Казань взяли давным-давно. Швец дрался, он потом застрелился, полк этот совершенно замучили (другие чешские полки или не хотели драться, или же их не посылали, берегли). Чешский полк, — передаю это больше по казанским разговорам, — был недоволен тем, что русские не дерутся, а если и дерутся, то очень плохо. И когда этот первый чешский полк был снят с позиции, то фактически Казань обороняться не могла.

Затем я пробрался в Уфу, потому что там должно было быть государственное совещание. Когда они образовали директорию и во главе ее стал Авксентьев, я пошел к Авксентьеву и сказал ему все то, что я говорю вам сейчас, и предложил ему, что я уеду за границу, пусть директория пошлет меня с какой-нибудь миссией туда, чтобы меня не было в Сибири, и чтобы я им не мешал. Авксентьев чрезвычайно охотно на это согласился. Сибирское правительство, вообще сибиряки, всячески меня отговаривали, и даже сибирское правительство предлагало мне войти в его состав. Но я отказался войти в состав сибирского правительства по тем именно соображениям, которые я здесь высказал. Я никому не хотел мешать. Если бы я принял это предложение, то было бы еще больше драки (между сибирским правительством и директорией). Авксентьев согласился и отправил меня за границу, в Париж, с особой миссией, военной. Я уехал до колчаковского переворота. Когда я приехал в Марсель, то директории уже не было, а был Колчак. Колчак мои полномочия подтвердил. Даже больше: он меня назначил своим представителем в Париже. В качестве такого представителя я и вошел в русскую заграничную делегацию.

За границу я приехал в конце 18 года. Я ездил часто в Лондон, но жил постоянно в Париже. Обязанности были двоякого рода: одни—чисто-дипломатического характера, которые делились на 2 пункта: 1-й пункт—это относительно версальской конференции, на которой затрагивался целый ряд вопросов о России. Моей обязанностью было оберегать национальные интересы России в связи с этой конференцией. Вторая обязанность состояла в том, что я должен был поддерживать перед иностранцами ходатайства сначала только Колчака, а потом, когда Деникин признал власть Колчака, то и Деникина, о материальной помощи Колчаку и Деникину. Кроме того, на меня возлагалась пропаганда. Я стоял одновременно во главе бюро печати Колчака. Оно называлось «Унион».

Вечернее заседание 27-го августа.

Продолжаются показания Б. В. Савинкова.

Савинков—представитель Колчака в Париже.

—Колчак назначил меня,—говорит он,—своим представителем в Париже, собственно не только для Парижа, но и для всей Европы. Должен, однако, сказать, что тут произошли большие недоразумения. Что я, представляя Колчака, вошел в так наз. русскую заграничную делегацию. Ее состав общеизвестен: председатель—Львов, члены—Чайковский, Маклаков, Сазонов и я. Сразу получилось весьма странное смешение. С одной стороны, в Париже находился министр Колчака, министр иностранных дел Сазонов, а с другой—представитель Колчака—я. Не было даже возможности выяснить мои взаимоотношения с Сазоновым. С самого начала эта делегация была сконструирована в высшей степени нелепо. Аппарат был создан такой, что он ни при каких условиях хорошей работы давать не мог. Внутренние же противоречия в этой работе были огромные, потому что я и Чайковский, в особенности же, может быть, я, вели очень левую политику, а Сазонов оставался прежним царским министром и в беседах своих с иностранцами разговаривал так, как будто в соседней комнате сидит царь и он царя представляет.

Мои два сношения с иностранцами,—о первом я рассказал,—перед Ярославлем оставили во мне горький осадок, особенно второе. Как я ни добивался, чтобы мы, русские, были допущены к обсуждению версальского договора, сколько этого ни добивались другие члены делегации, но из этого ровно ничего не произошло. Нас, русских, не пустили на порог, мы остались за дверью. Мы не знали, что они там решают, что думают, и нас ни на какие совещания, даже с правом совещательного голоса, не приглашали, несмотря на то, что трудно даже вам передать, сколько раз мы околотили пороги. В этой своей работе я имел случай познакомиться со всеми выдающимися европейскими правителями. Я у всех перебывал, по вопросу о всевозможных ходатайствах о помощи.

„Чаша унижений“.

Еще раз скажу, что не могу найти слов, чтобы передать ту горечь, которая осталась у меня. Выходило так, что они всячески подстрекали к борьбе, но в сущности вовсе не хотели толком помочь. И когда шла речь об интервенции, когда они сами говорили, что нужна интервенция, то в конечном счете они ничего не делали, и если выражалась их помощь в чем-либо, то она выражалась совершенно определенно в помощи Деникину, в помощи Колчаку, в особенности Деникину, может быть, и до некоторой степени в помощи Юденичу. Да, Деникину помогли очень много; ему дали огромную сумму денег. Но опять-таки была выпита чаша унижения до дна: Потому что едва ли не за каждую пару сапог, едва ли не за каждый пулемет приходилось кланяться, вымаливать.

Вот общая характеристика этой дипломатической, с позволения сказать, деятельности. Дипломатическая она была постольку, поскольку приходилось просить у иностранцев. Этим вот мы и занимались. В частности занимался и я. Сазонов очень скоро утратил всякий престиж у иностранцев. И я, как представитель Колчака, естественно, должен был взять на себя многое из того, что должен был делать Сазонов. Я ездил много раз в Лондон, в частности, к Ллойд-Джорджу, Черчиллю, Биркенхеду, ко всем тем, которые стояли во главе английского правительства, с ходатайствами, с просьбами.

Скажу немножко про себя, чтобы вам была яснее моя позиция. Я околачивал пороги, забывая про все унижения, молчу, клянусь и надеюсь, пусть заблуждаюсь, что я служу своей родине, своему народу. Но вот приезжает генерал Драгомиров с юга и публично говорит: «Пусть Савинков к нам приедет, мы его расстреляем». Это—потому, что я революционер, демократ. Вот в каких условиях приходилось работать.

Как велась пропаганда.

В обвинительном акте мне поставлено в вину, что я якобы заведомо неверно освещал положение в России иностранцам. Я утверждаю и настаиваю, что вы можете обвинять меня в том, что я неверно освещал, но, что я сознательно неверно освещал, это неправда. Вам трудно, граждане судьи, ясно представить себе, в какой малой мере нам, находившимся за границей, было известно то, что делается в России не только в 1919 году, но даже и сейчас. Приезжают беженцы и рассказывают ужасы. Я очень долгое время на основании официальной информации Колчака верил совершенно искренно, что Колчак подвигается вперед и что крестьяне его приветствуют, что Колчак взял линию, во всяком случае, в интересах крестьян.

Вот вам еще лучший случай. Он покажется анекдотическим:

Маклаков поехал на Дон из Парижа, чтобы посмотреть, что там делается, узнать и сообщить. Он приехал в Новочеркасск, кажется, за две недели до полного разгрома Деникина, а вернувшись доложил: «Гром победы раздавайся, все обстоит благополучно, через месяц Деникин войдет в Москву». Я не хочу сказать, что Маклаков сознательно вводил нас в заблуждение, я только хочу сказать, в какой мере было бесконечно трудно понимать то, что делается в России. Каменная стена, за каменной стеной крови, мы ново-ен, там происходят невозможные, невероятные зверства. Мы воюем и больше ничего не знаем. И вот на основании этого будьте любезны освещать положение.

Что собой представляет делегация? Я вошел первый раз в этот посольский дом, увидел бесчисленное множество накрахмаленных, напомаженных чиновников. Мы говорили об остатках судов добровольного флота, мы говорили о консульской части, о том, в Вальпарайсо, сидит какой-то русский консул. У меня тогда создалось впечатление, что вот учреждение, которое получает жалованье и это учреждение тешит себя тем, что оно защищает национальные интересы России и оказывает помощь белому движению.

Раздоры среди генералов.

А пропаганда?.. Мы жевали и пережевывали и опять жевали на все темы—демократия, демократия, демократия. А какой же Колчак был демократ? Ощущение, которое осталось у меня, ничего не изменилось, тот же старый режим.

Разрешите рассказать очень характерную сцену. Был такой момент, для вас не безынтересный, когда Юденич подходил к Петрограду. К Юденичу делегация официального отношения не имела. Все эти люди не были об'единены. Все они ссорились между собой. Каждый генерал с завистью смотрел на успехи другого, каждый желал свое правительство, своих министров. Юденич подходил к Петрограду. В это время Финляндия предложила, что если Колчак признает финляндскую независимость (ибо Колчак в этом вопросе был совершенно непримирим), то финны могут двинуть свои войска на помощь Юденичу. Приехал для этого в Париж генерал Маннергейм. Он докладывал об этом плане, просил и настаивал на том, чтобы Колчак признал Финляндию в тех границах, которые включают в нее и Печенегу—маленький порт на севере. И вот что произошло при обсуждении этого вопроса,—это не анекдот. Сазонов заявил: «Мы обойдемся без них, потому что Деникин через две недели будет в Москве». Вот какая была уверенность, вот какое было понимание положения.

Переговоры с Парижем и Лондоном.

Для армий Колчака и Деникина удалось реально получить чрезвычайно много, но не в Париже, а в Лондоне. Вы знаете, как Деникин был снаряжен и как у Деникина это снаряжение было использовано. Но, я думаю, добрая половина того, что он получил (другой вопрос, что он с этим сделал), была получена благодаря тому, что мы, в частности и я, околачивали пороги Англии.

Когда я беседовал с Черчиллем, тогда военным министром Великобритании, у меня создалось впечатление, что все это уже было оговорено и договорено с деникинским правительством, а мое дело было второстепенное, т.-е. надо было или еще получать, или ускорить получение: увеличить цифру штанов или сапогов и т. д. Вот в какой области приходилось говорить мне.

Я разговаривал и с Ллойд-Джорджем, Эвенсом и со всеми другими. Я был в таком положении, что знал всех английских, французских, итальянских, японских и других министров, всех тех, кто управлял в то время европейскими делами.

Вы спрашиваете,—на каких условиях? Условий не было, но попытки ведения своей политики со стороны англичан были. Например, очень упорно, очень много говорили англичане со мной о том, что желательно образовать независимый Юго-Восточный союз из Северного Кавказа и Закавказья, говорили о том, что этот союз должен быть только началом, что потом с ним должны об'единиться Азербайджан и Грузия. Я в этом чувствовал запах нефти. Моя дипломатическая работа заключалась в том, что я на всем этом вертелся, потому что от этого зависели мои штаны и сапоги. Они рассказывали мне турусы на колесах об образовании таких нефтяных государств.

Председатель.—Но кто же из английских министров, вами только что названных, оказывал военную поддержку?

Савинков.—Черчилль, он был военным министром. Насколько я помню, позиция Ллойд-Джорджа была такова, что он умывал руки, делал вид, что он не совсем в курсе дела того, что делает Черчилль, хотя он, конечно, был в курсе. Хотя, разумеется, Черчилль не делал ровно ничего без согласия Ллойд-Джорджа, но внешне это имело такой вид, как я указал. Даже тогда, когда я беседовал с Ллойд-Джорджем лично, он всегда занимал позицию немного двойственную. А Черчилль действительно очень энергично старался помочь. Что касается французов, то была только болтовня, но ничего не делалось.

Председатель.—Но какую-нибудь материальную помощь получали армии Деникина и Колчака за этот период времени?

Савинков.—Я думаю, что не от Англии, а от Франции. Во всяком случае, категорически сказать, что я знаю, что получили от Франции, я не могу. Я подозреваю, что, может быть, и получили. При моих сношениях с французами я этого совершенно не видел. Мои сношения с французами ограничивались только болтовней.

Председатель.—Какие-нибудь проекты выдвигались французскими министрами в разговорах с вами?

Савинков.—Ну вот, например, я помню такой случай был, что Тардье мне обещал, что он пошлет французские корабли в Балтийское море или, по крайней мере, сделает все возможное, чтобы послать французские корабли в Балтийское море. Это было во время Юденича. Никаких кораблей не было послано.

Председатель.—А вы не считали, что платой за все эти пулеметы, штаны и сапоги, которые давали французы и англичане главным образом для Колчака и Деникина, было неучастие ваше в версальской конференции?

Савинков.—Да, я в процессе этой работы очень многое пережил и очень во многом разочаровался. И для меня было совершенно ясно, что они, конечно, стремятся получить возможно больше выгоды.

Вы не даете себе отчета, в каком мы черном теле там были. Но какого мне труда стоило добиться персонального уважения ко мне, добиться того, чтобы я говорил, как равный с равными. Что я представлял в их глазах?—Колчака. Хорошо еще, когда еще была надежда на Колчака, а потом надежды было все меньше и меньше, и когда начался отход, то они, конечно, были господами.

Вмешательство иностранцев во внутренние дела.

Председатель.—Во время ваших неоднократных бесед с министрами, французами и англичанами,—вам приходилось получать от них какие-нибудь указания и советы о тех или иных планах и действиях, военных и других на территории бывшей российской империи?

Савинков.—Да. Одно время очень много было разговоров и с Черчиллем и с Ллойд-Джорджем о внутренней политике Деникина. И Черчилль и Ллойд-Джордж находили, что внутренняя политика Деникина совершенно сумасшедшая, что в частности крестьянская политика сумасшедшая. Говорили по поводу безобразий добровольческой армии в тылу, по поводу еврейского вопроса. Я делал, что мог в этом направлении, чтобы указать Сазонову и Колчаку; о Деникине я не говорю, потому что там точка зрения на меня была такая: расстрелять и больше ничего, так что мой голос не мог повлиять ни на кого. Но Сазонову и Колчаку я указывал.

Должен вам сказать, что это было несомненное вмешательство в дела, но по существу вмешательство, которое мне казалось более или менее разумным, т.-е. мысли, которые я высказывал, элементарные, простые, что евреев громить нельзя, что крестьянство вешать нельзя. Вся эта работа, и в частности унижение и вмешательство в русские дела, была для меня настолько тяжелой, что я обратился к Колчаку с просьбой отозвать меня. Я ему послал очень резкую телеграмму.

Я ему написал, что здесь русское дело не защищается, по крайней мере, мы не можем его защитить, что надо сделать что-то другое. Я ему написал, что все эти моления, околачивания, прошения и т. д. унижают нас; я его просил отозвать меня, и просил разрешения приехать в Сибирь. Но я получил ответ, что мне не разрешается приехать в Сибирь. Это было опять отголоском деникинских настроений.

Вмешивались ли иностранцы еще? Я вам говорил, в вопросы внутренней политики вмешивались, да и в вопросы национальной политики так называемых независимых восточных государств, как я сказал, немножко нефтяных. О военном деле со мной не говорили, потому что при Деникине и Колчаке был военный представитель, и Черчилль телеграфировал непосредственно.

Что касается вмешательства во внутренние дела, то вам, конечно, ясно, что уже почти накануне падения Деникина, именно благодаря англичанам, в частности Черчиллю, Деникин согласился на образование правительства на новых началах, и туда ездил Чайковский, который должен был это правительство возглавить. Конечно, эта поездка Чайковского была возможна только потому, что англичане на этом настаивали под угрозой прекращения посылки штыков. Я знаю, что во время Врангеля помогали тоже много французы. Но в этот период, о котором вы меня спрашиваете, я французской помощи совсем не видал. Знаю только об английской помощи. Да, она проходила в значительной степени через меня, кроме помощи Деникину.

„Вот моя армия“.

Председатель.—Во время ваших разговоров с Черчиллем, Ллойд-Джорджем и французскими министрами приходилось вам узнавать какие-нибудь соображения чисто военные?

Савинков.—Я вам ответил, что по военным вопросам со мной не говорили, меня не рассматривали, как военного спеца. Черчилль мне показал карту юга России, где были указаны флажками войска деникинские и ваши войска. Помню, как меня потрясло, когда я подошел с ним к этой карте, и он показал мне деникинские флажки, и вдруг сказал: «Вот это моя армия».

Председатель.—Черчилль?

Савинков.—Да, Черчилль. Я помню, как у меня ноги приросли к полу. Но о чисто военных операциях со мной разговоров не было. Вероятно, если было вмешательство,—а оно наверное было, я в этом совершенно не сомневаюсь,—то оно шло телеграфным порядком непосредственно агенту при Деникине.

Председатель.—Вы что-нибудь ответили на эту фразу?

Савинков.—Я ничего не ответил. У меня, я вам говорил, приросли ноги к полу. Я хотел выйти, но тогда представил себе, что вот я сижу в Париже, а там, на далеком фронте, русские добровольцы ходят разутые, и вот, если я хлопну дверью и выйду со скандалом из этого кабинета, они будут ходить без сапог. Я стиснул зубы, а унижение свое положил в свой карман. Я с вами воевал всеми способами, всеми средствами,—и я говорю об этом прямо и открыто. Но война с вами родила во мне такую ненависть к ним, о которой лучше не говорить. Я хочу сказать за себя. Вы должны это понять, что я, эмигрант при царе, когда приехал сюда в 1917 году в начале революции (я жил во время войны не в России, а во Франции), я приехал весь пропитанный не русским, а французским отношением к войне: у меня была вера в этих союзников, у меня было доверие к ним. Вот это все совершенно распылилось, но на этом месте выросло совсем другое. Я научился бриться на своих щеках.

„Благородные цели“ союзников.

Председатель.—Из ваших об'яснений для меня неясно, из каких соображений англичане и французы давали эти самые штаны, сапоги, патроны, пулеметы и т. д.?

Савинков.—Официальные соображения их были, конечно, весьма благородны. Все эти официальные соображения покоились на том, что «мы—верные союзники, что вот вы—изменники, что Франция, спасенная Россией, сейчас настолько благородна, что не забывает наших огромных услуг и приходит к нам на помощь. На помощь приходят—свои люди, сочтемся». Вот на каких началах. Вот это—официальная болтовня, которой никто не верил. А то, что под этим скрывалось, следующее: как минимум вот нефть—чрезвычайно желательная вещь, в особенности нефть; а как максимум—ну, что же, русские подерутся между собою, тем лучше; чем меньше русских останется, тем слабее будет Россия. Пускай красные дерутся с белыми возможно дольше, страна будет возможно больше ослаблена, и когда страна будет окончательно ослаблена и обойтись без нас не будет в силах, тогда мы придем и распорядимся.

Поэтому на ваш вопрос я ответил, что в их интересах было, чтобы Россия была истощена возможно больше, и чтобы они могли сделать из России свою колонию. Никаких благородных целей я там не вижу.

Председатель.—Какие у вас были разговоры с японской миссией, на какой территории, где вы с ними встречались?

Савинков.—Раньше, чем я отвечу на этот вопрос, разрешите добавить (я очень устал, поэтому из моей памяти это ускользнуло). Вы спрашивали: давали ли вам денег? Деньги через мои руки не проходили, но на моих глазах был заключен так называемый колчаковский заем. Не знаю, известно ли вам про него. Колчак вывез часть золотого запаса на английском миноносце в Шанхай. Собственно, это был не заем, а ломбардная операция, и эту часть золотого запаса англичане и американцы обещали реализовать, и я знаю, что англичане реализовали 130 миллионов франков. Эти 130 млн. франков поступили в распоряжение отчасти Колчака, а отчасти Сазонова и делегации. Когда я уходил из делегации, то знал, что остатки этого фонда еще имеются. Они были распределены в Англии по банкам. Вот эта денежная операция прошла на моих глазах. Заем был заключен из семи с половиной процентов.

Теперь, что касается японцев, то с японцами я встречался в Париже. Видите, относительно японцев дело сложнее, чем относительно европейцев. Конечно, никаких добрых целей в отношении России я у них не подозревал. Японцы говорили со мной, главным образом, после падения Колчака. Японцы предлагали мне ехать на Дальний Восток, говорили мне, что они окажут мне всяческую помощь. Но я отказался от этого я совершенно не доверял им и не верил в их помощь.

Председатель. — А персонально с кем из японцев вы вели переговоры?

Савинков.—Я сейчас стараюсь вспомнить эти японские фамилии. Там был Комура, бывший посол в Петрограде, там были еще другие, но очень может быть, потому что я устал, я эти японские фамилии не помню, но я их всех знал,—и тех, которые были на конференции, и тех, которые были в посольстве.

Председатель.—В виду сильного переутомления подсудимого, об'является перерыв до 10 часов утра.

Утреннее заседание 28-го августа.

Председатель.—Может быть, вы вспомните несколько подробнее условия займа, полученного Колчаком?

Савинков.—Я помню, что относительно этого займа велись переговоры с американскими и английскими банкирами, и нужно полагать, что эти переговоры были известны и английскому и американскому правительствам. Заем был заключен из семи с половиной процентов годовых. Процент, как видите, чрезвычайно высокий, в особенности если принять во внимание, что перед нами скорее не заем, а ломбардная операция. Часть золотого запаса, который был у Колчака, была вывезена на английском военном судне в Шанхай, где была положена в обеспечение займа. Я не могу вам точно сказать, поступили ли все 130 миллионов. Все финансовые переговоры и деньги прошли мимо меня, но я знаю, что поступила по крайней мере значительная часть этих денег. Таким образом, в распоряжении англичан находится часть русского золота, хранящегося в Шанхае.

Были ли заключены другие займы, мне неизвестно. Может быть, иностранцы давали деньги, просто поддерживая Колчака.

Председатель.—В этот период вам не приходилось сталкиваться с представителями правительства Северо-Американских Соединенных Штатов?

Савинков.—Да, конечно, приходилось. Они занимали позицию, в высшей степени непримиримую по отношению к вам, но вместе с тем наиболее высокомерную по отношению к нам.

Председатель.—Не можете ли вы вспомнить что-нибудь нового о ваших отношениях с иностранцами?

Савинков.—Я остановлюсь на периоде каннских переговоров и генуэзской конференции. Перед каннскими переговорами я поехал в Лондон, где был принят Ллойд-Джорджем и беседовал с ним. Затем я беседовал с Черчиллем, с военным министром Эвенсоном и канцлером казначейства Беркенхедом. Ллойд-Джордж задал мне вопрос, что я думаю о признании советской власти Великобританией. Я ответил, что вообще удивляюсь такому вопросу, но раз меня спрашивают, то ему скажу, что об этом думаю. Затем мною совместно с Ллойд-Джорджем и Черчиллем было намечено, что вам Ллойд-Джордж пред'явит 3 требования. Во-первых, признать свободу мелкой частной собственности, крестьянской. Во-вторых, признать свободу личности. В-третьих, свободу советского управления. Тут уже не шла речь об учредительном собрании, тут шла речь о свободно избранных советах, т.-е. фактически о допущении крестьян к власти.

Вот эти три пункта обсуждались во время нашей беседы. Ллойд-Джордж, кончая беседу, сказал мне, что он стоит именно на этой точке зрения, что он будет отстаивать ее, но как вам известно, в Каннах и Генуе он эту точку зрения не отстаивал. По каким соображениям, я не знаю. Перед моим от'ездом из-за границы, ко мне явилось одно лицо, которое говорило, якобы от себя, но давало мне понять, что наш разговор станет известным миру. Это лицо спрашивало меня, почему я до сих пор не виделся с Эррио и не желал ли я видеться с ним. Из этой беседы я вынес совершенно ясное впечатление, что мое свидание с Эррио могло состояться в любой момент. Я отказался его видеть, потому что уехал сюда.

Почти одновременно с этим другое лицо, приехавшее из Англии, вело со мной совершенно идентичную беседу по поводу Макдональда. И из этого разговора я вынес ясное впечатление, что если бы я поехал в Лондон, то был бы немедленно принят Макдональдом по русскому вопросу.

Из всего этого вы видите, что Макдональд и Эррио, зная, конечно, (потому что обо мне повсеместно установилась эта репутация), что я—непримиримый ваш враг, знал об этом и ведя с вами переговоры, повидимому, желали беседовать и со мной, т.-е. тут была та же двойственная политика, которую я неоднократно наблюдал в своих сношениях с иностранцами.

Теперь несколько слов о чехах. Я раньше говорил, что мои сношения с чехами ограничились только тем, что в 1918 году, я получил через Клецанда от имени Массарика 200.000 керенских руб. Но я слышал и слышал не как сплетню, а как факт, что если чехи оказывают существенную поддержку эсерам, если чехи вообще тратят большие сравнительно деньги на русских, находящихся в Чехии, то это в значительной мере об'ясняется тем, что чешские войска, уходя из Сибири, увезли с собой очень много имущества и денег, русского имущества и русских денег. Затем, с помощью этих денег был учрежден в Праге легио-банк. Этот легио-банк, в сущности, русский банк, играет значительную роль в поддержке эсеров.

Однако, я должен прибавить, что чехи помогают не только эсерам, но и всевозможным другим русским учреждениям.

Председатель.—Вернемся несколько назад: куда вы направились после ликвидации армии Колчака и прекращения вашей миссии в качестве представителя Колчака?

Савинков.—После ликвидации Колчака я некоторое время был членом делегации, о которой я говорю. В это время в Париж приехал от Пилсудского Вензагольский, который сообщил мне, что Пилсудский хочет меня видеть. Это было в январе 1920 года. В Варшаве я был принят Пилсудским. Пилсудский сказал мне, что было бы желательно сформировать русскую часть на польской территории.

Граждане судьи. Вам, конечно, и тогда было совершенно ясно, что Польша ведет войну против России, я же думал, что Польша ведет войну не против России, а против коммунистов. Не забудьте, что в тот период времени я совершенно отделял Россию от вас, русский народ—от вас. Я смотрел теми же глазами, которыми смотрели многие из русских революционеров на русско-японскую войну. Мне казалось, что поляки воюют не с русским народом, а с вами. Я сказал все это для того, чтобы об'яснить, почему я принял предложение Пилсудского и беседовал с ним. Беседа носила политический характер.

Я уехал из Варшавы, вернулся в Париж. Пилсудский не высказался определенно, может ли он разрешить формирование русских частей. Он говорил об этом только, как о желательном.

После этого весной, снова приехал в Париж Вензагольский, снова пригласил меня в Варшаву, сообщив, что вопрос о формировании русских частей разрешен в положительном смысле. Я приехал в Варшаву, и действительно очень скоро получил полное разрешение Пилсудского на формирование русских частей.

Тут я действовал уже самостоятельно, я уже был гораздо меньше связан с контрреволюц. элементами. Я не был связан ни с Колчаком, ни с Деникиным, ни также с делегацией. Я мог действовать более или менее самостоятельно, говорю более или менее потому, что я, разумеется, сразу попал в тиски поляков.

Вот этот период, когда я действовал самостоятельно, оставил во мне еще более горький след, чем тот период, когда я был связан с другими.

Раньше у меня все-таки оставалось утешение, что моя деятельность приводит к отрицательным результатам, благодаря этим правым элементам. Теперь же не было и этого утешения, мне суждено было сдать экзамен в Польше.

Я приступил к формированию частей. Части эти были в составе польских войск и в подчинении польского генерального штаба. В ваших тылах действовал отряд Булак-Балаховича; этот отряд был сформирован до моего от'езда и довольно долгое время никакого отношения ко мне не имел.

Я занимался формированием русских частей в местечке Столужица. Денежная зависимость от поляков была полнейшая. На юге был Врангель. Его военные представители в отряде тайно препятствовали мне. В состав отряда входили разнородные, мало интересные мне элементы, в значительной мере бывшие в северо-западной армии Юденича. В таких условиях был сформирован отряд в 4.000 человек, основная масса которого была такова, что я сочувствовать ей ни в коем случае не мог. Вскоре начались столкновения между мной и генералом Глазенапом, который стал во главе отряда. Столкновения эти вызваны были, главным образом, тем, что Врангель, по мере того, как численность отряда увеличилась и в общей сложности к моменту похода достигла 25—27 тыс. человек, все настойчивее требовал, чтобы отряд был эвакуирован в Крым.

Поляки, конечно, противились этому, что об'ясняется в значительной мере тем, что они боялись не только вас, но и Врангеля. Получался, таким образом, чрезвычайно сложный узел. Кроме того, и самое формирование не соответствовало моим целям. Я думал сформировать крестьянскую армию, а на моих глазах вырастала золотопогонная под начальством старорежимных генералов. Я удалил Глазенапа, но это было очень трудно.

Роль французов также была очень зна- [illegible] нап подчинился телеграфно помимо меня Врангелю. И вот я получил телеграмму из

Парижа, совершенно категорическую, звучащую для меня, как приказание. И телеграмма гласила, что я должен подчиниться Врангелю. Смысл телеграммы был такой, что если я не подчинюсь, то французское правительство сумеет настоять на этом. И я подчинился.

Как я уже сообщал, я удалил генерала Глазенапа. Но на его место был назначен генерал Бобошко, такой же золотопогонник, как Глазенап. Я удалил ген. Бобошко, и на его место стал генерал Перемыкин, тоже золотопогонник, как оба первые. Не было никакого выбора: или золотопогонные генералы или просто бандиты. Несколько слов о бандитах. Я вызвал тогда Пилсудского, и Пилсудский поставил мне такой вопрос: «Почему вы не имеете дела с Балаховичем?» Я ему сказал то, что я думал про Балаховича, т.-е. что Балахович—бандит. Помню, он рассмеялся и сказал: «Да, бандит, но не только бандит, а человек, который сегодня русский, завтра поляк, послезавтра белорус, а еще через день — негр». Далее Пилсудский сказал: «Пусть Балахович—бандит, но, так как нет выбора, то лучше, пожалуй, иметь дело с Балаховичем, чем с золотопогонными генералами».

Я познакомился с Балаховичем и вынужден был его назначить.

После заключения перемирия Пилсудский призвал меня и сказал: «Дайте в 24 часа ответ, будете ли вы воевать?» И тут произошло памятное для меня заседание, которое было каплей, переполнившей чашу. На этом заседании сидели генералы: Балахович—один, Балахович—другой еще больший бандит, чем брат, Перемыкин, военный представитель Врангеля—Махров; не помню, кто еще там сидел, во всяком случае были все такие высокопоставленные лица. Я доложил им, что мне сказал Пилсудский, и сказал, что я сформировал части, задачу свою исполнил, а теперь им нужно решить, будут ли они драться или нет? Они единогласно постановили—драться.

Председатель. Это было после заключения перемирия?

Савинков. Да, это было после заключения перемирия. Перед нами встал вопрос, что раз хотят воевать, то необходимо об'единить отдельные армии, не имевшие прежде друг с другом связи и ненавидевшие друг друга. Но генералы заявили, что они не хотят подчиняться друг другу, что каждый из них—уже маленький Наполеон, что каждый из них будет действовать совершенно самостоятельно. Мне это показалось настолько диким и бессмысленным, что я решил, что мне остается одно: разделить участь тех людей, которые до известной степени шли по моему приказу. Я решил пойти вместе с ними в поход добровольцем.

Тут я должен вам сказать, что это время поляки формировали сами без меня казачью бригаду некоего есаула Яковлева. К моменту выступления в поход эта казачья бригада была в полном снаряжении. Одновременно с этим поляки разрешили формирование украинских частей, численность которых в начале похода достигала 25—30 тыс.

В общей сложности получалась довольно большая армия для гражданской войны. Если бы она была единой, то представляла бы собой внушительную силу. Но эти 50—60 тыс. человек имели несколько командований: украинцы—одно, есаул Яковлев—другое, Перемыкин—третье, Балахович—четвертое. По настоянию Перемыкина, т.-е. в сущности по настоянию Врангеля (как это ни странно—склонен думать, что за кулисами были иностранцы), я вынужден был заключить конвенцию с Петлюрой, согласно которой он допускал за свой левый фланг армию Перемыкина. Что же было дальше? Перемыкин стал на этот участок, слева от него расположился казачий есаул Яковлев, но раньше, чем пойти в бой, они передрались между собой. Вот с чего начался этот блестящий поход.

Я помню, мы шли сначала очень удачно. Ваши части сдавались. Все время бои, бои, бои, и для нас удачные. Шел мелкий снег. Было холодно. В поле было выстроено человек 400—500 красноармейцев. Они стояли и дрожали от холода. Перед ними—верхом один из балаховских офицеров. Он отдал приказание «подать тачанку», т.-е. расстрелять этих людей. Я не поверил своим глазам, под'ехал к начальнику отряда и сказал, что не понимаю того, что здесь происходит. Он отставил это приказание. И помню другой случай: пять красноармейцев, одиночками сдающихся, идут мимо нас. Вижу—бежит красноармеец без шапки. И вдруг я слышу: «Эй, ты без шапки, пойди сюда», и дальше: «Ты—без шапки, ты—коммунист». Он ответил: «Нет, я мобилизованный».—«Врешь»,—и опять слышу: «Две нагайки сюда». Я спас его.

Поход окончился плачевно. Лично я ушел от вас с большим трудом. Из 26.000 солдат в Польшу вернулись 22—23 тыс.

Еще одна небольшая подробность: мы взяли в плен вашу кавалерийскую часть. Этой части Балахович не тронул. Он предложил ей вместе с командованием пойти с нами. Они согласились. Был бой, и солдаты очень доблестно дрались. Но потом случилось, что их командир, красный командир, заболел тифом. На его место был назначен Балаховичем другой офицер, офицер Николаевского кавалерийского училища—милостивый государь. И вот этот милостивый государь, придя в этот красный полк, начал распоряжаться по-золотопогонному—в два дня этот полк перешел к вам.

Вот этот случай заставил меня сильно задуматься над многим.

Итак, границу перешли 20.000 солдат. И произошло то, что я втайне предвидел: поляки нас обманули. Поляки обещали нам, что они не интернируют, а конфирмируют наших солдат, а это—разница большая. Но, конечно, когда дошло до дела, наши солдаты были просто интернированы в лагеря, и вот я оказался ответственным за 20.000 человек. Они лежали на моей совести. Приходилось бороться за улучшение их положения. А как трудно было бороться! Был среди балаховцев интендант Ильин. Он обворовывал солдат. Я решил отдать его под суд. Когда он приехал в Мозырь, я потребовал у него денежный отчет. Он понял, что если не представит денежного отчета, то здесь же, в Мозыре, я его буду судить. Он пошел к Балаховичу. Балахович дал ему подводу, и он больше не вернулся. Я нашел его в Варшаве. И после этого заявил Пилсудскому, что немедленно покину Варшаву, если Ильин не будет арестован. Ильина посадили в цитадель, но... оправдали.

А вот другой случай. Я хочу ввести порядок в суд, назначаю новых военных судей, даю нормы инструкции. И вот назначенный мною военным судьей полковник Добжинский, долг которого—бороться с преступлениями, занимается кражами. Я его хотел судить, но польский раз'езд освободил его.

Я рассказываю об этом случае для того, чтобы вы ясно поняли, в каких тисках я находился в Польше. Я зависел не только от полковника Сикорского, но и от маленького польского поручика, начальника раз'езда.

Зачем поляки разрешили нам итти в бой, какую цель они преследовали? Почему они все время оказывали на нас давление, тайное, неофициальное?.. Иди, иди, давление двоякое,—польское—с одной стороны и французское—с другой. Какую цель они преследовали? Да ту же, какую преследуют все иностранцы: пусть русские дерутся между собой. Чем больше гражданской войны, тем для нас, иностранцев, лучше: Россия будет слабее, России труднее будет стать на ноги.

Так вот мы вернулись в Польшу. Нас заперли в концентрационный лагерь. Начались, конечно, унижения во всем, во всем. Какой-нибудь польский майор, начальник лагеря, который держит в своих руках не только этих простых людей, которые там сидят, но и меня, потому что у него всегда угроза, потому что он играет на том, что я отвечаю за них.

Председатель.—Для меня неясно, какую цель вы преследовали, когда согласились, чтобы армию направили в поход?

Савинков.—Вам, может быть, покажется странным, но я никакой власти не имел. Я не решал вопроса, итти в бой или нет. Если бы я сказал: нет, не надо итти в бой, то я не пошел бы лично, но они пошли бы. Поход все равно состоялся бы, поход в моих глазах уже бессмысленный. А в глазах иностранцев тоже бессмысленный? Нет, не бессмысленный. В глазах Перемыкина? Нет, не бессмысленный, потому что Врангель ему приказал, а он исполнял приказ начальства. А Балахович? Для него тоже не бессмысленный.

Был у меня с ним случай в Мозыре: приехали белорусские министры—чорт их знает, какие министры!—на подводах. Приехали и заявили, что они—министры, что они представляют белорусский народ. Денег, конечно, попросили немедленно. Ну, хорошо, какое мне дело до них? Однако, оказалось, что было дело, и вот какое: Балахович на следующий день говорит мне: «Знаете, белорусский народ предлагает мне стать начальником белорусского государства». Это в Мозыре. Белорусский народ—это милостивые государи, которые денег просили, да еще пьяными вдрызг напились. Министры! Должен сказать, что я предвидел, что Балахович может выкинуть такую штуку. И помню, что, уходя в поход, сказал это Пилсудскому. Пилсудский ответил: «Скажите ему, что тогда я его выкину». И вот, когда Балахович сказал мне, что белорусский народ в лице этих министров выбирает его, я ответил: «Хорошо, но завтра вас выгонит Пилсудский». Он успокоился.

Как видите, для меня поход был бессмысленный, для других—не бессмысленный. И вот, потому, что поход для меня был бессмысленный с личной моей точки зрения, я вышел из положения тем, что разделил участь солдат, т.-е. пошел вместе с ними.

Председатель.—Кого вы считаете ответственным за весь поход—трех генералов, иностранцев или себя?

Савинков.—Во-первых, отвечаю я, потому что я сформировал эти части. А потом отвечают, конечно, все. И эти генералы отвечают, и союзники отвечают.

Председатель.—Вы вчера говорили о беседе с военным министром Черчиллем и указывали, что он сказал про армию Деникина: «Вот моя армия». Не убедились ли вы тогда, что попадаете в руки иностранцев?

Савинков.—Представьте себе человека, который глубоко убежден. Я должен был испить всю чашу до конца, до тех пор, пока совесть моя не скажет, что я не прав. И, конечно, когда Черчилль показал мне рукой на деникинские части, обозначенные флажками, и сказал: «вот моя армия», у меня холод прошел по сердцу. Да, я совершил грубейшую ошибку, но она вытекает из основной. Основная ошибка, главная—это то, что в октябре пошел против вас.

Председатель.—Скажите, пожалуйста, формально, когда вы занимались организацией так называемой народной армии на территории Польши, вы занимали какой-либо пост или должность?

Савинков.—Я был председателем русского политического комитета, в состав которого входили Философов, Буланов, Ульяницкий, Дикгоф-Деренталь, Симановский и мой брат. Ответственность за этот комитет лежит на мне, так как я был председателем его, в сущности, с неограниченными полномочиями. Что касается погромов, то на моих глазах их совершенно не было, может быть, именно потому, что я там был. Случай с солдатами Георгиевского полка, о котором я говорил, тоже был вне этого отряда. Я еще раз подчеркиваю, что именно в отчаянии, не имея никакой власти, чувствуя, что я попал в полубандитское общество, что я, Борис Савинков, вынужден, под давлением французов, признать Врангеля и под давлением поляков итти с Балаховичем, я в отчаянии шел в одном маленьком отряде простым солдатом. Этот отряд безобразий на моих глазах не делал. Потом уже, в Мозыре, я слышал обвинения, что, когда мы вошли в Мозырь, то был еврейский погром. Я утверждаю, что этого погрома не было. Знаю только, что солдаты Острожского полка, неся патрульную службу, начали грабить, и были случаи, когда офицеры этот грабеж прекращали. Что Балахович делал очень много погромов, это я знаю, я говорю только о том отряде, в котором я был. В Мозыре, насколько я знаю, мы ничего не захватили.

Этот балаховский поход, мое личное в нем участие были последним для меня внутренним духовным аргументом против белого движения. Очень медленно, из множества впечатлений у меня слагалось глубоко отрицательное отношение к белому движению. Началось с Дона, кончилось Мозырем. После Октябрьского переворота я думал так: «Вот захватчики власти, народ не с ними. Там развал, там бандитизм, там убийства, беспорядки, а вот здесь, с этой стороны, на стороне белых—будет порядок, дисциплина, идейность, не будет убийств». И это оказалось все глубоко неверным. Все это оказалось противоположным действительности. Я все больше и больше с ужасом приходил к убеждению, что они думают не о родине, не о народе, а о своих классовых интересах, интересах имущих классов. Более того, глубочайшая причина этого разочарования в том, что я понял, что никакое белое движение без иностранцев невозможно.

К этому моменту у меня совершился окончательный перелом. Много времени я потратил, много сил ушло на это, но зато он был окончательный,—говорю вам не из книги, а из жизни. Я все прошел, все увидел в этом белом движении, сам принял в нем непосредственное участие, и возненавидел. Каждый день приносил уверенность—в чем? Страшно сказать—в своей ошибке, в своем заблуждении и, конечно, в своей вине перед народом.

И здесь я сказал себе: тут я разбит, совершенно до конца побежден, но из этого еще не следует, что народ с ними, а ведь окончательный судья всех наших дел—русский народ и никто иной, и ему только я подчинюсь. Я сказал себе, что это дело гиблое, несчастное, ужасное, а вот есть зеленое движение, крестьянское движение. Если этому движению придать некоторую организованность, то, может быть, результат будет другой. И я попытался пойти по линии зеленого движения. В этих целях было создано информационное бюро. Я стоял во главе его, и я за него отвечаю. Поэтому-то, что я сейчас буду говорить, не поймите так, что я хочу сложить с себя ответственность. В этом информационном бюро, как и во многих других делах, я многих деталей не знал, многие из них я узнал здесь впервые на допросе. Цель моя была такова, чтобы попытаться придать более или менее организованную форму зеленому движению, попытаться вызвать большое, массовое крестьянское восстание, посылать людей в Россию именно с этими задачами. Я не мог себе представить, что из этого произойдет. Как мог я допустить, что эти люди в значительной мере просто сделаются полубандитами, а иногда и бандитами? Я этого предвидеть не мог. Многое делалось не так, как я хотел, а как раз наоборот.

Возьмите, например, вопрос о так называемом шпионаже. Скажут, что я—польский шпион, но шпионом я никогда не был, а было вот что: были опять те же невероятные тиски. Вот зеленое движение. Я остаюсь в Варшаве; должен сказать, что я был вынужден остаться в Варшаве, потому что 20.000 человек сидит за проволокой, и я один, единственный, который может и должен заботиться о них. Что же произошло? А произошло то, что генеральный штаб схватил меня за горло: если вы хотите работать, то вы должны работать совместно с нами. Я пытался вырваться из этих тисков, но ничего сделать не мог. Проходит некоторое время, и я отдаю себе отчет в том, что те, которые отправляются в Россию для зеленого движения, входят, помимо этого, в соглашение с поляками, и эти люди доходят до границы и возвращаются или переходят границу и начинают грабить, шпионить, и только ничтожный процент не делал ни того, ни другого. Да, формально отвечаю я, но я не мог физически войти в это дело во всех деталях, и я не мог, конечно, остановить его.

Да, мы предполагали широкое крестьянское восстание на Западе, даже план разработали, с'езд у нас был. Ах, этот с'езд! Опять иностранцы, опять давление. Программу выработали, мало было иллюзий, но были. И я думал, что программа эта все-таки, до известной степени, отражает настроение крестьян и их желания. Ведь я был за каменной стеной, я не знал, что делается в России, не видел России, не чувствовал ее. Никакого восстания не вышло, какие то бандиты пограбили, какие-то шпионы пошпионили, и только несколько человек попытались искренно и честно что-то сделать. Вот история с информационным бюро.

Председатель.—За период до с'езда союза защиты родины и свободы информационное бюро занималось собиранием сведений военно-разведывательного характера на территории Советской России?

Савинков.—Да, я думаю, что да. Я вам сказал, что мы были совершенно в тисках.

Председатель.—Значит, выходит так, что поляки, взяв на себя содержание 20.000 интернированных солдат, требовали от информационного бюро доставки сведений военно-разведывательного характера.

Савинков.—Это вы немножко обостряете.

Председатель.—А как же иначе?

Савинков.—Если вы настаиваете, то, конечно.

Председатель.—Я не настаиваю, а только спрашиваю.

Савинков.—Я говорю совершенно точно. Да, была база, на этой базе были иностранные войска.

За эту базу я отвечаю. Я хочу только установить, что за базу, за комитет, за армию я отвечаю, а если вы хотите сказать, что я поощрял или сам этим занимался, или был за это, или я сам лично способствовал этому, то нет. Ужас был.

Председатель. — В каких отношениях находилось информационное бюро со 2-м информационным отделом польского генерального штаба?

Савинков. — Были в связи. В значительной мере приходилось сведениями делиться. Да, информационное бюро было в связи с поляками, в связи с французами. Было ли оно в связи с французами непосредственно, я не помню, но это неважно. Да, оно было в связи. И французы, и поляки все время платили.

Председатель. — Не только за содержание интернированных, а и за военную разведку?

Савинков.—Я же не отрицаю этого.

Председатель. — Ваши агенты все сведения, получаемые в России, составляли в трех копиях: одну для информационного бюро, вторую—офицеру 2 отдела польского генерального штаба, третью—французской миссии?

Савинков. — Я должен сказать, что то, что вы говорите, не является доказательством моего в этом участия.

Председатель. — Имел ли место систематический, постоянный обмен документов между информационным бюро, польским генеральным штабом и французской военной миссией?

Савинков. — Он имел место, но вопрос только в том, какие документы передавались и когда передавались. Была база, были чисто злоупотребления, они были у них в руках.

Опять Союз.

Председатель. — Кроме работы разведывательного характера, информационное бюро занималось также посылкой людей для агитации?

Савинков. — Да, для ведения массовой работы среди крестьянства. В западные губернии мы посылали потому отчасти, что они были ближе, а отчасти и потому, что мы имели там больше связи и получали чаще сведения. К мысли о восстановлении старого названия «союза защиты родины и свободы» мы пришли потому, что в концентрационных лагерях старорежимные офицеры, и отчасти генералы, которых там было мало, очень давили, теснили тех людей, которые с ними не были согласны, т.-е. людей нашего тогдашнего демократического направления. Чтобы иметь определенную организацию, мы стали восстанавливать С. З. Р. и С. А потом уже там, естественно, отбирались люди, и к ним переходил целый ряд функций лагерной жизни. Так, в лагерях возрождался прежний союз, но уже на основе другой программы. Здесь уже не было никаких элементов компромисса с кем бы то ни было. Начало существования союза нужно считать со с'езда, который был в июне месяце. На с'езд приезжали с мандатами, которых проверить мы не могли, из центра—из Варшавы — присутствовал я, из представителей иностранных государств были и поляки, и итальянцы, и французы, и американцы. Не помню, были ли англичане, наверно были; все присутствовали, все очень интересовались. От поляков был Сологуб, который в то время был офицером службы связи между министерством иностранных дел и военным министерством. От итальянцев был Стабини, он был военным представителем; от французов был майор Пакелье; были офицеры из военных миссий американской и английской; от Украины был Тютюник. На с'езде была принята программа, подписанная всероссийским комитетом.

Представители иностранных государств просто сидели и записывали. Это не делалось так, что иностранцы вмешивались формально в наши дела. Они сидели, записывали, потом докладывали своему правительству и в беседах со мной, конечно, всячески поощряли. Прямого давления не было, но было неуловимое давление, что вот-де надо бороться с красными.

В конце концов, в моей борьбе с вами я был смертельно ранен душевно этим последним балаховским походом. Я помню, как я вошел в белорусскую деревню, где-то во мху, в лесу. Ко мне подошли крестьяне. Я в первый раз за столько лет был на родной земле. Я помню задал такой вопрос: «Врангеля вы знаете?» Имейте в виду, что я-то во Врангеля верил, во Врангеля вся эмиграция верила, иностранцы верили. Я помню, стоял там седой старик, посмотрел и говорит: «Как же Врангеля знаю». — «Что же вы думаете о нем»? Он махнул рукой: «Пан». — И тогда для меня совершенно и безусловно стало ясно, что Врангеля нет. Тогда я задал ему другой вопрос: «А Керенского помните»? Он тоже махнул рукой и сказал: «Пустозвон». И не то меня резнуло, что я бился головой об стенку, что я шел походом, что я посылал русскую пулю и надо мной свистели тоже русские пули,—меня глубочайше, до конца разбили вот эти беседы с крестьянами. И я уже в судорогах, собственно говоря, пошел в это зеленое движение, которое выродилось в бог знает что, а после зеленого движения—в подпольную работу, которая тоже никаких результатов не дала.

Террор и бандитизм.

Председатель.—Террористические акты вы приказали, приводили в исполнение?

Савинков.—Нет, не приводил в исполнение. Попытки слабые были, был случай, когда Свежевский сказал, что он хочет убить Ленина. Я не верил этому Свежевскому. Я—старый террорист, я знаю, что такое террор. Он сказал: «Я еду». Я ответил: «Поезжай». Понятно, ничего из этого не вышло, это была попытка с негодными средствами. Разве можно сделать террор при таком разложении?

Председатель.—Вы не отрицаете того, что вам было известно, что ряд банд или отрядов были направлены на территорию России под командой Павловского, Павлова, Васильева и др. для разного рода бесчинств?

Савинков.—Да.

Председатель.—Этим бандам давали инструкции только в Союзе или также и офицеры польского генерального штаба?

Савинков.—Насколько мне известно, нет, не давали. Но я догадываюсь о том, что многие из них ехали в Россию, получали несколько рублей и для того, чтобы получить больше, поступали в контрразведку. Вы ведь знаете, так же как и я, то, что офицерство Польши сплошь и рядом состоит в иностранных контрразведках. Соглашения же, что каждый агент, едущий в Россию, должен являться в польский штаб, насколько мне известно, не было. Документы получались в информационном бюро; для проезда же на польскую территорию, конечно, нужно было польское свидетельство. Никогда я не видел ни денег, ни имущества, которые эти люди получали. Сколько раз я потом в газетах читал: «Процесс савинковцев», «Банды Савинкова» и спрашивал себя: «Откуда же это?» Это движение выродилось в полуграбительство, в полушпионаж. Конечно, ответственность лежит на мне, потому что я это дело начал, но вместе с тем совесть моя чиста, потому что не этого я хотел. Я не мог их контролировать, у меня не было власти. Что касается высылки в октябре 1921 г., то я ей был рад, потому что с меня как бремя спало. Я был привинчен к Варшаве, где 20.000 человек сидели без сапог и не мог их бросить. Может быть, другой на моем месте и уехал бы и сказал, что я не хочу возиться с польским штабом, с этой дрянью. А я не уехал. Потом вы добились того, что меня выслали. Я садился в поезд, и сердце мое радовалось, что я уезжаю из этой проклятой страны, что вы меня выпихнули вон (смех).

Председатель.—После вашей высылки в октябре 1921 г. из Варшавы вы продолжали заниматься политической работой?

Савинков.—Первое смертельное ранение—это мозырский поход. Затем возня с зеленым движением. Тут сразу было видно, что все ни к чему, один вред. Что же мне оставалось делать? Ведь не так просто человеку прийти к тому, что несколько лет своей жизни, тяжким трудом, со слезами и кровью, он работал не только зря, но во вред. Не так это просто, не в один день это делается. И я пытался, судорожно пытался уверить себя и утешить себя, что русский народ не хочет их и что я прав. И когда меня выслали, я уже судорожно, по инерции, продолжал попытки работать. Были у меня колебания, были уже большие колебания. Не забудьте, что в этот именно период, как вам известно, я виделся с одним из ваших людей за границей. Помню, какая буря поднялась, как я это могу видеться с большевиками. Поехал, виделся, говорил, но была еще иллюзия, я стал продолжать работать, хотя и мало работал. Был я в Париже. Из Парижа, знаете, никакой революции или контрреволюции в России не организуешь,—слишком это далеко. Так что в 1922 г. я, по правде говоря, не могу сказать, что я энергично работал против вас. В чем выразилась моя работа? Во-первых, я бросился к фашистам. Видел Муссолини, никакой помощи он мне не дал. Я уже сказал, что я стою на террористической точке зрения, и я думал: «Ну, то не удалось, может быть, здесь удастся». Относительно этого в обвинительном акте нет, но я все рассказываю: пытался организовать террористический акт в Берлине, когда там были Чичерин и Раковский. Думал, что-нибудь выйдет. Нет, ничего нельзя было сделать. На террор люди идут только тогда, когда они знают точно, что народ с ними, и именно потому, что когда стоишь лицом к лицу с виселицей и когда знаешь, что служишь своему народу, то идешь. Террор требует огромного напряжения душевных сил, а вот этого теперь нет. Вы не найдете теперь людей нашего направления, которых не точил бы в сердце этот червяк. Вот причина, почему никакие террористические акты не могли иметь места.

Выступил Конради, но Конради—монархист. Среди этих монархистов, может быть, и найдутся какие-нибудь фанатики, я не знаю, а у нас этого вдохновения борьбы против вас уже не могло быть. Вот что я делал весь 1922 год. Очень слабо, очень мало, уже с большими душевными колебаниями, уже почти с отсутствием веры в то, что можно и нужно против вас бороться. В 1923 г. это настроение усилилось. Вероятно, вы читали книжку, которую я тогда написал, книжку, которая проникнута глубоким разочарованием в борьбе с вами, и в 1923 г. я был на волос от того, чтобы написать заявление о том, что я всякую борьбу с вами прекращаю. У меня все выжглось. Вы меня уже победили не тем, что взяли вот и арестовали теперь, а победили другим. Я стал задумываться: на чьей же стороне в самом деле правда, на чьей же стороне в самом деле народ? Я совершенно отошел от иностранцев и от русских, я был совершенно одинок, не входил ни в какие эмигрантские комиссии, комитеты, учреждения, относился глубоко пренебрежительно к верхам и с глубоким сожалением к низам. Я не вмешивался в их жизнь, я думал свою думу. Думал о том, что говорю вам сейчас: «Сколько же крови и слез! И из-за чего? И для чего? И почему? И где моя вина? И в чем моя вина?» Осудите меня, как хотите, ведь большего суда, чем я сам над собой сделал, вы мне не дадите.

Отношение социалистов

Председатель.—У меня еще один вопрос остался, который я забыл вчера. Каково было отношение к вам, Врангелю и Деникину со стороны рабочей партии вообще и со стороны Макдональда в частности, и вообще со стороны английских рабочих?

Савинков.—Умеренные социалисты рабочей партии все время в одну игру играют. Они все время как будто бы и сочувствуют борьбе против вас и как будто бы и не сочувствуют.

Макдональда не знаю и не видел, так что точно не могу сказать. Знаю, что французские социалисты умеренные, Ренодель, скажем, с оговорками признавали борьбу с вами, ну, как ППС, т.-е. ни в тех, ни в сих. ППС держалась этой политики: не то вредили, не то помогали, иногда помогут, иногда повредят. Знаю, что у них шли некоторые переговоры с эсерами, чтобы предоставить эсерам возможность работать на польской территории. Эсеры как-то говорили, что мы растаем на польской территории.

Председатель.—Продолжайте ваши об'яснения о 1923 г.

Савинков.—Я понимаю огромное мировое значение вашей революции; я ее понимаю, как мировое событие. Новый мир против старого мира. Можно стать грудью и защищать этот старый мир, или можно итти с вами. Я говорю—старый мир, понимая под этим старым мир не только генералов, но и себя, и эсеров, и всех, кто не с вами, потому что так или иначе все, кто не с вами, связаны с этим старым миром в той или иной форме. Вот вы несете новый мир. И если я с вами не борюсь, то что я должен делать? Вот такая мысль у меня была. Если я пришел к тому, что вы меня победили, не физически победили, не убили в бою, не расстреляли, а что вы меня душевно победили, то что я должен делать?

Тогда у меня родилась мысль, которая стала меня все больше и больше тревожить, мысль о том, что вот я здесь сижу в эмиграции, могу жить спокойно, тихой жизнью, как будто бы никогда не бился с ними; я не могу просто выйти в отставку, как поступают чиновники, кончившие свой труд. Я себе сказал—нет, как бы я ни заблуждался, как бы ни был тяжек мой путь, я уже вам сказал и еще раз говорю, я был всю жизнь из тех, которые сами идут вперед и делают то, что других зовут делать. За чужой спиной я никогда не прятался; ответственность брал на себя целиком. И я стал думать о том, что я должен во что бы то ни стало поехать сюда, в Россию, посмотреть своими глазами и услышать своими ушами. Я хотел вообще увидеть, что делается в России, и что делают коммунисты. А может-быть, все то, что я читаю в заграничных газетах, есть ложь? Я к этой мысли пришел (ваших газет там нет), потому что если вся борьба была ни к чему, как это—не случайное явление, здесь есть какие-то глубокие, сложнейшие причины, и не может быть, чтобы люди, против которых бороться нельзя, против которых никто не может бороться, чтобы эти люди ничего не сделали для русского народа. И не может быть, чтобы Россия представляла собой красное яблоко, внутри белое, с красной коркой. Не может этого быть.

Здесь много вопросов встало передо мною, тяжких вопросов,—вопрос о всей моей жизни, о всей моей войне с вами. И я себе сказал: да, я поеду в Россию, пусть будет, что будет, пусть расстреляют, но я поеду в Россию, я увижу своими глазами, я сам решу, сам узнаю, что мне надо сделать для того, чтобы служить моему народу, ибо—что говорить,—вы знаете сами, что никаких классовых интересов я не защищал.

Долго длился период колебания, мучительного колебания, перепутья. Знаю, твердо знаю, что все то, что я делал, не в пользу вышло, а во вред. Что же мне делать, куда мне итти? Вот именно спокойной жизнью жить... Нет, я должен служить своему народу. Как всю жизнь служил, так и умру, а как служить—не знаю. И я решил поехать. Когда я приехал сюда, то для меня стало отчетливо ясно, что, конечно, народ с вами.

Вот как я ехал, вот что я делал в 22, 23, 24 годах. Ничего я от вас не скрываю, и ни к чему это мне. Каждый пункт обвинительного акта таков, что достаточно одного обвинительного пункта. Мне прятаться и смягчать вину нечего.

Теперь хочу сделать дополнение. Об иностранцах я говорил очень много, говорил в разное время по разному, и я теперь хотел бы резюмировать то, что я думаю об иностранцах. Видите ли, сейчас и довольно давно уже, конечно, не в 17 и 18 годах, когда я был наивным,—я думаю, что все иностранцы, каковы бы они ни были в этом отношении, равны,—что Пуанкаре и Мильеран равны Эррио, что Черчилль и Ллойд-Джордж равны Макдональду, а Муссолини—Пилсудскому. Они во все время вашей революции всеми силами и средствами содействовали и содействуют борьбе с вами, морально или материально, но содействуют. А если они содействуют борьбе с вами, то они содействуют не только потому, что вот придут коммунисты и возьмут у них из кармана. Конечно, они боятся и этого, но это не главное, а главное—это их мысль о России, что вот была великая, огромная страна, а теперь она разорена, ослаблена; так вот с их точки зрения, как я уже говорил вам, они это ослабление очень приветствуют, и этим об'ясняется в огромной степени их политика по отношению всех тех, которые борются с вами.

Я это здесь утверждаю, и я очень буду счастлив, если когда-нибудь вам удастся пред'явить им счет. Пускай за все платят.

Об'является перерыв до вечера.

Вечернее заседание 28-го августа.

Заключительное слово обвиняемого.

— Граждане судьи, я знаю ваш приговор заранее. Я жизнью не дорожу и смерти не боюсь. Вы видели, что на следствии я не старался ни в какой степени уменьшить свою ответственность или возложить ее на кого бы то ни было другого. Нет. Я глубоко сознавал и глубоко сознаю огромную меру моей невольной вины перед русским народом, перед крестьянами и рабочими. Я сказал «невольной вины», потому что вольной вины за мной нет. Не было дня, не было часа, не было минуты, не было таких обстоятельств, при которых я искал бы личной выгоды, добивался личных целей, защищал бы интересы имущих классов. Нет, такого дня и такой минуты в жизни моей не было. Всегда и при всех обстоятельствах руководился я одним, пусть заблуждался, но руководился одним: моей тоже огромной любовью к родному народу.

Да, я сказал: я знаю ваш приговор и смерти не боюсь, и именно потому, что я знаю ваш приговор и смерти не боюсь, я имею свободу говорить, я имею право и обязанность открыто и твердо, ясно и до конца сказать все, что я думаю, и так, чтобы слышали все, кто имеет уши слышать. Как произошло, что я, Борис Савинков, друг и товарищ Ивана Каляева и Егора Сазонова, сподвижник их, человек, который участвовал во множестве и множестве покушений при царе, в убийстве в. князя Сергея и в убийстве Плеве,—как случилось так, что я сижу здесь на скамье подсудимых, и вы, представители русского народа, именем его, именем рабочих и крестьян судите меня, за что? За мою вину перед крестьянами и рабочими.

Я помню летнее утро. Петроград. Измайловский проспект. Пыльные камни. На мостовой распростертый Сазонов, раненый, со струйкой крови. И я стою над ним. Рядом—разбитая карета Плеве, и пристав, с дрожащею челюстью, подходит ко мне, а у меня в руках револьвер. И помню я Москву и Кремль. Была зима, шел снег. Я целую в губы Каляева, а через две минуты раздается взрыв, и в. князь Сергей убит. Я помню опять: Москва, весеннее солнце, площадь, и снова взрыв—ранен Дубасов. И помню я далекий Глазго. Русский корабль «Рюрик», матрос Авдеев,—он наверное с вами сейчас, — и я с ним обдумываю, где он спрячет меня в трюме, и будет царский смотр на «Рюрике», и будет взрыв. Взрыва не было, потому что был Азеф. Помню я Севастопольскую крепость, и железную решетку, как сейчас. И опять у моих дверей часовой, и смертная казнь, как сегодня, все это помню. Как я был счастлив, когда я сидел тогда в тюрьме. Какою гордостью билось мое сердце. Я знал, что весь русский народ, все рабочие и крестьяне со мною, и что по всей России нет ни одного человека, который бы не вспомнил меня, когда я умру. И я радостно и гордо стоял перед своими судьями. Они не повесили меня. Я убежал из тюрьмы. Теперь я так не сижу. Теперь мною владеет огромное и темное чувство. Я спрашиваю себя, поймут ли мою жизнь русские рабочие, поймут ли мою жизнь русские крестьяне, поймут ли они, что вина моя только невольная, что заблудился я? С этим чувством тяжело умирать. Как случилось, гр-не судьи, что я пошел против вас, красных, против рабоче-крестьянской власти? Как могло это случиться?

Вот послушайте мою жизнь, может быть, многое тогда станет вам более понятным. Из какой я семьи? Из революционной. Отец—чиновник, которого выгнали при царе за революционные убеждения. Таких чиновников было мало. Старший брат погиб в Сибири, в ссылке, при царе. А я с 18-ти лет уже сидел в тюрьме и юным, совсем юным, ушел на первый призыв в террор. Всю свою молодость провел в боевой организации. Что это значит? Это значит, что я жил под стеклянным колпаком. Это значит, что я никого не видал, кроме своих, строжайшая конспирация, абсолютные законы. Я не знал массы, я не знал народа, я не знал крестьян, рабочих. Я любил их. Я готов был жизнь свою отдать и отдавал. Но интересы их, истинные их желания, естественно, мог ли я знать?

Я жил под стеклянным колпаком без имени, без семьи, без дома, каждую минуту под угрозою. Так я жил долго, до 1911 года. А с 1911 года—эмиграция. Но что такое эмиграция? Ведь эмиграция—тот же самый стеклянный колпак. Как я видел и что я видел? Россию я видел? Русский народ видел? Нет, я чужих людей видел, чужой народ, чуждый мне. И сохранялась и росла, и, если можно, еще больше крепла моя любовь к родному народу. Война застала меня в эмиграции. С первым же пароходом, как только пришли первые вести о революции, я приехал в Россию, ничего о ней не зная. Боевая организация и эмигрантская жизнь—вот весь мой опыт.

И когда случился ваш переворот, я пошел против вас. Вот роковая ошибка, вот роковое заблуждение. Один ли я был в этом положении? И почему случилась эта ошибка? Скажу вам, был случай, может быть, заурядный случай, но этот случай сразу оттолкнул меня от вас. Да, я поборол потом в себе его, я никогда не мстил за него, никогда в моей борьбе с вами он не играл роли, но вы поймете меня, когда я скажу, что он оттолкнул меня от вас, что он сразу вырыл пропасть. Случай этот был такой. У меня была сестра, старшая сестра; она замужем была за офицером. Это был тот единственный офицер петроградского гарнизона, который 9-го января 1905 г. отказался стрелять в рабочих. Помните, когда рабочие шли к Зимнему дворцу? Так вот это был единственный офицер, который отказался исполнить приказ. Это был муж моей сестры. Вы его расстреляли в первый же день, потом вы расстреляли и ее... Я говорю: никогда во время борьбы моей с вами я не помнил об этом и никогда не руководился местью за то личное и тяжкое, что пережил я тогда, но в первые дни это вырыло пропасть. Психологически было трудно подойти, переступить через эти трупы. И я пошел против вас.

Вот четыре причины, четыре главные причины. О, конечно, не ваша коммунистическая программа меня смущала. Никогда я не защищал имущих, никогда я ничего сам не имел. Нет, меня смущало другое, меня восстанавливало против вас другое. Врагом вашим я стал за другое. Вот первое—учредительное собрание. Теперь наивно о нем говорить, но то был 1917 г., ведь я всю свою жизнь до 1917 года отдал на что? На мечту об учредительном собрании. Ведь этим я жил, ведь в этом был смысл моей жизни. Да, ничтожество этого учредительного собрания выявилось очень быстро, и очень быстро я понял, что вы были правы, и этот первый пункт отпал. Но был второй, второй пункт—это брест-литовский мир. Я вам сказал, как я приехал в Россию. Я жил во Франции во время войны, я весь был проникнут не русской, а французской психологией войны. Для меня прекращение войны было невозможно, непереносимой была самая мысль об этом. Да, я скоро понял, не сегодня, не теперь, когда я сижу здесь, что и тут вы были правы, и что всякое мудрое правительство должно было заключить мир, но тогда, когда я шел против вас, я этого не понимал. Был еще третий пункт, огромный для меня. Я долго здесь особенно заблуждался, заблуждение такое: большевики возьмут власть на короткое время, а после них придут монархисты. Большевики расчистят дорогу монархистам, и снова будет то же, против чего я боролся всю жизнь, снова будет то ненавистное, что упало в феврале. Этот третий пункт очень скоро тоже отпал, не в день, не в два, не в месяц, но отпал. Конечно, ваша огромная заслуга в том, что вы совершенно уничтожили монархизм и совершенно не допустили возврата к старому. Но я-то это понял потом, а когда пошел против вас, этого не сознавал. Остается четвертый пункт, самый главный, самый основной. Вот над этим четвертым пунктом я все время и бился, вот этот четвертый пункт мне не давал покоя, вот этот четвертый пункт красной нитью прошел через всю мою борьбу с вами. Этот четвертый пункт был такой: красные—захватчики власти, народ—крестьяне и рабочие—их не хотят. И поскольку я думал, что народ—крестьяне и рабочие—против вас, постольку моя обязанность была бороться с вами.

Теперь, граждане судьи, я вам расскажу, как отпал и этот четвертый пункт. Я вам давал свои показания, я не скрывал от вас ничего. Ну, что же? Сначала: Дон, генералы, тайное «боже царя храни», сплетни, интриги, помещики, буржуа,—вот начало белого движения, то начало, о котором я говорил, тот штык, которым офицер замахнулся на генерала Алексеева. Вот, сначала Дон и первое глубокое и острое разочарование, не осознанное еще, а затем дальше Ярославль, бесплодная и кровавая попытка, и французы. Дальше Казань, казанская керенщина, малодушие и растерянность и пустозвонные слова... Дальше Колчак, все то, что делалось у него, и умолчание об этом. Я в Париже представляю его. И опять чиновничество, и опять зависть и сплетни, сплетни и молчание и равнодушие к народу. Потом—Варшава, поход Перемыкина и Балаховича, все то, что я рассказал, все то, что не давало мне покою в мои бессонные ночи. И изо дня в день накапливалась эта горькая острота сознания, что да, здесь я ошибся. А над всем этим иностранцы, иностранцы и иностранцы и опять иностранцы; над всем этим сознание того, что я, русский, любящий свою родину,—в руках иностранцев, людей, которые ненавидят ее.

Вот, медленно, шаг за шагом, приходил я к мысли, той страшной, ужасной для меня мысли: а что, если я ошибся в этом четвертом пункте? А что если действительно народ—рабочие и крестьяне—с вами?.. Ведь, не может же быть, чтобы все попытки кончались неудачей только потому, что у нас программа несовершенна, или тактическую ошибку сделали, или тот не исполнил приказания, а этот перепутал. Не может же быть, чтобы поэтому... Ведь, и у красных, в особенности вначале, был развал; однако, они нас побеждали, а не мы их. Должна же быть более глубокая, более решающая причина... Где же она? в чем же она? Я вам говорю: я искал ее, я бился над нею, я подходил к ней и... я не смел найти ее. Я сказал на следствии: я был смертельно ранен душевно в этом походе балаховском с винтовкой за плечами, был смертельно ранен душевно настолько, что дальше и зеленое движение,—то зеленое движение, которое выродилось в полубандитизм, в полушпионаж,—и дальнейшая работа, слабые попытки подпольной работы,—это уже были судороги, это уже была инерция. Это вообще была невозможность для меня, для человека, который родился революционером, который не остановится на полдороге, который не может, как чиновник, выйти в отставку, который должен дойти до конца, который только тогда скажет, что «да, я ошибся», когда он будет по совести и глубочайше в этом убежден, но не раньше. И весь этот тяжкий и кровавый опыт приводил меня неизбежно к тому, что я должен был поставить себе этот вопрос,—рано или поздно, этот вопрос должен был стать передо мною,—а что, если рабочие и крестьяне с ними? Что же тогда, кто же я тогда, когда я иду действительно против своего народа? Эта мысль была для меня непереносна. Я сказал на следствии, что к лету 1923 г. для меня в сущности все стало ясно. Я уже почти отошел от всякой работы, я уже сидел в углу и только думал и думал над своей жизнью, думал над моей борьбой с вами, и для меня было ясно, что надо сесть за стол и написать, что по таким-то и таким-то причинам я прекращаю всякую борьбу против красных. А написать это—это значит очень многое, ибо, как я уже говорил, мир раскололся на две части: вы несете новую жизнь, и против вас стоит старый. Нельзя, немыслимо пассивно смотреть на то, что происходит. Можно быть или за вас, или против вас, но не посередине. Отказаться от борьбы с вами, написать то заявление, о котором я говорил, свободно в 1923 году в Париже это значило на следующий день притти к вам и сказать: повинную голову меч не сечет. Я говорю о тех моих мыслях, которые были не здесь, когда я под стражей и когда я жду приговора. Если бы они родились здесь, когда я под стражей и жду приговора, им не было бы цены. Цена их в том, что я пришел к ним свободно, долгим мучительным, не из книг, а из жизни, путем...

И я начал тяготиться одной мыслью,—о ней я уже говорил,—я сказал себе: чего бы это ни стоило, чем бы я ни рисковал, я должен приехать в Россию. Я не мог оставаться там и спокойно сидеть в Париже. Я мог бы участвовать в разных заседаниях и комитетах, я мог бы на словах решать вопрос о русской жизни, о русской революции. Этого я делать не хотел и сказал себе: будь, что будет, но поеду сюда, к себе на родину, я увижу мой родной народ, я увижу своими глазами, я услышу своими ушами, что делается. И я тогда решу... Я не знал, что я решу, но я не мог решать в Париже. И вот сейчас я вам говорю и я имею право и обязанность это сказать. Как я вам уже говорил,—я пришел к этому не сейчас и не вчера, а больше года тому назад. Вы же меня судите как хотите и делайте со мною что хотите. Но я вам говорю: после тяжкой и долгой кровавой борьбы с вами, борьбы, в которой я сделал, может быть, больше, чем многие и многие другие,—я вам говорю: я прихожу сюда и заявляю без принуждения, свободно, не потому, что стоят с винтовками за спиной: **я признаю безоговорочно советскую власть и никакой другой.** И каждому русскому, каждому человеку, который любит родину свою, я, прошедший всю эту кровавую и тяжкую борьбу с вами, я, отрицавший вас, как никто,—я говорю ему: **если ты русский, если ты любишь родину, если ты любишь свой народ, то преклонись перед рабочей и крестьянской властью и признай ее без оговорки.**

Вот то, что я вам говорю. И я имею право это сказать, ибо рассказал вам, каким путем я к этому пришел. Что я могу еще прибавить? Мне нечего прибавить к тому, что я сказал. Я могу сказать еще только одно. Вы будете выносить ваш приговор. Я не ищу никакого снисхождения, но я прошу вас помнить,—и пусть революционная совесть ваша напомнит вам об этом,—что перед вами стоит честный человек, который никогда лично для себя ничего не искал и ничего не хотел, который не раз и не два и не десять раз лез головой в петлю за русский рабочий народ и отдал свою молодость на это. Пусть ваша революционная совесть напомнит вам, что для того, чтобы я здесь, Борис Савинков, сказал вам то, что я говорю, что я признаю безоговорочно советскую власть, для этого нужно было мне, Борису Савинкову, пережить неизмеримо больше того, на что вы можете меня осудить.

После краткого перерыва на вопрос председателя, не желает ли Савинков что-нибудь дополнить свои об'яснения, Савинков ответил:

— Нет, я ничего не имею больше сказать, ничего не имею больше прибавить. Я уже сказал, что я знаю ваш приговор и не думаю о нем. Я думаю о другом. Я боюсь другого. Я боюсь только одного,—потому что, как я сказал, с этим тяжко жить, с этим еще тяжелее умирать,—я боюсь только того, что найдутся в России крестьяне или рабочие, которые не поймут меня, которые не поймут моей жизни, и которые подумают, что я был врагом народа. Вот это—неправда. Я заблуждался. Я сделал роковую ошибку вначале. Почему? Я уже об'яснил. Я в дальнейшем боролся против вас исходя из этой ошибки. Что делать, судьба дала мне неукротимую энергию и сердце революционера. Вот я и шел до тех пор, пока не убедился в своей ошибке. Это было не сейчас, не здесь, а больше года назад, в Париже. Вот я только об этом и думаю, только этого и боюсь, ибо не был я врагом народа. И вся моя мечта, вся моя жизнь была в том, чтобы до последнего моего вздоха послужить ему.

Председатель.—Об'являю судебное следствие законченным. Последним словом не желаете воспользоваться?

Савинков.—Нет, благодарю вас.

Председатель.—Суд удаляется на совещание для вынесения приговора.

По Союзным Республикам

Телеграммы.

Отказ члена ЦК меньшевиков Грузии Джугели от вооруженной борьбы с соввластью.

(От нашего корреспондента).

ТИФЛИС, 28 августа. Арестованный в Тифлисе 6 августа бывший председатель штаба народной гвардии, член ЦК меньшевиков, прибывший нелегально для подпольной работы Валико Джугели обратился с письмом в ЦК меньшевиков, в котором указывает, что арест убедил его в том, что все провалы агентов ЦК не были случайны. Эта мысль заставила его покушаться на самоубийство посредством открытия вены на левой руке и отказом от приема пищи. Самоубийство не удалось, а сообщенная ему информация, а также документы убедили его в том, что **«большой вопрос о восстании, энтузиастом которого он был, при таких условиях заранее обречен выродиться в авантюру»**. Повлияло на Джугели также сообщение о заключении англо-советского соглашения. Все это привело его к мысли о необходимости «пересмотреть этот большой вопрос радикально».

Джугели посылает это письмо через товарищей своих меньшевиков, заключенных в Метехском замке, свидания с которыми он добился и которых ознакомил со всеми деталями вопроса. Обращение свое Джугели заканчивает так: «Если вы считаетесь с моим мнением, моим опытом, моими новыми сведениями, я еще раз категорически повторяю вам: **этот большой вопрос решительно должен быть пересмотрен,—этим будет избегнута национальная катастрофа»**.

ТИФЛИС, 28 августа. В открытом письме бывшим народо-гвардейцам и членам партии меньшевиков Джугели говорит, что он приехал в Грузию **с целью организовать всенародное восстание.** Однако, Джугели постиг ряд разочарований. Характерно его указание, что среди этих разочарований не последнее место занимала стабилизация рубля, вызвавшая некоторую «стабилизацию крестьянских настроений». Арест показал автору, что **«в нашем доме не все благополучно»**, так как о его приезде знали немногие. Это тяжелое открытие заставило его прибегнуть к покушению на самоубийство. При этом Джугели удостоверяет, что режим Чека ни малейшего отношения к этому покушению не имел. Продумав все это, а также значение лондонского соглашения, Джугели пришел к выводу, что «со всей смелостью, энергией надо пересмотреть и вовсе снять этот тяжелый вопрос. Я понял, что надо найти в себе мужество раз навсегда отказаться от этой заманчивой мучительной мечты, которая при всей своей заманчивости обречена на гибель и чревата всякими бедствиями». «Мне мучительно захотелось,— пишет Джугели,— сообщить свою точку зрения товарищам на воле». Послав письмо о том же в свой Цека, не имея сведений, дошло ли оно, наблюдая новые провалы и аресты, Джугели решил выступить открыто и опубликовать это письмо на страницах коммунистических газет.

Далее Джугели пишет: «Я не ищу пощады. Если надо будет,—я своей смертью докажу то обстоятельство, что я прилагаю все усилия для предотвращения новых бесцельных жертв».

В заключение Джугели предлагает всем бывшим народогвардейцам и членам партии меньшевиков срочно обсудить и снять вопрос о восстании, поскольку он вообще стоял и настойчиво пропитывал настроение некоторых слоев Грузии. **«Я убедился,**—говорит Джугели,—**что настал момент, когда логику настроений надо подчинить логике фактов».**

В письмах на имя председателя Грузчека Квантализле Валико Джугели пишет, что условия заключения в Чека были для него полной неожиданностью. Это его удивило, озадачило и в значительной степени обезоружило. Здесь он почувствовал неравномерность, тяжесть и некоторую ошибочность борьбы. «Я стал понимать, что иногда мы строили свои расчеты на неверной информации». «После этого,— говорит он,— **я не** мог колебаться; мое решение вполне определилось, я убедился, что в этих условиях вы всегда сумеете предупредить восстание, но дадите ему разрастись, **что поэтому всякая попытка восстания выльется в авантюру, повлечет национальное бедствие.** Поэтому социал-демократия должна решительно высказаться против восстания и совершенно из'ять из наших отношений этот вопрос. Зная общее настроение социал-демократии, сознавая свое значение в этом вопросе, я решительно заявляю, что мне удастся благотворно повлиять на его разрешение.

Было бы ложью,—продолжает Джугели,—если бы я сказал, что принимаю советскую платформу и отрицаю всякую борьбу, **но я решительно заявляю, что отказываюсь от вооруженной борьбы».**

Тифлисский.

А. И. Рыков в Поволжье.

ВСТРЕЧА С САРАТОВСКИМИ РАБОЧИМИ.

САРАТОВ, 28 августа. (От спец. корр.). Пребывание тов. Рыкова в Саратове стихийно вылилось во всенародное торжество городского трудящегося населения. При проезде председателя Совнаркома по городу всюду на улицах образуются толпы горожан, горячо приветствующих тов. Рыкова.

Днем тов. Рыков выступил с докладом в больших железнодорожных мастерских, в том самом месте, где двадцать три года назад он начал революционную деятельность и организовывал первые социал-демократические кружки. Собравшиеся в количестве свыше трех тысяч человек рабочие встретили питомца саратовского пролетариата бурными овациями. Старики-рабочие не могли удержать слез.

Тов. Рыков сделал в мастерских большой доклад о внутреннем и внешнем положении. Подробно остановившись на англо-советском договоре и указав на роль последнего в развитии наших международных политических и экономических отношений в ближайший период, изложив затем возможные условия займа и его роль в укреплении промышленности и сельского хозяйства, тов. Рыков подчеркнул, что в случае получения займа каждый рабочий будет отвечать за заем своим трудом. До ратификации договор должен быть широко обсужден на рабочих собраниях всего Советского Союза.

Далее тов. Рыков указал, что основную роль в экономике нашей страны играет крестьянское хозяйство, определяющее собою все, вплоть до размера заработной платы. Поэтому пролетариат должен принять ближайшее участие в инструктировании крестьянства о новых формах землепользования, могущих раз и навсегда уберечь от последствий частых засух.

Говоря по вопросу об экспорте хлеба, тов. Рыков подчеркнул, что экспорт начнется лишь по удовлетворении всех потребностей Советского Союза на весь год, включая и резервный фонд для регулирования хлебных цен.

В заключение тов. Рыков поделился с рабочими оценкой бюджета и нашей денежной системы.

Доклад был покрыт бурными аплодисментами.

Отвечая на ряд приветствий, тов. Рыков благодарил саратовский пролетариат, воспитавший его для двадцатилетней революционной работы.

ТОВ. РЫКОВ—ПОЧЕТНЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ САРАТОВСКОГО СОВЕТА.

САРАТОВ, 28 августа. (От спец. корр. Роста). Сегодня, в 7 часов вечера, тов. Рыков прибыл на заседание саратовского городского совета. На Театральной площади у здания театра, где происходило заседание, собралась толпа, подобной которой не знал Саратов. На площади и прилегающих улицах скопилось свыше сорока тысяч человек, желавших видеть своими глазами славного земляка, ныне руководителя рабоче-крестьянского правительства. С балкона театра тов. Рыков обратился с кратким словом к трудящимся массам Саратова, указав на славную роль города в ходе русской революции. После речи тов. Рыкова десятки тысяч народа, несмотря на сильный дождь, часами дожидались окончания заседания, чтобы еще увидеть вождя.

На торжественном заседании городского совета тов. Рыков был избран постоянным почетным председателем саратовского совета. Предсовнаркома приветствовали, кроме местных организаций, представители заволжского крестьянства.

Тов. Рыков выступил с большим двухчасовым докладом о внешнем и внутреннем положении Советского Союза, особо остановившись на роли Амстердамского Интернационала в нынешнем политическом положении Европы.

Касаясь неурожая, тов. Рыков подчеркнул, что, по последним данным, о голоде не может быть речи; есть только недород, последствия которого успешно ликвидируются соединенными мерами центральной и местных властей, кооперации, партийных и общественных организаций.

После тов. Рыкова выступали член комиссии Совнаркома тов. Моргунов, член Исполкома Коминтерна тов. Амтер, депутат рабочей фракции английской палаты общин Сюзанна Лауренс.

Советом единогласно принята резолюция, одобряющая доклад тов. Рыкова. Резолюция подчеркивает значение мер правительственной помощи крестьянству и выражает уверенность, что Поволжье выйдет из испытания этого года более окрепшим.

За день.

НЕМЕЦКИЕ РАЙОНЫ В ОДЕСЩИНЕ.

ОДЕССА, 28 августа. ВУЦИК утвердил постановление губисполкома о выделении в самостоятельные административные единицы двух районов Одесщины, почти сплошь населенных немецкими колонистами: Кучурганского, Одесского округа, и Ландауского, Николаевского округа. Подбирается соответствующий персонал для административных органов этих районов. Вся культурно-просветительная работа также будет вестись *на немецком языке.*

ИЗДАНИЯ НА МОЛДАВАНСКОМ ЯЗЫКЕ.

ОДЕССА, 28 августа. Губиздат приступил к изданию учебных пособий и политических брошюр на молдаванском языке. Книги будут печататься на латинском и русском шрифтах.

ПРОЦЕСС СЕМИ ПРОВОКАТОРОВ.

ПОЛТАВА, 28 августа. 30-го августа в губернском суде начинается процесс семи провокаторов и осведомителей полтавского губернского жандармского управления. Главные «герои» процесса: бывший член полтавской организации эсеров-максималистов Спидер, провалившийся в четырнадцатом году побег из полтавской тюрьмы известной Брешко-Брешковской, и бывший социал-демократ, выдавший в восьмом году социал-демократическую военную организацию в Кременчуге.

ДЕЛО ОБ ИЗБИЕНИИ РАБКОРА.

РЫБИНСК, 29 августа. Сегодня на виголевой фабрике, одной из самых крупных фабрик уезда, начался суд по делу об избиении рабочего-корреспондента тов. Булыжкина пьяным секретарем завкома химического завода «Волга» Варзановым. Обвиняют прокурор и представитель местной редакции. На суде присутствует больше тысячи рабочих и много рабкоров и крестьян.

ПУСК ТИМАШЕВСКОГО САХАРНОГО ЗАВОДА.

САМАРА, 29 августа. Тимашевский сахарный завод, бездействовавший пять лет, будет пущен в октябре. На ремонте работают четыреста рабочих, к настоящему времени восстановивших завод. Центр отпустил заводу триста тысяч пудов свекловичного песку. Производственная программа предусматривает суточную выработку шести тысяч пятисот пудов рафинаду. Заводоуправление увеличивает оборудование до возможности выработки восьми тысяч пудов в сутки. На заводе будет занято полторы тысячи рабочих.

«ПРЕСТОЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК».

КИЕВ, 28 августа. В Вышгороде (под Киевом) попы и монахи лавры устроили в «престольный праздник» пьяную оргию. С'ехавшееся крестьянство привезло огромное количество самогона. Мещанское население города перепилось буквально поголовно, включая старух и детей. Перепились и все попы. В пьянстве участвовали также некоторые члены сельских советов. «Праздник» закончился массовым зверским побоищем. Попы собрали настолько обильную «жатву», что нагрузили и вывезли большую баржу с хлебом, яйцами и салом.

Прокуратура приступила к расследованию этого дела.

СЛИЯНИЕ ДОБРОФЛОТА И ГОСЧАПА.

ОДЕССА, 28 августа. Окончательно решен вопрос о слиянии Доброфлота и Госчапа (государственного Черноморско-Азовского пароходства). Об'единение будет проведено в первую очередь в Николаеве, Новороссийске, Батуме, Феодосии и Ростове-на-Дону. Главная контора совторгфлота будет в Одессе, где слияние произойдет не позднее октября.

РАСКОПКИ ОЛЬВИИ.

ОДЕССА, 28 августа. 1-го сентября заканчиваются работы по раскопкам Ольвии, руководимые академиком Фармаковским. Раскопки дали большие результаты: комиссия увозит богатейшие материалы из истории Ольвии и древности. Особенно ценным является открытие академиком Фармаковским древнейшего храма, относящегося к греческому периоду. Найдены также древнейшие эпистолярные документы, посвященные Аполлону, и декреты его именем. Все найденное относится к третьему веку до начала нашего летоисчисления.

ПРИГОВОР ПО ДЕЛУ БАНДЫ ДЕРЕЩУКА.

КИЕВ, 29 августа. В Умани закончилось слушанием дело банды Дерещука.

После тридцатичасового совещания, суд вынес приговор, согласно которому главные обвиняемые — Петро Дерещук, Криничка и Артищенко—приговорены к высшей мере наказания, остальные подсудимые приговорены к заключению на разные сроки, часть подсудимых от наказания освобождена.

РАБОТА СРЕДИ БЕДНЯЦКИХ СЛОЕВ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ.

ХАРЬКОВ, 29 августа. Центральная комиссия национальных меньшинств совместно с ЦК незаможных селян разработала циркуляр о вовлечении комнезамов в работу среди бедняцкого населения, принадлежащего к национальным меньшинствам. Циркуляр предлагает комиссиям незаможных селян выделить кадр испытанных инструкторов, знакомых с языком и бытом отдельных национальных меньшинств, для упрочения среди них комнезамов незаможных селян. Циркуляр указывает на необходимость обеспечить соответствующее представительство организованной бедноты национальных меньшинств в президиумах сельских, районных и окружных исполкомов.

Партийная жизнь

В челябинской организации.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ РАБОТА.

Организация насчитывает 2.984 человека, из них 50 проц. на сов., проф., партийной и других работах и 50 проц. у станка и сохи.

Рост организации идет таким темпом: в апреле вступило 209 человек, в мае—131 и в июне—125, что составляет общим числом 465 человек. За этот же период исключено из организации 35 чел. Причинами исключения являются, главным образом, пьянство и религиозные предрассудки.

Наибольший процент вступивших падает на рабочих от станка. Приток в партию в рабочих районах продолжается и по настоящее время.

Выдвижение на ответственную работу идет очень медленным темпом. По настоящее время от станка выдвинуто только 10 человек. Этот пробел имеется в виду восполнить в период перевыборов в советские и другие организации, вовлекая в эти организации свежие силы.

Проведена организационная перестройка некоторых ячеек, в частности на железнодорожном транспорте и в Копейском районе. Созданы цеховые коллективы. Практика доказала безусловную жизненность коллективов.

Связь с районами установлена путем выездов в районы работников окружкома и вызовов секретарей райкомов с докладами в окружком. В последнем случае по докладам принимается ряд практических предложений, и *даются директивы дальнейшей работы.*

АГИТПРОПРАБОТА.

Чувствуется острый недостаток работников. Тем не менее окружкому удалось организовать по округу до 100 кружков различного типа, в большинстве—кружки по ликвидации политнеграмотности. Кроме того, в городе имеется 32 школы ликбеза, через которые пропущено 970 человек.

МОПР и ОДВФ работу заметно развивают. Так, за время с II окрпартконференции количество членов МОПР увеличилось на 50 проц. Было 5 тысяч, сейчас имеется 7½ тысяч. ОДВФ насчитывает до 5½ тыс. членов.

Издающаяся в округе «Советская Правда» последнее время усилила освещение *вопросов жизни и работы в деревне*, вопросов сельского хозяйства. В связи с этим тираж газеты быстро стал увеличиваться. В мае тираж был 2½ тыс., в июне поднялся до 4 тыс. Возросло и количество индивидуальных подписчиков. В настоящее время имеется 500 подписчиков крестьян.

Что касается распространения литературы, то здесь дело обстоит еще весьма слабо: за май—июнь текущего года на округ с 485.000 *населения* распространено примерно около—7.000 экземпляров.

КОМСОМОЛ.

В период партийной дискуссии, в комсомольской организации имели место некоторые уклоны, но сейчас эти уклоны можно считать изжитыми.

Комсомол насчитывает—2.415 человек, из них *около 90 проц. рабочих и крестьян.* Членов партии и кандидатов в комсомоле 303 чел. В период ленинского набора в партию было передано 122 комсомольца, за это же время вступило в *комсомол* 763 чел.

Пионеров имеется 760 человек. Пополнение рядов не прекращается. В деревне инициативу организации пионеров взяло на себя учительство.

РАБОТА В ДЕРЕВНЕ.

Несмотря на то, что работа в деревне для округа имеет громаднейшее значение, *здесь больше*, чем где-либо, имеются пробелы. Окружком принял меры к усилению работы в деревне: было послано 54 работника, плюс 15 человек курсантов совпартшколы. Все-таки в деревне работников недостает. Райкомы еще не окрепли, и не могут охватить всей работы.

Одновременно отмечается, что в летний период работа не ослабевает, и аппарат крестьянского района перегружен работой.

Политическая сознательность крестьян растет, об этом говорит массовое поступление *заявлений о* вступлении в партию, возникновение различных кружков, по инициативе крестьян и, наконец, рост батрацких организаций. Число батраков—членов всеработземлеса возросло за последнее время с 529 до 1.372 человека.

ДАЛЬНЕЙШАЯ РАБОТА ОКРУЖКОМА.

В июле т. г. был проведен пленум окружкома. Пленум наметил на ближайшее время такие задачи.

Больше внимания вопросам хоз. строительства. Усилить работу в деревне. Укрепить сельские ячейки и кооперацию работниками, усилить работу среди батрачества, организуя основное ядро вокруг союза рабземлеса. Оживить работу ККОВ. Созвать окружную беспартийную крестьянскую конференцию.

Далее поставлено развернуть подготовительную работу по перевыбору советов, при чем втянуть в советы больше женщин. Работу среди национальных меньшинств развивать по линии сближения ее с общепартийной работой.

Н. Ошивалов.

Агитпропработа в Ставропольском округе.

Партийная организация Ставропольского округа на 61 проц. состоит из крестьян. Земледельческий характер округа, а также плохой урожай нынешнего года усиливают трудности агитпропработы. К тому же пропагандистских сил по округу очень мало.

Итоги агитпропработы по округу таковы.

Пропаганда. Закончила курс окружная (б. губернская) совпартшкола 1 ступени. Все 118 курсантов направлены на деревенскую работу.

Вечерних школ политграмоты работает 12 с 400 обучающимися. Материальное положение школ тяжелое. Штатных руководителей школы не имеют, нечем их оплачивать, а работают все по совместительству. С наступлением весны интенсивность занятий в школах понизилась.

Для ленинского набора в г. Ставрополе организована краткосрочная школа на 230 человек. Занятия идут успешно. Ленинцы проявляют хорошие способности.

Самообразовательная работа поставлена слабо, главной причиной этому служит недостаток литературы.

Партдни. В партдень устраиваются открытые собрания в клубах, нардомах, избах-читальнях, в помещениях сельсоветов. **На собраниях всегда присутствует много беспартийных крестьян и рабочих. В некоторых селах на партсобраниях, как правило, присутствует 100—150 крестьян.**

На собраниях прорабатываются вопросы такого характера: экономическое положение села и мероприятия в борьбе с недородом, как перестроить работу кооперации в соответствии с решениями XIII парт'езда, международное положение и др.

За год по округу было проведено 2.860 партсобраний, на них присутствовало за все время 128.255 чел. *беспартийных*, преимущественно крестьян.

Работа в массах. Широко практикуется устройство **крестьянских конференций.** В июне были проведены сельские и районные конференции. На конференциях, наряду с общими докладами, заслушивались **доклады крестьян о культурном ведении своего хозяйства.** Это было применено как опыт, и оказалось, что делегаты с большим интересом выслушивали докладчика, говорившего о мужицких делах. Докладчики подробно рассказывали о своей работе.

— Говорят, что засуха и урожая нет. Неправда. У меня поле дало 80 пудов с десятины, потому что уход был, а на бога мы не надеялись,—заявил седой докладчик-крестьянин на петровской районной конференции и тут же показал свои экспонаты.

Это произвело на крестьян-делегатов большое впечатление.

По округу достигнуты значительные результаты в деле распространения газет.

Окружная крестьянская газета «Власть Советов» имеет тираж 7.500 экз. По селам округа выписываются газеты: «Беднота»—226 экз., «Крестьянская Газета»—1.747 экз., «Советский Пахарь»—4.500 экз., «Правда»—397, «Известия ЦИК СССР»—485, «Безбожник»—110 экз.

Окружной журнал «Ставрополье» имеет тираж 1.500.

Агитпропом окружкома начата большая подготовительная работа к зимней кампании. Пересматриваются все программы, готовятся силы для работы на местах.

В августе заканчиваются по районам курсы секретарей ячеек. С 15 августа открылись окружные курсы политпросветработников.

Ведется подготовка к открытию месячных курсов по переподготовке пропагандистов.

15 августа заканчивают работу окружные курсы по переподготовке учителей.

Ф. Головенченко.

О работе с ленинцами.

(Пленум бакинского комитета).

Пленум бакинского комитета азербайджанской коммунистической партии заслушал отчет о работе с ленинцами и *итогах ленинского набора* в Баку.

Пленум констатировал, что кампания ленинского набора в Баку проведена успешно, в особенности в части вовлечения тюрок и квалифицированных рабочих. **Рабочее ядро в организации поднялось с 40,4 проц. до 72 проц.**

Несмотря на отсутствие пропагандистских и организаторских сил, особенно для работы среди тюрок, несмотря на почти абсолютную безграмотность тюрок-ленинцев, партийно-воспитательная работа дала результаты. Главный результат—пробуждена **активность ленинцев.**

Пленум отметил два недочета: 1) неумелое составление программы школ ленинизма: программа не соответствовала уровню развития слушателей, и 2) недостаточная работа по ликвидации азбучной неграмотности.

Пленум подтвердил необходимость прохождения с ленинцами устава партии в особых кружках по изучению устава. Изучаться устав должен на основе конкретных примеров, понятных слушателям.

На осенний период надо поставить новую сеть школ с программой более простой, чем это было прежде. Развитых ленинцев втянуть в кружки по самообразованию.

Для ленинцев-тюрок открыть школы ликвидации безграмотности, при чем в этих школах ввести политчасы.

Пленум отметил **слабое вовлечение ленинцев в кампанию по перевыборам завкомов** и рекомендует обратить внимание на развитие **массовых рабочих организаций** с вовлечением в них ленинцев. Пленум постановил вести работу по **выдвижению ленинцев на ответственную работу.**

Ф. Мельников.

От отдела печати ЦК РКП.

Во вторник, 2 сентября с. г., в 7 часов вечера, в помещении клуба имени т. Сталина (Старая площадь, д. № 4, вход с Ипатьевского пер.) состоится доклад т. С. И. Канатчикова на тему: «Очередные задачи партии в области печати».

На доклад приглашаются коммунисты—члены редакционных и издательских коллегий партийных, комсомольских, советских, профессиональных и кооперативных газет, журналов и издательств.

Входные билеты необходимо получить в Отделе Печати ЦК РКП(б) (Старая площ., д. 4, комн. 403 у тов. Исаево фонтовой).

Рабочая жизнь.

О производительности труда.

Вопрос о поднятии производительности труда к уровню зарплаты в последнее время на страницах нашей печати занимает довольно много места.

Слов нет, вопрос серьезный и требует немедленного принятия ряда мер к тому, чтобы то расхождение ножниц между зарплатой и производительностью труда, какое мы имеем сейчас, было бы как можно скорее изжито. Насколько плохо обстоит дело с нагрузкой работы рабочих можно видеть из работы механического отдела владимирского химического завода Анилтреста.

В 1913 году на вышеуказанном заводе работало 120 рабочих и служащих (приблизительно), и из них рабочих механического отдела с техническим персоналом 8 человек, т.-е. 6,67 проц.; в настоящее же время всего занято на заводе 279 человек: из них рабочих механического отдела с техническим персоналом 70 человек, т.-е. 25 проц.

Этот пример взят из жизни одного завода, а можно с большой уверенностью сказать, что такое положение существует и на других предприятиях.

Каждому мало-мальски грамотному человеку известно, что чем меньше подсобных рабочих на предприятии, тем дешевле обходится себестоимость вырабатываемого фабриката, тем больше, в среднем, производительность труда каждого рабочего. Говорить о повышении производительности труда—это говорить не только о повышении интенсивности труда производственного рабочего, это значит говорить и о том, чтобы число лиц, обслуживающих его, было как можно меньше. Один с сошкой, семеро с ложкой,—такого положения на владимирском химзаводе. Это нужно изжить, и как можно скорее. Иначе нельзя добиться повышения производительности труда рабочего,—это будет голос вопиющего в пустыне. О слишком большом штате в механическом отделе на владимирском химическом заводе и о недостаточной нагрузке его работой рабочие завода и заводские организации не раз говорили заводоуправлению и тресту, и до сих пор ничего в этом направлении не сделано. Будем надеяться, что теперь, когда вопрос о повышении производительности труда встал во всесоюзном масштабе, заводоуправлением и трестом будут приняты меры, и ненормальности в этом вопросе на заводе будут изжиты.

Владимирский.

Раньше и теперь.

(Осташков, Тверской губ., госкожзавод № 1 им. т. Юзефовича).

В заброшенном городке Осташкове стоит на берегу озера чуть ли не полтораста лет кожевенный завод. Раньше он принадлежал богачу Савину. Савин был богобоязненный человек. Не было той церкви, того собора, куда бы он не дал самого большого вклада. Рабочие же сотнями гнули свои спины в деревянных корпусах по 14—16 часов в день среди мочечих кож за 20—30 коп.

После революции завод перешел к государству, но во главе его остались ставленники Савиных. Никакой революции *как будто и не было.* Прежние рабские отношения и поклоны, прежняя боязнь администрации. Попрежнему собор и церковь задавали основной тон в «культработе».

Работа на заводе идет без плана, без перспектив, без забот о сырье и т. п. Большое количество брака, малая плата, отсутствие дисциплины и поголовное пьянство, начиная с директора и кончая предзавкомом и президиумом отделения союза, бр. Шиманскими, пьяницами, шкурниками, контрреволюционерами. Коммунистов на завод союз и администрация не принимали.

В 1923 году происходит с опозданием на 6 лет революция и у нас на кожзаводе. В феврале приезжает на завод первый коммунист тов. Максимовский, рабочий-кожевник, который наводит некоторый порядок на заводе. Но слишком еще велика отсталость и темнота наших рабочих, недоверие их к советской власти и РКП, чтобы он мог один добиться больших результатов.

В июле месяце ЦК союза кожевников назначает на наш завод директором тов. Рихкина, старого революционера, члена РКП, *рабочего-кожевника.* Рабочие заволновались:

— Ну, теперь все кончено: старый хозяин умер... Начнет хозяйничать коммунист, да еще еврей... Через 2 недели завод закроют!

Но революция вступает в свои права. Реформируется заводоуправление; ставленники Савина удаляются от дел, союз и завком во главе с Шиманским ликвидируются и избирается новый коммунистический завком на правах уездотделения союза; оживает ячейка РКП, организуются общие собрания рабочих, на которых им раз'ясняют сущность и задачи соввласти и РКП. Вводится нормальный 8-часовой рабочий день, которого не было раньше.

И уже в августе 1923 г. нагрузка завода увеличивается на 30 проц. А к октябрю, несмотря на начавшийся ремонт, производственный год при увеличенной продукции был закончен с прибылью в 204.000 руб.

Завод посылает *экспонаты на сел.-хоз.* выставку и удостаивается диплома 1-й степени.

Сейчас работа на заводе идет без перерывов, несмотря на ремонт. Качество *продукции, благодаря указаниям немецкого* профессора Шрайера, значительно улучшилось. При этом увеличен ассортимент: вырабатывается лакированный хром (опоек), технический полувал, *текстильный опоек, вывозившийся* раньше из-за границы.

Расширяется выработка сапог, главным образом, крестьянских. Ввозятся новые машины из-за границы. Завод электрифицируется, устанавливается динамо в 210 лошадиных сил и вместо прежней разбросанности завод будет концентрирован.

Рабочие и персонал к работе теперь относятся серьезно. Нет уже прежней боязни, что завод станет. Рабочие увидели, что завод расширяется, число рабочих увеличивается, склады полны сырьем и материалами. Зарплата выдается очень аккуратно и полностью.

Вообще атмосфера на заводе оздоровилась. В культурной области тоже есть достижения. В ячейке РКП сейчас 70 человек, из них—40 ленинцев. В РЛКСМ—60 чел., из них—30 ленинцев. Есть отдел юных ленинцев (пионеров)—детей рабочих—до 50 чел. Рабочие выписывают *до 900 экз. различных газет.* Работают разнообразные кружки: драматический, музыкальных—2, спорт, ликнеграмотности и рабкоровский. Выпускается еженедельная стенная газета.

Организовано землячество из рабочих уроженцев соседних деревень, числом в 35 человек. Они собираются каждую неделю, где они инструктируются насчет практического закрепления смычки с деревней. *С ними ведется систематическая* воспитательная работа — коллективное чтение газет, ставятся доклады и т. д. Завод принял шефство над одной волостью, где проводится работа. На заводе имеется довольно хороший клуб, библиотека-читальня, Ленинский уголок, производственная комната. Имеется и сад, где происходят все собрания и гулянья.

И те же рабочие, которые когда-то боялись революции, теперь говорят:

— Лучше, братцы, стало. И работать и жить становится легче, чем раньше.

Лерман.

Пожар на заводе.

(Завод «Пролетарская Свобода», г. Ярославль).

21 августа сгорел дотла ценный для *губернии* машиностроительный и литейный завод «Пролетарская Свобода», входящий в Ярославский механический комбинат. Пожар до основания уничтожил механическую, кузнечную, котельную и чугунолитейную мастерские.

Около 100 рабочих лишились заработка.

Рабочие гордились заводом. Еще 7-й губс'езд металлистов отметил повышение интенсивности труда рабочих, сознательное отношение к производству и неуклонный рост завода.

— Главное, вот что обидно,—говорят рабочие,—хоть завод и небольшой, но прибыльный. В 1923 году завод дал для ГСНХ хорошую прибыль, и сейчас заказов очень много.

Убыток от пожара—свыше 200.000 рублей.

Райком союза металлистов, ГСНХ, да и сами рабочие доискиваются причины пожара. Пока причина пожара не выяснена. Загорелось в механической мастерской, в которой огонь никак не мог появиться. В мастерской производится только сборка готовых частей машин.

Причину пожара необходимо тщательно выяснить и все это расследовать.

— У нас еще не мало «экономических врагов»,—заявляют рабочие,—и возможно, что они не мытьем, так катаньем хотят доконать нас.

Райком союза металлистов, чтобы улучшить положение рабочих, ставших безработными, договорился с соответствующими органами о выплате рабочим жалованья до тех пор, пока завод не будет снова работать.

К восстановлению завода принимаются все меры. Правда, он не будет заново выстроен, но мастерские удастся разместить *по другим пустующим заводам.* Впоследствии, когда губерния экономически еще более окрепнет, завод будет заново отстроен.

Ф. Федюняев.

Наши предложения.

НАДО ОБ'ЕДИНИТЬ РОГОЖНИКОВ-КУСТАРЕЙ.

(Вятка).

Вятский край—лесной край. В Вятской губернии расплодены кустари-лесовики: смолокуры, бондари, рогожники, угольщики.

Так, например, в Халтуринском уезде, Вятской губернии, очень много кустарей-рогожников.

По приблизительному подсчету, в этом районе находится до 400 рогожно-ткацких станков, выработка которых составит до 250.000 рогож-кулей. Станки—не стучат. Нет сырья—мочалы. Кустари раз'единены, разбросаны.

Там же, где работа, несмотря ни на что, идет, рогожники безжалостно эксплоатируются.

В настоящее время вятский смололесосоюз об'единил до 200 смолокуренных заводов с 758 кустарями-смолокурами, до 10 скипидароочистительных заводов и несколько бондарных мастерских.

Очередь за рогожниками. Рогожники наиболее раз'единены и распылены. Они наиболее близки и по духу, и по производству к типу рабочего-пролетария.

Сырья—мочалы на месте сколько угодно.

Нужно как можно скорее об'единить рогожников в крепкие трудовые артели «лесных ткачей». Слово и дело за смололесосоюзом.

Н. Алтайский.

НЕОБХОДИМО ПЕРЕСМОТРЕТЬ.

На рудниках Донбасса проживает много вдов, которые, считаясь почему-то красноармейками, не получают совершенно никакой помощи и влачат нищенское существование.

Необходимо более внимательно разобраться в этом деле, ибо нельзя всех без исключения вдов причислять к категории красноармеек по следующим причинам:

Во время наступления немцев, а также деникинских банд, многие рабочие прямо от забоя и станка, отступая с советами, оставили свои семейства на произвол судьбы.

Многие из них были уже преклонного возраста и, принимая участие в арьергардных боях, гибли, умирали от всяких военных лишений и болезней или пропадали без вести.

Согласно декретов Соцстраха, правом на обеспечение семейства пользуются только вдовы умерших на производстве рабочих, а вдовы указанных выше категорий причислены к красноармейкам и лишены помощи.

В большинстве случаев погибшие в боях рабочие *имели большой производственный* стаж и это несправедливое отношение наших страхорганов вызывает на ишах негодование со стороны обездоленных семейств погибших тружеников.

Необходимо сделать что-то в этом направлении!

Донбассец.

ВНИМАНИЮ РАБОЧЕЙ КООПЕРАЦИИ.

Редкий рабочий нашего завода, а вероятно и других, не состоит членом рабочего кооператива. В кооперативе стараемся покупать все, ибо прошло уже то время, когда в кооперативе все было дороже и хуже, сейчас, наоборот, в большинстве кооперативов и дешевле, и лучше.

Но не всегда рабочий может покупать в кооперативе нужные ему продукты. Возьмем *для примера* такой случай: приходим к гудку на завод. Кооператив в это время еще закрыт, купить чего-нибудь к *завтраку в кооперативе нельзя*, но зато к нашим услугам у заводских ворот разместились с лотками торговки и торговцы, дерущие втридорога за свои недоброкачественные продукты.

То же происходит и в обеденный перерыв, ибо кооператив с часу до трех закрыт, а перерыв у нас с 12½ до 1½, и ясно, что вся масса рабочих, хлынувшая в кооператив, за полчаса купить себе ничего не успеет. Столовой у нас нет и не на всяком заводе она имеется. И рабочему, значит, опять приходится прибегать к помощи торговок, отравляя свой желудок плохой пищей и опустошая карман.

Рабочей кооперации необходимо заполнить этот участок кооперативного фронта созданием по примеру Моссельпрома артелей, торгующих с лотков продуктами *рабочей* кооперации. Этим мы убиваем двух зайцев: улучшаем питание рабочего (одновременно и удешевляя) и помогаем сокращать *безработицу*, ибо, организуя для этого артели из безработных, мы тем самым даем им заработок и расширяем деятельность кооперации.

Кооперация и в этой области должна вытеснить частного торговца.

Рабочий № 1.673.

Нам пишут.

◆ Рабочие стержневого цеха завода Маленкова (Москва), ссылаясь на закон Наркомтруда от 27 июля 1923 г., протестуют *против отказа* Наркомтрудом в дополнительном отпуске им и не понимают, чем мотивирует Наркомтруд свое решение.

Ермолаев.

◆ Кооперация в Гусь-Хрустальном крепнет. Цены ниже рыночных на 20 проц., в среднем. Оборот через год возрос в 6 раз.

В. Морозов.

◆ Рабочим суконной фабрики им. Троцкого (Москва) трест обещал дать средства на ремонт дома-общежития и отремонтировать его к концу августа. Но вдруг смета куда-то пропала, и стройка дома так и не началась. А рабочие живут *в страшной тесноте и грязи.* Ячейке и фабкому надо нажать на заводоуправление.

Рабочий Майн.

◆ В кооперативе пролетарского района в Мытищах наблюдаются некоторые неурядицы. Кредит рабочим выдается беспорядочно, и в результате рабочие не вылезают из долгов, а кооператив не может получить денег с рабочих, так как кредит превышает заработок рабочего. Надо согласоваться с заводоуправлением и открывать кредит один раз в месяц и на сумму, не превышающую заработок рабочего.

Бакин.

◆ Можайский укрсвязи, вопреки коллдоговора и кодекса о труде, послал рабочего монтера в Бородинское предприятие. *Рабочком опротестовал* неправильную посылку монтера. Вопрос в РКК пересмотрелся вторично. Дело перешло в конфликтную комиссию при инспекции труда, которая и сговорилась с администрацией о немедленном возвращении рабочего. А администрация тормозит обратный перевод его, ссылаясь на неимение средств. Вопрос вторично перешел в инспекцию труда.

Надо проучить администрацию укрсвязи.

Макарыч.

◆ На Невинномысской мельнице № 3 (Армавирский округ) рабочие получили кредит в Спидшвейпроме на шесть месяцев. Но в первый же месяц начинают высчитывать полностью весь кредит. Рабочие недовольны.

Павел Лирин.

◆ На заводе им. Бухарина (Гусь-Хрустальный) не вывешены до сих пор нормы выработки.

В. С. Морозов.

◆ По халатности месткома Моснукомола были просрочены 230 облигаций выигрышного займа из общего числа 440 облигаций. Месткому надо дать нагоняй за невнимательное отношение к интересам держателей и государства.

Коваленко.

◆ На Уладовском (Подолия) государственном сахарном заводе почти полностью приобретен нужный инвентарь и выполнено до 85 проц. необходимого ремонта. К 15 сентября с. г. ожидается полное выполнение ремонта. Ремонтируется ряд квартир, строится баня и т. д.

Вас. Малахов.

Нашим корреспондентам.

Ив. Андрееву.—«Дрова»—слабо. Картинка не ярка.

Зубову (клуб «Металлист»)—неясно, что вы хотели сказать своим ответом членам клуба «Металлист».

Мал (Тверь). «Рабочие и школа»—не пойдет. Непонятно, чего автор хочет. Растянуто.

Квас (ф-ка 5 октября, Александровского у.)—неверно подходите к затронутому вопросу. Отказ администрации от электрического освещения все равно не дает возможности содержать электрический двигатель.

Суббота (Ташкент). «Быт» получился неправдоподобным. Нет еще уменья делать хорошие бытовые очерки.

Обыдину (Дергунинский завод). «Не суйся в воду»—не пойдет.

Скобневскому—письмо производит неблагоприятное впечатление. Такого положения, как вы описываете, не может быть. Сгущены краски.

Первушину (ст. Крабанова). Неправильное освещение. Поместить не можем.

Сотскому (Красн. Пресн. трамв. парк), «Производственное совещание»—не пойдет. Напишите лучше, к каким практическим результатам привело это совещание.

Копченову.—«Смычка»—мало интересна.

Меньшому (Рыбинск). «Первый шаг»—не пойдет. Отчеты о совещаниях потеряли остроту момента. Теперь надо корреспонденцию об итогах производственных совещаний.

Югу.—«Долой волокиту»—ничего нового.

К. П. (Белая Церковь). «Полезна ли концентрация»—не убедительно. Надо более серьезно отнестись к этой теме.

Гаврилову.—Заметки не пойдут.

Тулину.—«У серных вод»—не подходит.

Трейстер (Херсон). «Работа за год»—не пойдет. Не надо писать таких сухих годовых отчетов.

Красная армия.

Рабочие и военное дело.

Недавно прошедший черный юбилей 10-летия империалистической бойни ставит перед каждым отдельным сознательным пролетарием вопрос о предотвращении в будущем повторений подобных массовых истреблений человечества. Пролетариат советской страны из личного опыта знает, что только сознание и непоколебимая воля к победе, которыми была вооружена Красная армия, привели наш Союз к мирной творческой работе по поднятию хозяйственной мощи страны, к богатству которой до сих пор еще тянутся хищные руки мировых грабителей.

За границей идет лихорадочная работа по обучению армий всевозможным тактическим приемам на поле боя. Нам, пролетариям, больше чем кому-нибудь следует следить за развитием военной мысли у наших врагов.

В настоящее время командный состав Красной армии частями возвращается после долговременной военной службы к мирному производительному труду и обо всех приготовлениях в стане мировой буржуазии должен постоянно помнить. Бывшим командирам необходимо проявить максимум энергии и инициативы в деле ознакомления рабочих и крестьян с новыми тактическими приемами. Их долгом является в настоящее время совместно с бюро ячейки РКП организовать группы любителей военно-стрелкового дела. Постоянная связь с воинскими частями и особенно с военными школами даст возможность быть всегда в курсе военных новинок.

Организация военно-стрелковых любительских кружков на всех фабриках, заводах, предприятиях и в деревнях должна быть проведена в кратчайший срок, памятуя слова Энгельса, что только вооруженный и хорошо обученный пролетарий сбросит с своих плеч ярмо капитализма.

Пальма.

Политпросветработа практического отряда Черфлота.

Обычными формами политпросветработы в практическом отряде являлись военсан- и политчасы. Твердые программы этих работ давали политрукам возможность лучше подготовляться. На ряду с этим в число массовых политпросветительных мероприятий входили кино, световая газета, спектакли, концерты, спортивные выступления, плавание, игры, составленные по вопросам морского и политического характера и т. д.

Производственный план в первую половину плавания был выполнен полностью. Политчасы проходили успешно, кружковая работа развивалась вполне удовлетворительно. Например, на одном из судов практического отряда в течение месяца проведено: политчасов—7, военчасов—2, санчасов—2, занятий в ленкружке—3, в юнкружке—4, школьных занятий—24, культчасов—2, спорткружка—6 занятий, выпущено 2 стенгазеты. Читателей в библиотеке до 80 проц. всего личного состава. На судах устраивались занятия с неграмотными; разработана анкета по самообразованию, закончена обширная работа по учету читательских интересов.

Летняя работа еще не закончена, опыт еще недостаточно выявлен, материал не обобщен. Но и имеющиеся данные говорят о том, что флот крепнет, совершенствуя свою технику и расширяя свой политический и культурный кругозор.

Военмор.

Военная литература.

«Красноармеец». Ежемесячный журнал. Москва.

Начиная с 61-го номера, «Красноармеец» изменил свою физиономию, взяв ориентацию на недавно поступивший в казарму молодняк. Судя по трем вышедшим номерам реорганизованного журнала, «Красноармеец» успешно справляется со своей задачей. Материал подается умело и старательно. Популярные рассказы, снабженные хорошими иллюстрациями, четкие фотографии, целый ряд отделов,—все это дает красноармейцу интересный материал для чтения. Большим подспорьем является «Красноармеец» также для полит- и политпросветчаса.

Пока в журнале небольшое количество материала с мест, но надо надеяться, что призыв редколлегии к красноармейским писателям и поэтам встретит живой отклик, и журнал с ближайших номеров будет насыщаться произведениями исключительно красноармейцев. Политорганы же должны позаботиться о том, чтобы поднять тираж хотя бы до 30.000 экз. «Красноармеец», сразу же зарекомендовавший себя с хорошей стороны, имеет все шансы сделаться самым популярным и распространенным журналом в Красной армии.

И. В.

Вниманию комсомольцев.

Началась кампания пополнения вузов новым рабоче-крестьянским молодняком. О значении того или иного успеха ее говорить не приходится. Нужно только напомнить, что в этом году пополнение надо дать лучше, чем в прошлом году, и что ленинский комсомол так или иначе, в целом, должен помочь.

В деревнях и на фабриках слух о новой вербовке в красные курсанты уже прошел и небезрезультатно. В редакции массовых газет уже сыплются запросы, как поступить в школу. По письмам можно судить, что у многих есть данные для приема их в вуз, есть огромное желание. Вместе с тем нередко видно из писем незнание, что, в сущности, ожидает в военной школе поступившего в нее, и многое другое, что напоминает о необходимости дать массе молодежи точное представление о вузах и как в них попасть.

«Новая Москва» выпустила очень полезную в данном случае книжку В. Виткича: «Комсомол в кузнице победы». Ее необходимо прочесть не только комсомольцу. О ней надо рассказать, с содержанием познакомить и беспартийную трудовую молодежь, ибо и ей открыта дорога, при известных условиях, в вуз. Знакомство с содержанием этой книжки послужит хорошим оружием для пропаганды в Красной армии. Книжка В. Виткича дает исчерпывающие общие и практические сведения о вузах, о порядке приема в них, условиях поступления, быте и учебе, правах и преимуществах при состоянии в вузах, об отношении Ленина к вузам и Красной армии. Для данной кампании вербовки в вузы и вообще для работы в деревне и на фабрике книжка Виткича очень нужна.

Боратов.

Профессиональное движение.

„Не пришли к соглашению“.

(Московский элементный завод).

Если просмотреть протоколы заседаний РКК не только нашего, а пожалуй всякого завода, то легко будет убедиться, что такого рода постановления далеко не редкость в работе местных заводских организаций.

Разница будет только в редакции этого, ничего не дающего постановления. Одни в графе «постановили» пишут: «Не пришли к соглашению», другие—«Считать открытым».

Дело от этого нисколько не меняется, и конфликт остается по-прежнему неразрешенным, принимая в некоторых случаях «хронический» характер.

А между тем к числу таких конфликтов относятся самые важные, самые интересные вопросы. Зачастую они «хоронят» в себе различные приемы нарушения колдоговоров, охраны труда и внутреннего распорядка, как со стороны администрации, так и со стороны рабочих.

Например, на нашем заводе к числу таких вопросов, по которым особенно разгорались «страсти» как у рабочей части РКК, так и у административной, были вопросы неправильного снижения разрядов одним и повышения другим, вопросы, касающиеся различных компенсаций (за свою спец-одежду, за неиспользованный отпуск и т. п.), неправильные сокращения должностей, явно необходимых в планомерной работе завода, за счет сомнительно потребных и т. д.

Изучение профсоюзами этих конфликтов даст, несомненно, богатый материал по обобщению всех недостатков, мешающих правильной жизни наших заводских организаций.

До сего времени профсоюзы или совсем не интересовались этими вопросами, или недостаточно уделяли им внимания.

Рабочие нашего завода это прекрасно учли и на одном из своих собраний заявили:

«Профсоюзам надо обратить особенное внимание на вопросы, по которым местные **РКК не пришли к соглашению,** и ввести порядок непременного их разрешения в самые кратчайшие сроки...»

Совет рабочих необходимо провести в жизнь.

Андрей Шибаев.

В ВЦСПС.

ВЫСЕЛЕНИЕ ИЗ ДЕМУНИЦИПАЛИЗИРОВАННЫХ ДОМОВ.

ВЦСПС рассмотрел проект Наркомюста о дополнении к ст. 156 гражданского кодекса РСФСР, устанавливающей для собственников демуниципализированных строений право преимущественного занятия жилой площади путем выселения жильцов. ВЦСПС, не возражая по существу против проекта, признал необходимым принять меры к предупреждению возможности оставления рабочих жильцов этих домов без жилой площади. ВЦСПС признал необходимым дополнить проект указанием, что лица, получающие зарплату не выше 14-го разряда включительно, могут быть выселяемы лишь в том случае, если коммунотделы или какая-либо другая организация предоставляют им годное для жилья помещение.

СУД.

ЖЕРТВА «ЗОНА».

Народный суд Кр.-Пресненского района. 29 августа. Состав: судья тов. Кропов, народные заседатели: т.т. Грищук и Михайлова.

Гражданин Красновский, 38 лет, сотрудник треста «Жиркость», только что переселенный из Витебска в Москву на должность заведующего парфюмерным магазином по Столешникову пер., в конце июля т. г. зашел в казино «Зон» и незаметно для себя проиграл там в карты 30 червонцев казенных денег. Чтобы отыграться, Красновский снова идет туда же и опять проигрывается. Так продолжалось четыре раза, пока у Красновского в итоге не оказалась очень крупная сумма растраты, достигающая 325 червонцев! Проиграв, таким образом, вверенные ему деньги, Красновский после некоторого колебания позвонил по телефону начальству, сознался в растрате и отдал себя в руки правосудия. Накануне суда родственники Красновского внесли в кассу правления треста часть денег, растраченных обвиняемым.

Свидетель, представитель треста, характеризует обвиняемого, как честного и добросовестного прежде человека; растрата явилась для него полной неожиданностью.

Суд признал Красновского виновным по 1 ч. 113 ст. уг. код. (растрата) и приговорил его к лишению свободы сроком на 1 год, удовлетворив пред'явленный к нему гражданский иск в сумме 2.750 рублей 37 коп. и немедленно заключив его под стражу.

ИЗ СЕМЕЙНОГО БЫТА.

Народный суд Замоскворецкого района. 28 августа. Состав: судья—т. Кудрявцев, народные заседатели—т.т. Березин и Корнеев.

Перед судом—пролетарская семья: помощник директора суконной ф-ки им. Софронова треста Моссукно гражданин Кочетков, его жена Наталья и двое детей—6-летний Осип и 12-летний Сергей.

Жена Кочеткова пред'явила к мужу иск на содержание двух детей по 100 руб. в месяц на каждого, ссылаясь на то, что муж уехал из Москвы и в течение 8 месяцев не оказывал детям никакой помощи.

— Неправда все это,—возражает ответчик,—детей своих я воспитываю в общественно-коммунистическом духе и, забочусь о них, материально обеспечиваю их по мере сил и возможности; старшего определил в лагерь юных пионеров, а младшего—в детскую колонию. Жена моя не переносит нового и хочет жить постарому. Воспользовавшись тем, что я уехал в отпуск, жена без моего согласия взяла обоих детей, увезла их в деревню к своей старой религиозной матери, которая живет возле самой церкви и почти каждый день ходит туда... Прошу оставить детей при мне.

— У кого вы желали бы жить?—спрашивает судья у 12-летнего Сергея.

— У папаньки!—бойко отвечает тот.

Младший сын, наоборот, выражает желание жить при матери.

Суд в иске Кочетковой отказал.

ВОКЗАЛЬНЫЙ ЖИЛЕЦ.

Народный суд Хамовнического района. 27 августа. Состав: судья—тов. Малыгин, народные заседатели—т.т. Сафронова и Голубцова.

— Где вы проживаете?—спрашивает судья грязного, оборванного «восточного человека», заключенного под стражу.

— Я? На вокзаль живу!

Двое свидетелей, торговцы, говорят о том, что они сделались жертвой неизвестного мошенника, похитившего их вещи и они задержали обвиняемого, околачивавшегося на вокзале возле их вещей.

Суд нашел обвинение недоследованным и вынес обвиняемому оправдательный приговор, немедленно освободив его из-под стражи.

ЖИЛИЩНЫЙ БРАК.

Народный суд Замоскворецкого района. 18 августа. Состав: судья—тов. Зайцев, народные заседатели—т.т. Хорьков и Прохорова.

Торговец вразнос, Раппопорт, 25 лет, в силу жилищного кризиса в Москве поселился на Варварке, д. 11, в комнате, занимаемой безработной вдовою Харитоновой, 37 лет. Правление жилтоварищества стало предлагать Раппопорту выехать. Но тот возражал:

— Мы теперь—муж и жена.

— И в ЗАГС'е зарегистрировались?

— Еще 10 сентября зарегистрировались.

— Покажите ваши трудовые книжки.

В трудовой книжке Раппопорта, выданной 31 декабря, значилось, что он—«холост», в трудовой же книжке Харитоновой-Раппопорт слово «вдова» было зачеркнуто, а вместо него значилось: «см. страницу 28». Эта страница, где обыкновенно бывают соответствующие отметки ЗАГС'а, оказалась у нее вырванной. Жилтоварищество, усматривая здесь наличие уголовного преступления, подало в 1-е отделение московской милиции заявление с просьбой разобрать дело. Таким образом, возникло обвинение против невольных супругов Раппопорт по признакам ст. 90 (сокрытие сведений, препятствующих вступлению в брак) и ст. 226 (ложное сообщение) уг. код.

Суд признал обвинение доказанным лишь по ст. 226 угол. код. и приговорил Раппопорта к штрафу в сумме 30 р. зол., а Раппопорт-Харитонову—на сумму 15 р., сообщив копию приговора в ЗАГС для приведения их трудкнижек в должный порядок.

СПРАВОЧНЫЕ ЦЕНЫ фондового отдела при МТБ на 29 августа.

Гос. 6% выигр. заем за обл. в 5 р. зол., включ. тек. куп. . . . 5 р.

Платежн. обяз. Центрокассы НКФ, срочн. в 1927 г., на 1/I—1/VIII 1924 г. за обяз. в 1000 р. з. 1000 р.

То же срочн. на 1/IX 24 г. . . . 1000 „

„ „ „ 1/X 24 г. . . . 1000 „

„ „ „ 1/XI 24 г. . . . 1000 „

Фунты стерл. нал. и чеки . . 8 р. 73 к. (Прод. 8 р. 74 к., покуп. 8 р. 69 к.)

Долл. С.-А. С. Ш. нал. и чеки . 1 р. 94½ к. (Прод. 1 р. 94¾ к., покуп. 1 р. 93¾ к.)

Кроны шведские . . . . 51,7 к.

Марки финские . . . . 4,8 „

Лиры итальянские . . . . 8,6 „

Гульдены голландские . . . . . 75,3 „

Сделки: кроны шведские крупные 51,7 к.

БИРЖЕВОЕ СОБРАНИЕ МТБ 29 августа.

СПРОС: овес кондиц. 100.000 пудов франко Донбасс, мука пшеничная 0000 2.000 и 3.000 пудов, 000 2.000 пудов и 3.000 пд., 000 и 0000 20.000 пд. франко Москва или станция отправления, крупа гречневая ядрица 5.000 пд., овес 100.000 п., масло подсолнечн. 1 цистерна; хлопок американск. семенной 4.300 пудов, бухарской сем. 1 вагон, суровье, марля суровая, мануфактура хлопчатобумажная разное количество; плащи брезентовые 1.000 шт.; медь красная, чушковая анализ 99,4 проц. 4.000 пд., печные приборы различные, водопроводн. арматура разная, инструмент слесарн., столярн. и кузнечн., ключи путевые, пилы различные, лопаты стальные, измерительные приборы, сетки медные и луженые, проволока колюч., ремни приводные кожан., проволока - катанка, цинк заграничн., свинец заграничн. и русск., экстракт квебраховый «Корона» 1.000 пд., рапсовое масло 300 п., лизароль 20 пд., роданистый барий 60 пд., роданистый калий 30 пд., рогожа 6×12 6-пд. 300.000 шт., угары хлопч.-бум. 20.000 пд., круглый и пиленый лесоматериал разн. размеров 100 вагонов.

ПОГОДА.

Виды на погоду. 30 августа в Центральном районе ожидается прохладная и облачная погода, возможны осадки.

ИЗВЕЩЕНИЯ.

Извещения принимаются только до 2 час. дня.

Ячейка Даниловск. камв. пряд. ф-ки им. М. И. Калинина извещает родных и товарищей о безвременной гибели кандидата РКП (б)

тов. Мартемьяненкова Василия,

задавленного поездом 28 августа. Похороны состоятся 30 августа на Даниловском кладбище. Вынос тела из клуба в 3 часа дня.

Агитотдел МК извещает, что посещение мавзолея Владимира Ильича Ленина в день 31 августа, воскресенье, в виду парада выпускников военно-учебных заведений отменяется.

31 августа на Красной площади состоится парад в честь выпуска командиров из военно-учебных заведений в Красную армию.

Билеты распределены по районам.

Члены ИККИ, ИККИМ, ЦК РКП, ЦКК, ЦК РЛКСМ, Исполбюро Профинтерна, ЦИК СССР, ВЦИК, Совнаркома, ВЦСПС, МК РКП, МК РЛКСМ, МГСПС, Моссовета, райкомов РКП и РЛКСМ проходят по своим удостоверениям.

Комиссия по организации праздника.

Высший Совет Физической культуры ВЦИК приглашает членов ЦИК СССР, ВЦИК, Совнаркома, ЦК РКП (б), ЦК РЛКСМ, Коминтерна, Профинтерна, ВЦСПС, МК РКП (б), МК РЛКСМ и МГСПС на торжественное открытие второго всесоюзного праздника физической культуры, имеющее быть 30 августа, в 5 час. дня на стадионе С.-Х. выставки.

1 сентября, в 10 час. утра, в помещении МК РЛКСМ состоится заседание шефской комиссии по флоту при МК.

Партколлегия ЦКК вызывает т. Батманова, Семена Федоровича, к следователю тов. Валескалн (Ильинка, 21, 2-й под'езд, 3-й этаж, комн. 10), от 10—15 час. дня. Явка обяз.

Продолжается прием заявлений на отделение **археологии** (и музееведения) при ФОН I МГУ. Адрес: Моховая, д. 11.

ПАРТИЙНЫЕ.

— **Сокольн. р.** 30 августа, в 5 ч. веч., организацион. собр. рабкорского кружка по изучению быта в отделе печати, комн. 1; в 3 ч. д. в отрготделе сост. собрание секрет. ячеек иждивенцев совм. с цехов. организат.; в 10 ч. у. в орготд. заседание оргколлегии совм. с секрет. крупн. ячеек; 1 сентября, в 7 ч. веч. сост. пленум райкома совм. с пленумом РЛКСМ в райкоме, комн. 11. Комиссия по приему на общеобразоват. курсы Сокольн. района изв., что прием заявлений продл. ежедневно в агитотд. райкома до 15 сентября. Поступающие должны быть не моложе 17 л., обладать грамотностью 4-х действий начальн. школы и иметь командировку партийн., комсом. или профсоюзн. организации.

— **Замрайком.**—РКП. Отдел работниц 1 сентября, в 7 ч. веч., сост. собр. ячейковых организаторов по работе среди женщин в пом. райкома. Явка обяз.; РЛКСМ. Отд. физкультуры изв., что кружкам физкультуры необходимо заняться подготовкой упражнений и пирамид к празднов. 10-л. МЮД. Праздник сост. 7 сентября на с.-х. выставке в 12 ч. дня. Все кружки будут выступать отдельными номерами, кроме общих номеров; 31 августа замрайком РЛКСМ устраивает беспартийную конференцию рабочей молодежи района. Необходимо как можно скорее провести выборы на таковую на общ. собраниях молодежи. Норма представит. от 5—1. Конференция сост. 31 августа, в 2 ч. дня, на территории с.-х. выставки. Мандаты получаются в райкоме; 30 августа, в 7 ч. веч., в центр. клубе (Кузнецкая, 40) сост. собр. старост и инструкторов физкультуры всего района по вопросу о проведении 10 МЮД; замрайком изв., что розыгрыш первенства района по играм продолжается. Предлагаем всем кружкам зарегистрироваться в отдел. физкультуры, имеющ. команды по футболу, баскет-болу и городкам. Регистрация команд заканчивается 30 августа. О календаре игр будет об'явлено особо; 30 августа, в 7 ч. веч., в центр. клубе сост. конференция участников касс взаимопомощи.

— **Бауман. р.**—РКП. 30 августа, в 5 ч. в. в пом. Введенск. нар. дома открыв. широкая район. рабоче-красноармейская конференция Баум. района. Представительство от 30—1. Билеты в орготделе райкома; РЛКСМ. 30 августа, в 4 ч. дня, сост. об'единен. совещание секции русского языка и политграмоты. Присутствие т.т. Розанова и Новосадова обязательны; Баум. райком РЛКСМ просит всех прикрепленн. к школам 2 ступ. и детск. домам сост. секрет. ячеек, фракц. школ 2 ступ. и детских домов явиться в райком 30 августа, в 8 час. веч.; 1-го сентября, в 7 час. веч., сост. совещ. всех секций Баумановского райкома РЛКСМ; 1 сентября, в 6 ч. веч., в пом. райкома сост. собрание экономических работников.

— **Рог.-Сим. р.** 30 августа, в 9 ч. утра, сост. очередн. заседание оргколлегии райкома в комн. 43 райсовета; 1 сентября в клубе завода им. Васкакова (Ульяновская, 65), в 6½ ч. веч. сост. общ. собр. членов и кандидатов РКП, проживающ. в жил. т-вах и домах-коммунах района.

— **Хамовн. р.**—РЛКСМ. 30 августа, в 5 ч. в., совещ. комиссии по МЮД в райкоме; в 5 ч. веч. в райкоме собр. старост всех кружков физкультуры; 1 сентября, в 5 ч. веч., в райкоме совещание инструкторов кружков физкультуры.

— **Кр.-Пресн. р.** 30 августа, в 12 ч. дня, в пом. райкома сост. собр. бюро ячеек, фракций, завкомов и директоров-коммунистов полиграфическ. производства. На собрание приглаш. представит. правл. Мосполиграфа и губотд. союза печатников; РЛКСМ. 30 августа, в 7 ч. веч., в пом. кухни Трехгорн. м-ры сост. расширен. пленум райкома совм. с ячейкой РЛКСМ и беспарт. рабоч. молодежью Трехгорной м-ры. Пригл. базовые секретари; 31 августа, в 12 ч. дня, в пом. райкома РЛКСМ сост. совещ. комсомольцев школ 2 ступ. и окончивших, по желающ. работать в школе. Всем секретарям ячеек РЛКСМ до 2 сентября предлагается выделить актив. т.т. для занятия в семинарии руководителей кружков I ступ. Запись в политпросвете.

— Моск. к-т РКП (б) и фракция РКП губпроса созыв. 2 сентября, в 6 ч. веч., общ. собрание коммунистов—работников просвещения в пом. центр. дома работников просвещения (Леонтьевский пер., 4).

СОВЕТСКИЕ.

— 1 сентября, в 6 ч. веч., заседание подсекций: лечебной, санитарной и охраны материнства и младенчества Рог.-Сим. совета в пом. санпросвета, комн. 58 (Коммунистическая ул., 29).

— 1 сентября, в 5½ ч. дня, сост. заседания след. подсекций промышленной секции Моссовета РК и КД: 1) металлической в клубе з-да «Красный факел» (б. Густав Лист), Софийская набережная, 12; 2) химическо-кожевенной в тресте «Жиркость» (Никольская, 10); 3) текстильно-швейной в тресте «Москвошвей» (Петровка, 12); 4) строительно-деревообд. в тресте «Моссиликат» (Мясницкая, 1); 5) 2 сентября, в 5 ч. дня, экономической подсекции в пом. МСНХ (Ильинка, 12, 4-й эт., кабинет управляющего делами).

ЛЕКЦИИ, ДОКЛАДЫ И КОНЦЕРТЫ.

— **Центр. дом работн. искусств** (Б. Никитская, 19), 30 августа, ровно в 9 час. веч., сост. доклад на тему: «Партия социал.-революционеров и В. И. Ленин». После доклада кино. Вход свободен. 1 сентября IV концерт цикла «Русская художественная песня». Романсы Рубинштейна, Направника, Давыдова и Каргановa. Нач. в 9 час. веч.

— 30 августа, в 6 ч. веч., в еврейском рабоч. клубе «Коммунист» (Лубянский пр., 2) сост. доклад тов. Диманштейна на тему: «Положение нац. меньшинств в СССР и в др. капиталистических странах». После доклада будет выпущена живая газета «Синяя Блуза» от МГСПС.

— **Ц. Д. Крестьянина** (В. Златоустинский, 8), 30 августа, в 8 ч. веч., сост. лекция тов. Жукова о сельскохозяйственном банке.

— 31 августа, в 2 ч. дня, на площадке летнего клуба состоится праздник «Здорового тела», в 8 час. веч.—спектакль «Синяя Блуза». Трамвай: 4, 6 и 10 (Сокольники).

РАЗНЫЕ.

— **О-во изучения рус. усадьбы.** 31 августа экскурсия в Марфино (усадьба Паниных), под рук. С. А. Торопова. Сбор: Савелов. вокз., на перроне, в 10 ч. 30 м.

— Студенты бывш. хоз.-экон. фак-та ВТК НКПС должны явиться в ин-т для начала занятий обяз. 5 сентября.

— Утерян кандидатский билет № 30299 на имя А. А. Королева, исключенного контрольной комиссией Кр.-Пресн. района 22 августа 1924 г. Считать недействительным.

БОРЬБА ЗА ВРЕМЯ И НОТ.

— Заседание агитгрупп хам. райкома ЛВ—НОТ сост. 30 августа, в 7 ч. веч., ул. Кропоткина, 14. Вход свободный. Открытое заседание хамрайкома ЛВ—НОТ сост. 2 сентября, в 6 ч. веч., ул. Кропоткина, 14, комн. 1.

„Главлит“ № 21165. Москва.

Центральная газетная типография «Красный Молот», Мосполиграфа, Тверская, 48.